

ПАНАЕВ И.И.

АКТЕОН

Иван Иванович Панаев

АКТЕОН

Содержание

#1	0005
ГЛАВА I	0006
ГЛАВА II	0044
ГЛАВА III	0061
ГЛАВА IV	0097
ГЛАВА V	0130
ГЛАВА VI	0153
ГЛАВА VII	0176
ГЛАВА VIII	0199
ГЛАВА IX	0210
ГЛАВА X	0232
ГЛАВА XI	0241

Иван Иванович Панаев

АКТЕОН

Астаеон Rhinoceros принадлежит к насекомым жесткокрылым (coleoptera). Имеет голову немного сплюснутую и украшенную одноструччатым рогом с раздвоенным концом, а брюшко полное. Как и все совершенные насекомые (Insectum declaratum), он не имеет красной крови в своем теле, а вместо оной снабжен беловатым соком; вместо же сердца длинным, неровной величины проходом. Сей актеон, подобно прочим своей породы, готовится себе логовища для своего продолжительного засыпания; любит водиться на скотопаствах, а особливо в коровьем навозе. Как и все насекомые, он необычайно плодовит; от преследования своих неприятелей защищается смрадом, который в случае нужды от себя распространяет.

("Руководство к естественной истории" Блуменбаха, переведенное истории гражданской и географии учителями

Петром Наумовым и Андреем Теряевым.

ГЛАВА I

Село Долговка,***ской губернии,**уезда, выстроено на отлогой возвышенности по левую сторону речки Брысы, которая, красиво извиваясь, образует своим прихотливым течением небольшие островки. Эти островки, обсаженные густо разросшимися ивами, служат любимым приютом для барских гусей и уток, и потому почва их обыкновенно покрыта в летнюю пору гусиными и утиными перьями. Напротив островков, саженьях в двухстах от берега Брысы, стоит своеобразной архитектуры деревянный двухэтажный барский дом с мезонином и с огромным подъездом, между полусгнившими ступеньками которого уже прорывается местами трава. По обеим сторонам дома образуют полукруг одноэтажные флигеля, где помещаются: дворня, прачечные, ткацкие, столярные и прочее.

Среди широкого и заросшего травой двора красуется деревянная раскрашенная статуя.

Направо возвышается старинная пятигла-

вая церковь вроде Успенского собора; налево мелькают крылья ветряной мельницы. За барским домом большой темный сад, заросший крапивою, огород с капустою, пруд с тиною, развалившаяся оранжерея с бесплодными персиковыми деревьями, несколько десятков яблонь и вишен, несколько кустов малины, смородины и крыжовника. В конце сада баня, не обшитая тесом, ветхая и одним боком прислонившаяся к высокой рябине; за садом различные хозяйственные заведения, как-то: кладовые, амбары и псарня - здание величественное, занимающее довольно большое пространство; а далее крестьянские избы, или покачнувшиеся на сторону, или вросшие в землю, почти все крытые соломой, почерневшей от дождей и дыма. При въезде в село и при выезде из него торчат по два бревна, воткнутые в землю, с перекладиной наверху, называющиеся воротами, которые, впрочем, никогда не запираются, и плетень, заменяющий забор, через который, впрочем, может перелезть четырехлетний младенец. У этого плетня пестрые столбы с дощечками, на которых начертано: Село Долговка ***губер-

нии**уезда. Помещика титулярного советника Петра Александровича

Разнатовского, душ мужеска пола 810, дворов 102.

Но всего лучше в селе Долговке то место, где Брыса за островками круто поворачивает свое течение. У этого поворота устроена водяная мельница, и смиренная, тихая речка, по которой в жаркий летний день в иных местах проходят вброд ребятишки и куры, широко и красиво разливаётся у мельницы. Против самой мельницы, на противоположном берегу, растут, наклонясь друг к другу, дуб и береза, соприкасаясь своими вершинами, а у корней их лежит большой булыжник, как нарочно устроенная скамейка, покрытый мохом, точно бархатом. Хорошо в удушливый июньский день, разлечься на этом камне в тени дружных деревьев, прислушиваясь к ропоту воды и глядя на необозримые поля, дышащие колосьями! Но всего замечательнее и удивительнее в

Долговке мост через речку Брысу, при въезде в село. Он, кажется, едва держится на двух сваях, так что неопытный городской жи-

тель при всей отваге не решится пройти по нем не перекрестясь, - а вот уже десять лет, как по этому мосту (беззаботно проезжают крестьяне с возами, тяжело нагруженными сеном или хлебом, и помещики в своих колымагах, набитых перинами и подушками).

В одно майское праздничное утро 183* года в селе Долговке было необычайное движение. Все обоего пола ревижские души находились в величайшем волнении. На главной улице села, которая от удивительного моста через реку Брысу шла прямо до самого выезда, - на этой улице, пошире и покрасивее других (ибо здесь находилась двухэтажная изба старосты с подзорами, крытая досками), молодые парни стояли вооруженные метлами, а бабы в кумачных сарафанах группами сидели на завалинах изб своих с младенцами на руках; мальчишки и девчонки, подросточки, бегали с криком между поросятами и свиньями или валялись в мелкой пыли, которую парни сметали на сторону. Во внутренности изб оставались одни еле движущиеся старухи, или, лучше сказать, только их туловища, головы же их, впрочем, более походившие на

грибные наросты у гнилых заборов, чем на головы, торчали из щелей, то есть из окон. "Что? Еще не видать кормильца-то?" - спрашивали они у молодежи. "Где-ста, еще рано!" - отвечали молодежи.

Но самое большее стечение народа было у моста. Там стоял управитель села, Назар

Яковлич, чиновник 12-го класса, выключенный за взятки из коронной службы и рекомендованный помещику села Долговки г. Бобыниным, - человек среднего роста, плотный, с полным лицом и с сиповатым голосом.

- А что, Андрюха, - говорил он, сомнительно поглядывая на удивительный мост и обращаясь прямо к старосте, - мост-то плоховат, братец; ну, как он провалится... а?..

Староста, в красной рубахе, мужик здоровый и толстый, с белокурыми густыми волосами в форме шапки, с рыжеватую бородою, почесал в затылке и отвечал с тою милою беззаботностию, которая так идет к русскому человеку:

- А пожалуй, что и провалится!

- То-то же провалится! - продолжал управляющий, - осмотри-ка его хорошенько; долго

ли до беды, Андрюха!

Староста начал внимательно осматривать мост.

- А что, батюшка Назар Яковлич, - сказал он, кончив осмотр и почесываясь, - разве что переменить эти две доски... вишь, они больно уж подгнили, а мост нешто себе: еще здоров.

Когда доски были переменены, управляющий оборотился к толпе крестьян, окружавшей его.

- Слышите же вы!.. сора из избы не выносить! - воскликнул он торжественно и подняв над головой сжатый кулак, - до барина никаких дрызгов не доводить, не сметь беспокоить его ни жалобами, ни просьбами, а не то я по-свойски разведуясь с вами...

- Зачем жаловаться, Назар Яковлич? Что прикажет твоя милость, то и будем делать.

На то ты поставлен над нами набольший, - раздалось вдруг несколько голосов.

- То-то же! - говорил управляющий, - а в особенности ты, Еремка... - Управляющий обратился к мужику высокого роста, очень дородному, с густой черной бородой и с растрепанными волосами. - Ты всегда всех му-

тишь... учишь всему скверному... смотри, берегись у меня... тебе бы все в кабак ходить да на печи лежать.

- Было бы на что еще в кабак-то ходить, - проворчал Еремка.

Управляющий сделал вид, что не слышал этого, ворчанья, и продолжал:

- Если барин, примерно, спросит вас: "Ну, а довольны ли вы управляющим?", отвечать: "Довольны, батюшка Петр Александрыч, довольны, благодарим тебя, отец наш, за него". Слышите?

- Слушаем, Назар Яковлич. Крестьяне поклонились управляющему в пояс.

- Как только покажется вдали пыль и как махальный даст знать о том, что едет, вы сейчас и идите навстречу с хлебом-солью. Андрюха, а кто у тебя махальные-то?

Управляющий обратился к старосте.

- Кондрашка Лысый, - отвечал староста, - да еще Флегошка, Ермолаев сын.

- Ладно. Они, кажись, не зеваки?

- Уж сохрани господи своего барины прозевать, батюшка Назар Яковлич.

Управляющий вынул из кармана серебря-

ные часы величиною с добрую репу, приложил их сначала к уху, потом посмотрел на них.

- Э-ге! сорок минут девятого. Надо быть, братцы, наготове.

В эту минуту солнце, скрывавшееся за грядюю легких облаков, торжественно выглянуло, и блистательные лучи его весело заиграли на клеенчатом картузе управляющего.

- Кажется, и солнышко-то, - сказал он, значительно улыбаясь, - хочет вместе с нами радоваться и встречать Петра Александрыча.

Управляющий отошел в сторону от толпы крестьян и остановился на берегу немного левее моста. Там черпала воду в ведро девка лет восемнадцати, толстая, дородная и румяная, в новом сарафане.

- Здравствуй, Настя, - сказал ей управляющий. Глаза его подернулись маслом, и рот образовал гримасу.

Девка, не приподнимаясь, обернулась к нему и отвечала протяжно:

- Здорово, Назар Яковлич! - и потом равнодушно продолжала свое занятие.

- Что-то больно давно тебя не видно, На-

стя?

Дородная девка зачерпнула два полные ведра воды, положила на плечо коромысло и, казалось, не чувствуя ни малейшей тяжести, поднялась на берег.

- Право, что-то тебя не видно, Настя? - продолжал управляющий, подходя к ней, - а? - Он лукаво улыбнулся.

- Коли не видно, - отвечала Настя, - а на гумне-то?

- Да в самом деле! А я вот как только удосу-жусь после приезда Петра

Александрыча, сейчас же съезжу в город, куплю тебе подвески...

Управляющий хотел еще продолжать разговор с Настей, но сзади его кто-то произнес голосом Стентора:

- Наше почтение Назару Яковличу.

Перед Назаром Яковличем предстал человек лет пятидесяти пяти, роста исполинского, в длинном сюртуке травяного цвета из деревенского сукна и в широких лазурного цвета кумачных панталонах, с лицом небритым и с грязными руками.

- А, Наумыч, как, брат, поживаешь? - спро-

сил его управляющий.

- Какое наше житье! Как вы, сударь, можете?.. Что детки ваши? супруга?.. - Антон искося посмотрел на удалявшуюся Настю.

- Хоть бы вы, Назар Яковлич, - продолжал Антон, - месячины нам прибавили...

Ведь тридцать лет, сударь, служу, что, право! Сами знаете, батюшка, у меня этакая обуза детей, все есть требуют, что с ними будешь делать?

Управляющий несколько нахмурился.

- Грех сказать, Наумыч; у тебя месячина хорошая; зачем напрасно бога гневить?

Живешь ты спокойно, как у Христа за пазухой; дела никакого нет.

- Да какая это месячина? - возразил Антон, наморщивая лоб, - при покойнике я какие, можно сказать, должности не произошел, и буфетчика и камардена... ну, разумеется, перепала копейка, а теперь откуда возьмешь? По миру идти не приходится.

Хоть бы вы деткам синего суконца на платье пожаловали: совсем, ей-богу, обносились.

- Хорошо, хорошо, Наумыч.

- Ну, и за то дай бог вам здоровья! - Антон

вынул из кармана тавлинку и понюхал, приговаривая: - И табачишка-то иной раз не на что купить... А сколько я за свой век барского-то добра сохранил. Вот хоть бы по воскресеньям: у нас обедали и исправник, и заседатель, и все эти, знаете, из города. Шампанское всегда из Москвы выписывали; бывало, кричит: "Антон, шампанского!", а у меня всегда наготове две бутылки - кто получше, ну, тому шампанского, а остальные, думаю себе, и цимлянским довольствуются, да еще губы облизут; не по коню корм, сударь. То, думаю себе, для хороших господ.

Управляющий засмеялся.

- Оно, конечно, - продолжал Антон, - молодые господа - это совсем не то; а мне, старику, что за дело! Я тридцать лет ихнему дяденьке служил. Да вон анамеднясь заседателя в городе встречаю. ".А! говорит, Антон Наумыч, старый знакомый, здравствуй!" - "Здравствуйте, Федор Иванович". - "Что, брат, говорит, худо без старого барина?" - "Гм! разумеется, не то, что бывало, что толковать! Оно, конечно, еще по милости Назара Яковлича живем-таки; что-то будет, как новый барин приедет". - "Жаль, го-

ворит, старичка, жаль!.." Не прикажете ли, батюшка Назар Яковлич, табачку?

Управляющий взял щепотку табаку и потрепал Антона по спине.

- Старые слуги, Наумыч, ей-богу, лучше новых, - это мое правило. Я об тебе поговорю Петру Александрычу, непременно поговорю.

- Дай вам бог здоровья, Назар Яковлич... Мы все довольны вами; а на мужичье-то нечего смотреть. Известное дело - козлиные бороды, лентяи... Вот, правда, из них Максим, Настин отец, мужик добрый, нечего сказать, и работающий... Не забудьте же, батюшка, суконца-то деткам на платишко...

Речь Антона была прервана криком оторопевшего старосты:

- Его милость едет, едет!..

Махальный дал знак... Все пришли в движение. Крестьяне и крестьянки перешли за мост и остановились. Лица добрых крестьян и крестьянок необыкновенно вытянулись от любопытства и нетерпения; большая часть ртов раскрылась, все глаза устремились на дорогу - однако по дороге еще ничего не было видно. Узенькая дорога, извиваясь между за-

сеянными полями, исчезала за оврагом, потом снова виднелась на горе и, наконец, совсем пропадала за мелким лесом, который окаймлял горизонт. Управляющий бегал из стороны в сторону, подергивая свой жилет. Его щеки заметно побледнели; с поднятым вверх кулаком он несколько раз обращался к крестьянам, повторяя:

- Смотрите же вы у меня! Антон проворчал:

- Пойду-ка обрадую барыню, - и направил свои исполинские шаги к барскому дому.

Весть о том, что "его милость едет", распространилась в одно мгновение по всей деревне, и в то время как Антон входил на крыльцо барского дома, пономарь бежал уже изо всех сил к колокольне. Бесконечные фалды сюртука пономарского, развеваемые ветром, уподоблялись крыльям летучей мыши, и длинная заплетенная коса, выпущенная пономарем сверх сюртука, болтаясь, ударяла его по спине.

Антон произвел величайшее волнение в барском доме. В этом доме с некоторого времени поселилась мать помещика - Прасковья

Павловна, переехавшая из своей деревни, чтоб собственными руками приготовить все нужное к приезду сына, нежно любимого ею.

Злые языки*** губернии утверждали, однако, будто она переехала в сыновнее имение потому, что совершенно прожила свое собственное. Как бы то ни было, достоверно только, что в продолжение двухнедельного своего пребывания в селе Долговке Прасковья

Павловна постоянно вмешивалась во все хозяйственные распоряжения по женской части и совершенно поссорилась с женою управляющего Назара Яковлича. "Ей, бестии, - замечала Прасковья Павловна, - хорошо чужим добром распорядиться, ей что беречь чужое добро! Вишь, как ее раздуло на чужом-то хлебе, - а он мой сын; мне его копейка так же дорога, как своя собственная, еще дороже!"
Вскоре после приезда Прасковьи

Павловны произошел еще совершенный разрыв между попадьею и дьяконицей, но это не относится к моему рассказу. Дело в том, что Прасковья Павловна, услышав от Антона радостную весть о приближении своего сына, которого она не видала лет восемь, едва не

упала в обморок. Она начала порываться к дверям и всхлипывать, приговаривая:

- Голубчик мой, ангел мой! наконец дождалась я этой минуты... Благодарю моего бога!..

Волнение Прасковьи Павловны было так велико, что находившаяся при ней с незапамятного времени девушка-сирота лет тридцати шести, дочь бедных, но благородных родителей, в испуге бросилась к Антону и закричала:

- Ах, какой ты неосторожный, Антон! Тебе следовало прежде меня предупредить, а то вдруг, как можно?.. Ну кабы что случилось?

- А чему случиться-то? - возразил Антон с неудовольствием, отходя в сторону. - Не знаю я, что ли, как с господами говорить? Я при покойнике-то тридцать лет прослужил, слава богу; вишь, учить... вздумала... случится!..

- Анеточка! - сказала Прасковья Павловна, обращаясь к дочери бедных, но благородных родителей, - пойдем, душенька, к нему, к голубчику моему, навстречу... Нет, уж я не могу здесь дожидаться, как хочешь - не могу.

Прасковья Павловна тяжело дышала и беспрестанно подносила платок к глазам...

- Милый друг мой Петенька!.. Милый друг мой! - восклицала она от времени до времени в порыве материнского восторга.

- Поддай мне, Анеточка, мой платок, желтый, турецкий... Так вот, не поверишь, даже колена дрожат.

Дочь бедных, но благородных родителей принесла желтый платок.

Прасковья Павловна подошла к зеркалу и, несмотря на свое внутреннее волнение, стала поправлять перед зеркалом свой чепчик и надевать платок. Прасковье Павловне казалось лет под пятьдесят; она была очень дородна, имела рост средний, выщипывала слишком густые брови, подкрашивала седые волосы и вообще, кажется, желала еще нравиться.

Она вышла на крыльцо, сопровождаемая дочерью бедных, но благородных родителей. Там толпилась уже вся многочисленная дворня: псари, столяры, ткачи и проч., с женами и детьми. Антон переходил от одного к другому, от одной к другой и, нахмутив брови, рассказывал им о чем-то с важностью, усиливая свои рассказы выразительными жестами. У самого крыльца стояло человек до десяти ис-

полинов, еще десять Антонов, которые, однако, назывались не Антонами, а Фильками, Фомками, Васьками, Федьками,

Яшками и Дормидошками. Все они, впрочем, имели одно общее название малый. Эти

"малые" были небриты и облечены в сюртуки до пят. С первого взгляда их невозможно было отличить друг от друга; но глаз зоркий и наблюдательный по заплатам, оборванным локтям и пятнам на сюртуках их, вероятно, успел бы подметить, чем Филька разнился от Васьки, а Васька от Федьки и так далее.

Прасковья Павловна на последней ступеньке крыльца была на минуту остановлена высокой и худощавой старухой, одетой несколько поопрятнее и получше других дворовых женщин. На этой старухе было надето ситцевое платье полурусского, полунемецкого покроя, до половины закрытое телогрейкою; голова ее тщательно была повязана шелковым платком, с бантиком на темени, а изпод платка торчали седые волосы. Она бросилась к Прасковье Павловне с криками:

- Матушка, сударыня... Сподобил-таки меня господь, окаянную, дожить до такой радо-

сти!.. Говорят, сокол-то мой ясный, красное-то мое солнышко, уж близехонько от нас!

Голова старухи тряслась, и слезы катились ручьем по ее морщинистым щекам.

- Да, Ильинишна, - отвечала Прасковья Павловна, поднося платок к глазам, - ах, батюшки мои! не знаю, что со мной будет от радости... Не перенесу этого, не перенесу!..

Пойдем к нему навстречу, няня.

Но няня не слыхала слов своей барыни: она была уже далеко. Мысль о свидании с тем, кого она вырастила и кого столько лет не видала, придала ей силу и бодрость изумительную. Семидесятилетняя старуха бежала с скоростью пятнадцатилетней девочки к знаменитому мосту, у которого мы оставили управляющего и крестьян с хлебом-солью.

Прасковья Павловна с дочерью бедных, но благородных родителей последовала за нею, а за ними двинулась вся дворня.

- Вот увидишь, Анеточка, - говорила дорогою Прасковья Павловна дочери бедных, но благородных родителей, - вот теперь сама увидишь, душа моя, каков мой Петенька; он совершенный бельом; брови, знаешь, этак ду-

гой, немного похожи на мои; глаза голубые, бирюзового цвета, - не знаю, может быть, теперь переменялись, - ведь ты знаешь, душечка, как непрочны голубые глаза, сейчас посеуреют. А уж как любит меня!.. И на воспитание, можно сказать, я ничего не жалела для него... Каких учителей у него не было!

По-французски так и режет; уж на что, бывало, француз у нас в доме и тот заслушается его, как он, бывало, заговорит по-французски, ей-богу...

- А я горю нетерпением познакомиться с Ольгой Михайловной, - заметила дочь бедных, но благородных родителей, жеманно поправляя платочек, накинутый на ее голове, - натурально, у нее должно быть все особенное: столичная жизнь не то что наша, деревенская...

- О, что касается до моей Оленьки, - с жаром перебила Прасковья Павловна, - мне писали об ней из Петербурга, что она уж такая модница... такая... и красавица: черная бровь и римский нос. Самая, говорят, бонтонная дама... Это очень натурально: генеральская дочь. Кому же и быть на виду, как не гене-

ральской дочери?

При этих словах на лице дочери бедных, но благородных родителей обнаружилось судорожное движение, и она начала кусать нижнюю губу.

- Ах, милая Анеточка, ты не испытала еще материнского чувства, - продолжала

Прасковья Павловна, - и не можешь представить себе, дружочек, вполне моего положения...

Дочь бедных, но благородных родителей побледнела. Она никогда не могла равнодушно слушать о материнских чувствах и переменяла разговор.

Между тем они подошли к мосту. Управляющий, увидев Прасковью Павловну, подбежал к ней. Он начал изгибаться перед нею, кланяться, рассказывать о своих распоряжениях.

Но Прасковья Павловна равнодушно слушала его, изредка кивая головою и принужденно улыбаясь. Вдруг речь словоохотливого управляющего прервалась. Он заикнулся на полслове...

- Пыль! Пыль! - кричала няня, - видите ли

пыль?.. Это он, родимый мой, он!

Старуха стояла за мостом впереди всех и не сводила глаз с дороги. Ее сторбленный стан выпрямился. Ее седые волосы, торчавшие из-под платка, развевал ветер; руки ее были протянуты к леску, из-за которого в самом деле подымался столб пыли, и глаза ее, всегда мутные и неподвижные, засверкали в эту минуту.

- Он! он! - повторила Прасковья Павловна, побежав на мост и таща за собою дочь бедных, но благородных родителей.

- Они! они-с! - кричал управляющий, следуя за Прасковьей Павловной.

Большая дорожная четырехместная карета, запряженная шестернею, выехала в эту минуту из-за леска и начала осторожно спускаться в овраг.

- Эй вы, голубчики, пошевеливайтесь! - кричал седобородый кучер, махая кнутом, когда лошади стали подниматься из оврага.

- Вытягивай, вытягивай постромки-то!

Карета выехала на ровное место, и в эту самую минуту раздался благовест, призывавший прихожан церкви села Долговки к обед-

не. Кучер снял шляпу и перекрестился. Из окна кареты выглянуло круглое лицо мужчины. Этот мужчина закричал кучеру:

- Стой, стой!..

Карета остановилась.

Лакей с сережкой в ухе, сидевший с ямщиком на козлах, с столичною ловкостью подбежал к дверцам и схватился было за ручку, как вдруг могучая рука Антона невежливо оттолкнула его и отворила дверцы.

Лакей с сережкой в ухе презрительно улыбнулся, посмотрел на Антона, а Антон, нахмутив брови, измерил его с ног до головы и проворчал себе под нос:

- Нам-ста не в диковинку, брат, этакие. Видали всяких!

Из кареты выскочил человек лет двадцати девяти, полный, белокурый, в камлотовом пальто, с черепаховым лорнетом на шнурке и в дорожной фуражке с длинною шелковою кистью.

Едва он успел коснуться одною ногою земли, как уже почувствовал себя в горячих материнских объятиях. Прасковья Павловна прижимала его к груди, стонала, охала и кри-

чала раздирающим душу голосом:

- Петенька... Петенька... голубчик мой... Ты ли это, друг мой милый?.. Не во сне ли я? Узнаешь ли ты меня, батюшка мой?.. Дай посмотреть на себя...

Петр Александрыч - тот самый, который был известен читателю под именем

Онагра, задыхаясь от поцелуетев и ласк, не мог ни говорить, ни шевелиться. Так прошло минут пять. Наконец он освободился от объятий, перевел дыхание, отряхнулся, прокашлянул и сказал:

- Позвольте мне, маменька, представить вам жену мою.

Он оборотился назад и указал рукой на даму чет двадцати четырех, высокую и стройную, одетую просто, по-дорожному.

Лицо ее было бледно, большие черные глаза выражали утомление (очень натуральное после двухнедельной езды), густые волосы, некогда рассыпавшиеся локонами до плеч (и обратившие на себя внимание офицера с серебряными эполетами на бале госпожи Горбачевой), были зачесаны гладко.

Прасковья Павловна окинула свою невест-

ку взглядом быстрым, пронизательным - и ринулась на нее с криком:

- Ангел мой!.. сокровище мое!.. Ольга Михайловна!.. Друг ты мой!.. Прошу полюбить меня... А я за вас молилась всякий день, ангел мой, ночи не спала, все думала, когда-то увижу моих родных деточек... Дай обнять себя, сердце мое!.. Дай посмотреть на себя... Здоровы ли ваша маменька, папенька, мой дружок?

Прасковья Павловна, не выпуская ее из объятий, отодвинула свою голову немного назад и посмотрела на невестку с выражением бесконечного умиления.

- Красавица! просто красавица! Ну, ни дать ни взять, как я видела вас, мое сердце, во сне. Я и Петеньке об этом писала: брюнетка, глаза навывкате, две капли воды...

Поцелуйте меня, друг мой, милая дочь моя...

Та, к которой относились эти восторженные речи и восклицания, стояла несколько секунд с потупленными глазами, - и едва заметный румянец показался на щеках ее; потом она наклонилась, чтоб поцеловать руку

свекрови.

- Что это вы, мой ангел! - закричала Прасковья Павловна, - как это можно! Стою ли я того, чтоб вы целовали мою руку?.. Лучше поцелуйте меня, моя родная... Вот это другое дело. Ну, не ошиблась я в Петенькином вкусе! Уж я в нем была уверена заранее... Такой выбор делает ему честь, а я, можно сказать, должна гордиться, что имею такую невестку...

А где же внучек мой?.. Батюшка!.. вот он, а я и не вижу его!.. - Прасковья Павловна от невестки бросилась к внучку.

Пожилая женщина в чепце держала на руках дитя, которому казалось лет около двух.

Прасковья Павловна начала целовать внучка, а внучек начал реветь.

- Не плачь, Сашенька, - приговаривала Прасковья Павловна, - не плачь, херувим мой... С тобой говорит бабушка... Слышишь, друг мой, бабушка... Скажи: ба-ба! ба-ба!..

Вылитый отец, ей-богу!.. И глаза совершенно его, и рот... Вот и перестал плакать... умница!.. Он будет любить бабушку... Ведь даром что младенец, а он понимает, что я ему не чу-

жая; и в этаких крошках есть чувство...

- Скажите же, Александр Петрович: баба, - заметила нянюшка, - он у нас говорит, сударыня, мама, и папа, и баба...

- Ах, мой милый Сашурочка!.. Счастливейший день для твоей бабушки, подлинно счастливый... А я для тебя, ангел мой, гостинцу приготовила... Бабушка об тебе, и не зная тебя, заботилась... варенье ли варю или что этакое, все думаю: это моему Сашеньке...

Дочь бедных, но благородных родителей, остававшаяся в продолжение этих родственных сцен на втором плане, начинала уже явно тяготиться неловкостью своего положения. Она искоса посматривала на столичную даму и никак не решалась поступить против этикета, чтоб заговорить с ней, не будучи сначала ей представлена. Для этого она решилась деликатно напомнить о себе Прасковье Павловне. Она подошла к ее внучку и сказала с приятным выражением, закатив несколько глаза под лоб:

- Ах, какой прелестный ребенок!

- Анеточка, ты здесь, мой друг? - возразила Прасковья Павловна. - Боже мой, я тебя до сих

пор не представила моим деткам... Ольга Михайловна, друг мой, - Петенька, позвольте мне отрекомендовать вам эту девицу... Она у меня взята вместо дочери... Я дала ее родителям слово на смертном одре не оставлять ее. Она круглая сирота, думаю себе, исполню священный долг, может быть, за это меня бог и не оставит... Полюбите ее, родная моя; я уверена, что вы с ней сойдетесь... Она у меня такая охотница до книг... все читает... у соседа нашего всю библиотеку прочла... романы страсть ее... вот вы вместе читать будете, гулять - и подружитесь.

Между тем как Прасковья Павловна занималась невесткою, внучком и дочерью бедных, но благородных родителей, к Петру Александрычу подошла старушка-няня, все время не спускавшая с него глаз и заливавшаяся слезами.

- Узнаешь ли меня, красное солнышко, бабюшка мой? - произнесла она дрожащим голосом, утирая кулаком слезы и кланяясь в пояс, - кормилец мой, узнаешь-ли ты меня?

Как ты переменялся, друг мой сердечный, какой молодец стал!.. Дай мне твою ручку...

Она схватила его руку и целовала ее, заливаясь слезами.

- А ты мало переменялась, няня! все такая же. Право.

- Как не перемениться, кормилец?.. Совсем стара стала... И глухота-то одолела меня, почитай что уж год - с Петрова дня на правое ухо совсем не слышу, - и ноги-то уж не так ходят... Думала, что господь и не сподобит меня увидеть моего сокола ясного. Боже мой, боже мой!

Няня качала головой и вздыхала.

- Давно ли, кажется, я носила тебя на руках? а вот уж у тебя и у самого детки.

Бывало, я ем кислую капусту, а ты, голубчик мой, кричишь: "Няня, дай капусты!.." - ей-богу. Ты уж, я думаю, позабыл об этом? А ведь маленький какой был охотник до капусты!.. Кушаешь ли теперь ее, батюшка? Где, я чай. Теперь тебе не до того! Покажи же мне, кормилец мой, барыню-то свою и сынка-то твоего.

- Изволь, изволь, няня... А что, скучно, я думаю, в деревне? - спросил, улыбаясь,

Петр Александрыч, обращаясь к управляю-

Щему.

Управляющий, стоявший все время в почетительном отдалении от владельца, подбежал к нему, снял картуз и отвечал:

- Это как кому-с, Петр Александрыч. Я, признательно вам скажу, не заметил, как и время прошло, в постоянных заботах и в попечении о благоустройстве.

- Я ведь только на время приехал сюда, - заметил Петр Александрыч, - надоело немножко в столице, хотел, знаете, так, проветриться... Эй, Гришка!

- Чего изволите-с?

- Дай кучеру... как бишь его зовут... на водку целковый или пять рублей.

- Не извольте беспокоиться, - сказал управляющий, - я сейчас пойду, отдам ему целковый и скажу, чтоб выпил за ваше здоровье.

Управляющий поклонился Петру Александрычу и побежал к седобородому кучеру.

Петр Александрыч обратился к няне:

- Няня, пойдём же к жене моей!

- Пойдем, батюшка, пойдём, красное мое солнышко.

- Ольга Михайловна, рекомендую мою ня-

ню. Няня поклонилась в пояс.

- Дай, матушка, мне ручку твою.

Ольга Михайловна вся вспыхнула, спрятала свою руку и поцеловала старуху.

- Вот, матушка, какого молодца вынянчила для тебя, - говорила ей няня, - слава богу, меня перерос, красавец мой... Позволь мне, сударыня, теперь твоего сынка понянчить хоть немножко. Прости меня, деревенскую дуру, что я беспокою тебя.

- Ничего, изволь, няня, - сказала Ольга Михайловна и, взяв сына к себе на руки, передала его старухе.

Старуха была вне себя от радости: она смеялась, и плакала, и целовала дитя, которое, увидев себя на руках незнакомой женщины, вдруг закричало изо всей мочи.

- Ничего, матушка, ничего, - проговорила няня, качая дитя и приподнимая его, - не беспокойся; уж я знаю, как с детьми обращаться: не первый, слава богу, у меня на руках.

В самом деле, через несколько минут дитя перестало кричать и осталось на руках у торжествовавшей старухи.

- Пойдемте же теперь к крестьянам, голуб-

чики мои, - сказала Прасковья Павловна, обращаясь к сыну и невестке, - они ожидают вас с хлебом-солью; а там, как водится, пройдем в церковь возблагодарить господа бога за ваше счастливое путешествие, да зайдемте, мои родные, на могилу дядюшки поклониться ему: его, нечего сказать, есть чем помянуть: оставил вам состояние богатейшее...

- Да, разумеется, - заметил Петр Александрыч. - Эй, Гришка! пусть карета едет; мы пойдем пешком.

Петр Александрыч подошел к толпе крестьян, ожидавшей его. За ним двинулись все, исключая Филек, Фомок, Дормидошек с их женами и детьми, которые окружили карету своего барина и с диким любопытством рассматривали прибывших из столицы горничную и лакеев.

Петр Александрыч вставил в глаз лорнет и начал осматривать крестьян своих.

Староста подошел к Петру Александрычу с хлебом и солью, низко кланяясь. А за ним также поклонились все крестьяне.

- Эй, любезнейший! - закричал Петр Александрыч управляющему, - возьмите-ка у него

хлеб.

Староста отдал хлеб управляющему и поклонился барину своему в ноги.

- Кель табло! Сэ тушан. Не-спа. ма-шер? - произнес Петр Александрыч.

Засим господа, в сопровождении крестьян и дворовых людей, торжественно отправились к церкви. Управляющий, с открытой головой, шел рядом с Петром

Александрычем. Несколько крестьянских мальчишек и девчонок, с растрепанными волосами льняного цвета, бежали перед господами задом, выпучив на них глаза, - и

Антон, желавший обратить на себя внимание своего нового барина и следовавший тотчас за ним, поймал двух или трех мальчишек за ухо, оттолкнул их в сторону и произнес, нахмутив брови:

- Прочь вы с дороги, замарашки скверные! Господа изволят идти, а они тут под ногами шмыгают.

Прасковья Павловна, шедшая возле своей невестки, вдруг посмотрела на нее с выражением самой искренней нежности, протянула ей руку и сказала:

- Так-то, мой ангел Ольга Михайловна!..

Потом, спустя минуты две, опять обратилась к ней:

- Знаете ли, душенька моя, что у меня в уме вертится?.. Уж вы на меня сердитесь или нет, как хотите, а я не могу. Я буду называть вас, друг мой, просто Оленькой, если вы позволите мне; я буду говорить вам ты, - воля твоя, не могу - веришь ли, к кому у меня сердце лежит, так язык как-то не поворачивается сказать тому человеку вы. У меня, родная моя, сердце открытое, - что на уме, то и на языке, терпеть не могу скрытных. Уж как ты хочешь, милая, а я тебя буду называть ты...

- Мне очень приятно... я вас прошу об этом, - отвечала Ольга Михайловна.

- Спасибо, мой друг, спасибо тебе, - перебила Прасковья Павловна, - я буду уметь ценить твое расположение, поверь мне: я буду к тебе как родная мать, а не как свекровь. У тебя чувства прекрасные, это сейчас видно. Что у тебя будет на сердце - горе или радость, прямо иди к своей маменьке: я разделю все с тобой, мой друг!.. Вот она мне и чужая... -

Прасковья Павловна указала на дочь бед-

ных, но благородных родителей, - а она тебе скажет, умею ли я чувствовать... Я всю жизнь свою...

Прасковья Павловна вдруг замолчала и прекрестилась, потому что они подошли уже к самой церковной паперти, где ожидал их священник и дьякон.

Приложась к кресту, господа отправились на ограду, к могиле бывшего владельца села Долговки.

На этой могиле возвышался памятник из дикого камня с мраморным крестом наверху. Он был сооружен по рисунку, присланному Петром Александрычем из

Петербурга. На двух мраморных досках его было вырезано золотыми буквами - с одной стороны:

От признательного племянника - дяде. Здесь покоится тело раба божия, отставного майора Виктора Яковлевича Требушова, родившегося в 1779 году, февраля 8, скончавшегося внезапно от удара 1834 года ноября 9-го. Всего жития его было: 55 лет

8месяцев и 1 день.

С другой стороны:

От нас сокрылся ты, увы! и так поспешно,
Оставив нас страдать в юдоли грустной
сей.

В знак благодарности племянник неутеш-
ный

Над прахом родственным воздвигнул мав-
золей!

Петр Александрыч преклонил колени пе-
ред этим памятником, Прасковья Павловна
положила перед ним три земные поклона и
потому прослезясь, облобызала мраморную
доску с надписью. Вслед за этим она оберну-
лась, к своему внуку и сказала:

- Сашурочка, душенька, вот здесь похоро-
нен твой дедушка. Он наш всеобщий благоде-
тель, мы всем ему обязаны.

Внучек, в ответ на эту бабушкину речь,
промычал что-то такое... Бабушка поцеловала
внучка, приговаривая: "Сокровище мое ми-
лое, понятливое дитя", и повела новоприез-
жих в церковь, а оттуда к дому.

- Довольны ли вы своим наследием, мои
милые? - спрашивала Прасковья Павловна у
детей своих.

- Очень, - отвечал Петр Александрыч,

вставляя лорнет в глаз и озираясь кругом, - приятное местоположение.

- Ты, кажется, утомилась, друг мой Оленька? Такая что-то бледная? Это очень естественно с дороги... Тебе бы виски потереть одеколончиком: это бы сейчас тебя освежило...

- Она всегда такая бледная, - заметил Петр Александрыч, - впрочем, бледность, маменька, в моде.

- Именно так, - сказала Прасковья Павловна, - бледность придает интересность.

Признаться, я терпеть не могу красных щек... Ты совершенно, Оленька, в моем вкусе.

Дочь бедных, но благородных родителей, в свою очередь, сказала Ольге

Михайловне несколько очень ловких комплиментов, и, таким образом разговаривая, они подошли почти к самому дому.

Петр Александрыч первый ступил на крыльцо... На крыльце ожидали его

Дормидошки, Фильки, Фомки и проч. Они отвесили барину низкий поклон.

- Вот это твои дворовые, голубчик, - закричала Прасковья Павловна, указывая на грязных исполинов, - прислуга у покойника была

большая, он любил жить по-барски.

Антон отворил Петру Александрычу дверь в сени.

- А вот этот, Петенька, - продолжала Прасковья Павловна, указывая на мрачного

Антонна, - был камердинером при братце.

- И буфетчиком, сударыня, - возразил Антон, - и главный надсмотр имел надо всем.

Слава богу, таки послужил, матушка!

Управляющий забежал вперед.

- Не будет ли угодно чего приказать, Петр Александрыч? - спросил он.

- Нет, спасибо, покуда ничего.

- Ну вот, хозяйюшка моя дорогая, - сказала Прасковья Павловна, целуя свою невестку, - поздравляю тебя; ты теперь у себя в доме, а мы гости твои. Прошу нас любить да жаловать.

- Милая Ольга Михайловна! - произнесла дочь бедных, но благородных родителей, закатывая глаза под лоб.

Ольга Михайловна только улыбнулась на эти приветствия.

- Сюда, сюда, Оленька!

Прасковья Павловна схватила ее за руку и

ввела в сени... За ними последовала дочь бедных, но благородных родителей, обе няни и Гришка с чемоданом на голове.

Антон проводил Гришку глазами и, обращаясь к Дормидошке, сказал:

- Вишь, молокосос, а какое тончайшее сукно на сюртуке! Спроси-ка, почему аршин этого сукна! А мы вот и до седых волос дожили, служили не хуже его, а целый век проходили в этой дерюге.

Антон плюнул.

- Ах ты, жисть проклятая!

ГЛАВА II

Только что Петр Александрыч и жена его вошли в первую комнату, Прасковья

Павловна остановила их, ушла и минуты через две воротилась с образом в вызолоченной ризе.

- Наклонитесь, друзья мои, - сказала она сыну и невестке, - дайте мне благословить вас. Вот так... Этот образ ты особенно должен уважать, друг мой Петенька; он переходил у нас из рода в род, и кого ни благословляли им, все жили необыкновенно счастливо, и покойница маменька и я; только богу не угодно было продлить к моему счастью дней моего голубчика Александра Ермолаевича.

При сем Прасковья Павловна заплакала.

- Как мне ни тяжело было, а я перенесла это испытание. Чего, подумаешь, человек не в состоянии перенести!.. Желаю вам, милые, чтоб вы всегда так же согласно жили, как я жила с моим голубчиком. Более этого я ничего не умею пожелать вам.

После благословения подали кофе, и потом все занялись разбиранием чемоданов.

Прасковья Павловна и дочь бедных, но благородных родителей последовали за Ольгой

Михайловной в ее комнату.

- Мне хотелось бы, - сказала дочь бедных, но благородных родителей, подходя к

Ольге Михайловне, - быть вам чем-нибудь полезной; позвольте помочь вам разобрать ваши вещи...

Ей смертельно хотелось посмотреть гардероб столичной дамы.

Ольга Михайловна отвечала на это обязательное предложение наклоном головы и пожатием руки...

Каждую ленточку, каждую манишку, каждый платок, каждое платье, вынимаемые из чемоданов, дочь бедных, но благородных родителей пожирала жадными глазами. Она и

Прасковья Павловна беспрестанно повторяли:

- Ах, как это мило! как это прелестно! ах, с каким это вкусом!

Время до обеда пролетело незаметно. В два

часа доложили, что кушанье подано...

В столовой вокруг стола за каждым стулом стоял тяжелодышащий исполин; Антон был тут же. Несмотря на такое количество прислуги, кушанье подавалось медленно, потому что каждый из исполинов имел привычку, переменив тарелку, удаляться с нею прежде в буфет и там долизывать барские остатки.

Петр Александрыч, сядя за стол, посмотрел на часы.

- Еще только два часа, - сказал он, потягиваясь, - а мы в Петербурге ранее шестого часу никогда не садились обедать.

- Наше дело деревенское, - заметила Прасковья Павловна.

- А это, маменька, что за вино?

- Не могу тебе сказать, дружочек; это уж не по моей части.

Петр Александрыч налил вино в рюмку, поднял ее к свету, отпил немного, поморщился и выплюнул.

- Что это за гадость! сладкое какое-то... Ведь у дядюшки, говорят, был славный погреб, и после него осталось много вин.

- Это виссент-с, - отвечал Антон, - дядюшка

всегда изволили его кушать в будничные дни-с, когда гостей не было.

Петр Александрыч захохотал.

Прасковья Павловна сделала гримасу неудовольствия...

- Антон, у кого ключи от погреба?

- У кого-с? Известно у кого - у управляющего. Погреб припечатан его печатью.

- Беги же к нему, да скорей, принеси сейчас ключи ко мне, - сказал Петр

Александрыч.

Антон мигнул Фильке, и Филька побежал исполнить приказание барина.

- И хорошо сделаешь, голубчик, если ключи от погреба припрячешь к себе, - произнесла умиленным голосом Прасковья Павловна, - а то на этого управляющего, - может быть, он человек и хороший, я не знаю, - не следует, кажется, совершенно полагаться...

Ключи были принесены. Петр Александрыч сам достал бутылку лафита и велел согреть ее.

После пирожного, которое было десятым кушаньем, исключая супа, подали различных сортов наливки.

Лицо Прасковьи Павловны просияло.

- Вот это уж по моей части, - сказала она. - Ты, Петенька, верно не пивал этаких наливочек... Этим я могу похвастаться. Попробуй вишневки-то, милый мой... Что, какова?

- Чудесная!

- Лучше меня, могу сказать, никто в целой губернии не делает вишневки; все соседи это знают, и Оленьку мою уж я научу, как делать наливки, непременно научу.

Хорошей хозяйке все знать следует, а в женщине главное - хозяйство... Вот, примерно, жена вашего управляющего, что в ней? ничего не знает, экономии ни в чем не соблюдает... Ее бы, казалось, дело присмотреть за бабами, все наблюсти, - ничего не бывало. Она сидит себе сложа ручки да только умничает... В эти две недели я таки насмотрелась на нее: у меня все сердце переболело, глядя на ее хозяйство; конечно, мое дело сторона...

Прасковья Павловна обратилась к своей невестке:

- Вот когда ты войдешь, душенька, сама в хозяйственную часть, увидишь, правду ли я говорю. Соседка моя, Фекла Ниловна, - ты ее

знаешь, Петенька, - она приехала в деревню, ничего не знала, а там помаленечку начала приглядываться, как и что: у меня, у другой спрашивала советы; советы никогда не мешают, - и теперь любо-дорого смотреть: у нее вся деревня по струнке ходит, в таком страхе всех держит. Какие у нее полотны ткнут, салфетки - настоящие камчатные - прелесть...

Разговор продолжался в этом роде.

После обеда все отправились в диванную; так называлась небольшая комната, уставленная кругом высокими и узкими диванами. Стены ее были украшены тремя большими картинами в великолепных рамах. Картины эти, писанные масляными красками и отличавшиеся необыкновенною яркостью колорита, привлекали некогда просвещенное любопытство многих помещиков, и слава творца их Пантелея - крепостного живописца помещика села Долговки - прогремела по целой губернии. На двух картинах живописец изобразил своего барина, по его приказанию, в разных моментах его деятельности. На одной картине, занимавшей почти всю стену, барин представлен был величественно сидя-

щим на коне, в охотничьем платье и картузе, спускающий со своры двух любимых собак своих, Зацепу и Занозу, на матерого русака, только что выгнанного гончими из острова... На другой он являлся в архалуке и с нагайкою в руке, любующимся на одетого по-рыцарски шута, своего любимца, которого конюх сажал на лошадь. Предметом третьей картины была жирная нимфа, покоящаяся в лесу, списанная с дворовой девки Палашки, и сатир, смотрящий на нее из-за кустов.

Петр Александрыч занялся рассматриванием этих картин в ту минуту, как

Прасковья Павловна разговаривала о чем-то с своею невесткою. Последняя картина в особенности привлекла его внимание...

Нимфа Палашка, по странной прихоти природы, как две капли воды походила на горничную Прасковьи Павловны Агашку, которая в эту минуту выглядывала из полурастворенной двери на приезжих господ. Это сходство не ускользнуло от любознательного Петра Александрыча. Заметив Агашку, он улыбнулся про себя с приятностию.

Между тем Прасковья Павловна приветли-

во обратилась к своей невестке.

- А что, Оленька, - сказала она, - я слышала, что ты удивительная музыкантша?

- Еще бы! - воскликнул Петр Александры?. - Ее в Петербурге ставили наряду с первыми пианистками. Недаром же я прислал сюда рояль... я за него заплатил тысячу восемьсот рублей. К тому же она еще певица: у нее прекрасный голос!

- Приятно иметь такие таланты, моя душенька, очень приятно. Уж я воображаю, как ты блестела в свете и как мой Петенька, глядя на тебя, радовался. Ведь ты, я думаю, беспрестанно была на балах, дружочек?

- Нет, я выезжала мало, только к самым близким знакомым, - отвечала Ольга Михайловна.

- Мало? Отчего же мало, мое сердце? Почему же молодой женщине не выезжать?

Дочь бедных, но благородных родителей улыбнулась и возразила:

- Вероятно, вы шутите?

- Совсем не шучу, - сказала Ольга Михайловна, улыбаясь, - отчего же это вас так удивляет?

- Ах, помилуйте, как же не выезжать на ба-
лы?

- Она у меня такая странная, - заметил
Петр Александрыч, потягиваясь на диване, - я
хотел ввести ее в высший круг, а она и слы-
шать не хотела. Она склонна к меланхолии -
это болезнь; я все говорю, что ей надо лечить-
ся. Я предлагал ей самых первых докторов, ко-
торым у нас платят обыкновенно рублей по
двадцати пяти, даже по пятидесяти за визит,

- да она не хочет.

- Олечка, ангел мой! Правда ли это?

- Нет, вы не верьте ему; он обыкновенно
все преувеличивает, - я совершенно здорова.

В эту минуту Петр Александрыч смотрел
на дверь, откуда выглядывала Агашка.

- Деревенский воздух поможет тебе, моя
душенька. Недурно бы тебе декохту попить...

- Выборничиха к вам пришла, - пробасил
вошедший Антон.

- К кому "к вам"? - возразила Прасковья
Павловна, - это, верно, не ко мне, а к
Оленьке.

- Ну да, к ним-с.

- Зачем же ко мне? - спросила Ольга Ми-

хайловна.

- Верно, она тебе, душенька, нашего деревенского гостинца принесла.

Прасковья Павловна не ошиблась; выборничиха стояла в передней с сотовым медом. Ольга Михайловна вышла к ней.

- Матушка наша, кормилица! - говорила выборничиха, кланяясь и подавая мед, - прими, голубушка, медку-то моего, кушай его на здоровье.

Выборничиха поклонилась ей в ноги.

- Не нужно, не нужно, не кланяйтесь в ноги, я прошу вас, - заметила смущенная Ольга Михайловна.

- Не прогневайся, матушка наша, - отвечала выборничиха, - уж у нас такое заведение.

- Подожди меня немного, я сейчас приду, - сказала Ольга Михайловна.

Она ушла и минуты через две воротилась.

- Спасибо тебе за твой мед. Вот, возьми себе. Ольга Михайловна вложила в руку выборничихи пятирублевую ассигнацию.

Выборничиха остолбенела.

- Что это, кормилица? на что мне это, матушка ты наша?

Выборничиха низко поклонилась. Но Ольги Михайловны уже не было в комнате.

Антон, свидетель этой сцены, подошел к выборничихе.

- А что, много ли дала? - спросил он у нее. Выборничиха показала ему синюю ассигнацию. Антон нахмурился, взял ассигнацию; несколько минут смотрел на нее разгоревшимися глазами, поднес к свету и потом, возвращая ее выборничихе, проворчал недовольным голосом:

- Пятирублевая! Вишь, какая щедрая! Попитерски, видно, денежками-то сорит.

- Ах, Антон Наумыч, - заметила выборничиха, все еще не сводя глаз с ассигнации, - она что-то, родимый, и на барыню-то непохожа: такая добрая!

Антон отошел от выборничихи, ворча:

- Нашла кому деньги дарить! Добро бы человеку понимающему, а то дура этакой.

Она не понимает, что и деньги-то. Вот и служи тут тридцать лет...

Антон махнул рукой.

Ольга Михайловна возвратилась в диванную в то время, как Петр Александрыч описывал

вал свое петербургское житье. Его описание, по-видимому, производило сильное впечатление на Прасковью Павловну и на дочь бедных, но благородных родителей.

- Меня все знали в Петербурге, - говорил Петр Александрыч, - решительно все.

Если б я продолжал службу, я имел бы уж большой чин. - Говорят, что я вел большую игру... Да как же было не вести большой игры? Это было необходимо для поддержания связей... Со всеми этими господами нельзя же играть по десяти рублей роббер. Дмитрий

Васильич чем выигрывал в свете? - картами. И согласитесь наконец, что же делать без карт? ну, холостой, я танцевал; положим, это холостому прилично, а женатому неловко, да и что танцами возьмешь? И что за важность, что я немного проигрался? Для человека, у которого такое состояние, как у меня, это не беда. Вышел в отставку, пожил в деревне, расплатил долги, накопил немножко - да и опять марш в Петербург. Проиграл сто восемьдесят тысяч - экая важность! я иногда в вечер по тридцати тысяч выигрывал - что такое? Заложить имение, а там сделаешь оборот - и

опять пошел себе... Можно увеличить оброк... А что, маменька, каковы наши соседи? Чудаки, я думаю, пресмешные должны быть.

- Соседи у нас очень хорошие, прекрасные, нигде не ударят себя лицом в грязь.

Вот, например, Семен Никифорович Колпаков... я ему еще выписала через тебя жилетную материю, помнишь?..

- А-а! - Гришка, сигарку!

Гришка принес ящик с сигарами. Прасковья Павловна осмотрела Гришку с ног до головы и всплеснула руками.

- Неужто это твой Гришка? Эх вырос-то! молодец стал, право, молодец! А давно ли, кажется, бегал по двору так, мальчишка крошечный? Господи! время-то, подумаешь, как идет!

Гришка подошел к Прасковье Павловне и поцеловал ей руку.

- Молодец! Тетку-то свою видел, Палагею?

- Как же-с.

- То-то же. Она тебя как сына родного любит... Нет, Петенька, насчет наших соседей - грех сказать. Семен Никифорович редкий, отличных свойств человек.

Обращайтесь с ним, мои милые, поласковее, покажите ему свое внимание, я прошу тебя об этом, Петенька, и тебя, друг мой Оленька. У кого родится сам-пят, сам-шост, а у него все сам-сём да сам-восем. Прошлый год какая у него гречиха была - просто на диво целому уезду. На нем особое, можно сказать, божие благословение.

- А что, он играет в карты, маменька?

- Играет; конечно, не по большой, душа моя, не по-вашему, по-петербургскому; а до карт охотник: и в вист, и в бостон, и в преферанс - во что угодно.

- И в преферанс? браво! Так здесь и в преферанс умеют играть?

- Уж ты нас, провинциалов, голубчик, так ни во что и не ставишь?.. Ну, вот еще у тебя самый ближайший сосед, в двух верстах от тебя, наш уездный предводитель,

Боровиков Андрей Петрович, и с большим состоянием человек, вдовец; от покойницы жены у него два сына остались. Он все, бывало, с покойником братцем на охоту ездил и в бильярд играл.

- У Андрея Петровича, - продолжала Прас-

ковья Павловна, - есть меньшей братец,

Илья Петрович, холостой. Он сделан опекуном над малолетними Свищевыми - пребогомольный, претихого нрава, с бельмом на правом глазу. Они, после раздела, с братом поссорились и не видятся друг с другом. Так, право, жалко. Еще человек бесподобный исправник наш...

Прасковья Павловна долго описывала соседей села Долговки, и затем все отправились гулять в сад.

Петр Александрыч, привыкший к столичной чистоте и роскоши, был недоволен своим деревенским запущенным садом и повторял ежеминутно, что надобно вычистить дорожки и посыпать их песком, смешанным с толченым кирпичом.

Приезжие отказались от ужина. Они чувствовали необходимость в отдохновении.

Часов в девять все разошлись по своим комнатам. Прасковья Павловна, прощаясь с сыном и невесткою, обнимала, целовала и крестила их; потом отправилась в детскую, посмотрела несколько минут с умилением на спящего внука, также перекрестила его, при-

говаривая:

"Милое дитя, ангел" и проч., и поговорила с столичною нянюшкой, обещая ей подарить обнову.

Этот торжественный день, полный хлопот, тревог и разнообразных впечатлений, обитатели села Долговки и новоприезжие окончили различным образом.

Управляющий, выпивая ерофеичу на сон грядущий, думал:

"А славно все сошло, право! Петр-то Александрыч ничего не смыслит, и его можно надувать сколько душе угодно".

Прасковья Павловна, раздеваясь, рассуждала с дочерью бедных, но благородных родителей о своем сыне и невестке.

- Она, - сказала Прасковья Павловна, - очень мила, но есть что-то в ней странное, - этого нельзя не заметить, - и притом молчаливая какая-то.

- Я, по правде сказать, - возразила дочь бедных, но благородных родителей, снимая платочек с своей гусиной шеи, - совсем от нее не того ждала. И манеры у нее самые обыкновенные. Я не знаю, чему приписать ее нераз-

говорчивость - или она горда, или, может быть... А Петр Александрыч премилый! Я просто им очарована. Что за ловкость, какие манеры, и должен быть большой зоил.

- Я тебе говорила, милая, заранее. В нем такое благородство, таким вельможей смотрит!

Петр Александрыч, потягиваясь на постели, думал: "Право, и в деревне можно найти некоторые удовольствия... Карты, бильярд, охота... у меня же чудесный погреб, по милости дядюшки..."

Петр Александрыч начинал засыпать. "Лафит рублей по восьми бутылка... Агашка недурна..."

Когда Ольга Михайловна осталась одна в своей комнате, она отворила окно. Это окно выходило в сад. На нее пахнул свежий, душистый воздух распускающейся зелени; вековые дубы отбрасывали от себя исполинские тени на широкий луг перед домом, облитый серебряным светом пар подымался от пруда, и сквозь просеку сада виднелись бесконечные поля в синеватом ночном тумане...

ГЛАВА III

Петр Александрыч первые два дня после приезда осматривал свои хозяйственные заведения, с сигарою во рту, с лорнетом в правом глазе и с хлыстиком в руке. Все внимание обратил он на псарню, которая была в самом деле устроена превосходно покойным его дядюшкою, величайшим любителем псовой охоты. И хотя содержание ее требовало значительных расходов, но она поддерживалась и после смерти его, как при нем, по приказу нового владельца. Молодой барин долго простоял на псовом дворе, забавляясь с собаками. Из всех собак особенно обратила его внимание одна легавая.

- А как ее кличка?

Управляющий, сопровождавший Петра Александрыча, заикнулся.

Вдруг исполин Антон очутился перед Петром Александрычем и пробасил:

- Тритон-с, любимая была дядюшкина собака; верхочуй.

Петр Александрыч занялся с Тритоном. Антон подошел к управляющему и прошептал, почесывая затылок:

- А что, батюшка Назар Яковлич, поговорите-ка барину-то о прибавке мне месячины... Ей-богу, иной раз ребятишкам есть нечего. Уж когда этак, знаете, что случится, так я готов с моей стороны всякое уважение вам сделать.

Антон искоса и значительно посмотрел на управляющего.

- Хорошо, Наумыч, хорошо, - отвечал управляющий тихим голосом. - Ты знаешь, когда я что сказал, то свято; я, дружок, и без барина могу тебе это сделать, изволь... Барин

- человек молодой, он и не станет входить во все эти мелочи.

- Да, именно что так. Ей-богу, Назар Яковлич! Вы всегда обо всем справедливое рассуждение имеете. - Антон понюхал табаку. - Спасибо вам за суконце; только уж не прибавит ли ваша милость еще два аршинчика...

- Изволь, изволь...

Из псарни Петр Александрыч отправился на конский двор; как лошадиный знаток, у каждого стойла он рассекал воздух хлысти-

ком и, окритиковав дядюшкиных кобыл и жеребцов, захотел взглянуть на водяную мельницу. Управляющий, показывая ему устройство мельницы, объяснил, сколько на ней ежегодно вымалывается хлеба и какие помещики имеют в ней участие по своим купчим. Эти объяснения и рассказы совсем не интересовали Петра Александрыча. За мельницей находилась довольно большая роща, и он пошел к этой роще, насвистывая и напевая какой-то водевильный куплет. Окрестности села Долговки впервые огласились петербургскими звуками, и куплет Александрийского театра смешался с пением и чириканьем божьих птиц... Помещик прошелся по роще и, обратись к управляющему, сказал:

- Знаете, какая у меня блеснула мысль? Из этой рощи недурно бы сделать парк, как в Царском Селе или Петергофе. Право! Тогда бы славно кататься в нем.

- Конечно, это было бы бесподобно, да дорогонько станет, - заметил управляющий почтительно.

- Отчего ж дорогонько? А крестьяне-то на что ж? Нанимать людей, кажется, незачем.

- А кто же барщину-то будет исправлять, Петр Александрыч?

- Барщину? Да, правда. Петр Александрыч засвистал...

Возвращаясь к обеду, на дворе у самого дома он ветрел Агашку. Агашка была одета несравненно чище других дворовых девок и даже обута, тогда как все другие ходили обыкновенно на босую ногу.

Поравнявшись с молодым барином, Агашка кокетливо опустила глаза и поклонилась ему. Петр Александрыч отвечал на этот поклон с большою приветливостию и даже обернулся назад, с минуту провожая ее взорами. Антон не мог не заметить барского взгляда. Он был одарен большою сметкою и, оставив барина, тотчас отправился за горничной и догнал ее у прачечной.

- Агафья Васильевна, наше почтение! - Агашка не обертывалась. - Агафья

Васильевна, что больно заспесивилась? - Он ущипнул ее.

- Ах ты, проклятый черт! как испугал меня, - вскрикнула Агашка. - Фу! так вот сердце и бьется.

- Ну вот, слава те господи! чего пужаться? Антон потрепал ее по шее своею грязной лапой. Агашка вывернулась из-под этой лапы.

- Нельзя ли подальше? - сказала она. - Смерть не люблю этих шуток.

- Вот уж и осерчала. Ах ты, барский кусочек! Недотрога королевна!.. А заметила ли ты, как наш-то на тебя поглядывает... Может, скоро и опять будет масленица, Агафья

Васильевна...

- Масленица? Пьяница проклятый! у тебя, видно, спьяну-то все в глазах масленица...

Первые дни для новоприезжих проходили довольно однообразно, особенно для

Ольги Михайловны. Прасковья Павловна и дочь бедных, но благородных родителей не давали ей ни одной минуты покоя: первая преследовала ее неистощимыми ласками и беспрестанно изъяснялась ей в своих нежных, материнских чувствах; вторая - для того чтоб блеснуть своею светскостию, говорила ей все комплименты. Они вместе продолжали занимать ее наперерыв различными очень забавными деревенскими приключениями.

На седьмой или на восьмой день пребывания Петра Александрыча в своей резиденции, в ту минуту, когда он выходил из псарни, слух его был поражен сначала брнчаньем экипажа, потом криками. Петр Александрыч вышел на главную деревенскую улицу и увидел в конце ее, при самом въезде, остановившуюся коляску.

- Кто это? - спросил Петр Александрии у своего управляющего. - Чья это коляска?

- Это, должно быть, Петр Александрыч, кто-нибудь из соседей, - сказал управляющий.

Петр Александрыч прищурился, обдернул свой пальто, вставил лорнет в глаз и, насвистывая, отправился навстречу к приезжему.

Взорам его представилось зрелище великолепное. В коляске, которая, впрочем, походила не на коляску, а на челнок, высоко колыхавшийся на безобразно торчавших рессорах, стоял барин роста среднего, толстый, с резкими чертами лица, в картузе, в синей венгерке с кистями и с кнутом в руке. Черные большие глаза этого барина гневно вращались из стороны в сторону... Он размахивал кнутом и кричал:

- Эй, вы!.. но... но... фю... фю... ну... ну... Оло-ло-ло!..

Эти увещательные междометия явно относились к лошадям; но лошади так же явно не хотели повиноваться и не двигались с места. Все это произошло оттого, что левая пристяжная (коляска запряжена была четвернею в ряд) задела постромкой за столб в воротах и, испугавшись, заупрямилась и поднялась на дыбы. Барин выходил из себя и обратился от лошадей к кучеру:

- Я те выучу ездить, олух! Затянул лошадей... Соколик-то весь в мыле...

Кучер сидел на превысочайших козлах ни жив ни мертв.

- Антипка! - барин обратился к своему лакею, который имел поразительное сходство с Антоном. - Антипка! тебе говорят, вислоухий осел... вишь, пасть-то разинул... возьми ее за узду да проведи... Ну же... что стоишь... чего боишься...

Лакей, несмотря на свои атлетические формы, точно, боялся подступить к заупрямившейся лошади.

- Брыкается, сударь, - отвечал он.

- Брыкается! а вот как я начну брыкаться, тогда ты что заговоришь? Отвори дверцы!

Лакей бросился к дверцам; барин вылез из коляски и погрозил лакею и кучеру кнутом.

В это мгновение Петр Александрыч, окруженный своею свитою, должен был остановиться, потому что он подошел уже очень близко к месту описанного мною приключения. Приезжий барин приказал распречь лошадей и, увидев Петра

Александрыча, пошел прямо к нему.

- А не вы ли, милостивый государь, - закричал барин, еще не дойдя шагов на десять до Петра Александрыча, - не вы ли, позвольте спросить, здешний помещик?

- Я, к вашим услугам.

Петр Алекоандрыч расшаркался.

- Очень рад. - Барин приподнял картуз. Петр Александрыч протянул было к нему руку, но барин обнял Петра Александрыча, поцеловал его три раза и закричал:

- Я, батюшка, придерживаюсь старинки, извините. Может, у вас так это по-столичному и не следует, да мне до этого дела нет. Нам уж куда до этих этикетов! Я деревенский ду-

рак, деликатностей ваших не знаю. Позвольте еще раз вас обнять. Вот так... Ну, теперь имею честь рекомендоваться... Я Андрей Петрович Боровиков - может, слышали про меня? Мое сельцо Покровка, Новоселовка то ж, в двух верстах от вас.

Милости прошу ко мне. Я, сударь, вдовец, имею двух детей. Мы хоть и деревенские, а живем-таки себе изряднехонько и не левой полрой нос сморкаем.

- Очень рад познакомиться...

- Да уж рады или не рады, милостивый государь, там вы как себе хотите, а мы ваши гости. Назар Яковлич! здравствуй, милый... - Андрей Петрович обратился к управляющему, который отвесил ему низкий поклон.

- Что такое случилось с вашими лошадьми? - спросил Петр Александрыч у помещика, играя лорнетом.

- Что случилось? Это все анафемская рожа Антипка - мой кучер, ездить не умеет, сноровки никакой не знает... Пристяжная постромкой задела за столб, лошадь горячая, а он еще затянул ее.

Андрей Петрович обратился к управляющему

Щему.

- Распорядись-ка, Назар Яковлич, сделай одолжение, чтоб лошадам-то моим овсеца дали... Да, сударь, Петр Александрыч... ведь вас Петром Александрычем зовут, если не ошибаюсь?

Петр Александрыч утвердительно кивнул головой.

- Да... так я вам начал говорить, что мы хоть и простые люди, хоть по-французски и не болтаем, - бон-жур и бон-тон, - а кое-что смыслим, - прошу извинить... Ну, пойдете-ка.

Толстый помещик схватил за руку Петра Александрыча и повлек его к дому.

- А как надолго сюда приехали?

- Право, не знаю... смотря как поживется...

- Что тут "как поживется"? живите себе, да и баста... Здесь житье, слава богу, хорошее, люди есть всякие, и умные и глупые, ну да ведь и в Петербурге-то, я полагаю, то же самое: без дураков, милостивый государь, нигде не обходится; зато здесь по крайней мере скопишь себе и детям что-нибудь, а у вас там, в модном-то вашем свете... - Андрей

Петрович: вытянул губы и засвистал, -
весь, с позволения сказать, просвищешься.

- А я, - сказал Петр Александрыч, посматривая беспечно на стороны, - я не проживал и того, что получал, хотя жил на самую роскошную ногу.

- Не верю, милостивый государь, не верю! -
закричал Андрей Петрович.

Петр Александрыч, ожидавший, что все в провинции будут смотреть на него с тем почитательным благоговением, с каким в Петербурге смотрят мелкие чиновники на крупных, был изумлен, и, может быть, не совсем приятно, откровенным обращением своего соседа.

Андрей Петрович продолжал:

- Не верю, быть не может... Я хоть сам и никогда не бывал в Петербурге, а жена моя покойница была петербургская, хорошего отца дочь... А что это такое у вас болтается на ниточке, позвольте спросить?

- Лорнет.

Андрей Петрович взял лорнет, поднес его к глазу и потом, выпустив из руки, закачал головой.

- Извините мою откровенность; я, батюшка, деревенский дурак; у меня что на уме, то и на языке, и дядюшке вашему всегда говорил правду в глаза; по мне, это не лорнет, а просто балаболка: ничего в нее не увидишь. Мода, что ли, это у вас такая? уж по-моему, коли близорук, так очки лучше носи.

Петр Александрыч засмеялся несколько принужденно.

- Нет, - сказал он насмешливо, - у нас в Петербурге ни один порядочный человек не носит очков, все с такими лорнетами.

- Господи помилуй!.. - Андрей Петрович перекрестился и потом растарачил руки, - да что мне за указ все? Уж будто тот только и человек, кто вашей моды придерживается!

Таким образом, рассуждая и разговаривая, владелец села Долговки и гость его неприметно очутились у дома. В грязной передней, где обыкновенно Филька шил сапоги,

Дормидошка чистил медные подсвечники и самовар, Фомки, Федьки, Яшки и другие храпели и дремали, лежа и сидя на деревянных истертых и запачканных лавках, Петр Александрыч закричал:

- Эй вы, сони! я всех разбуджу вас...

Исполины вскочили с своих мест, вытянулись и устремили бессмысленные и заспанные глаза на барина. Барин бросил на них строгий взгляд и прошел в другие комнаты.

В дверях гостиной Прасковья Павловна встретила сына и гостя...

- Андрей Петрович! дорогой гость наш! - воскликнула она.

Андрей Петрович: хотел подойти к руке ее, но Прасковья Павловна не допустила его до этого.

- Что это вы, Андрей Петрович, чтоб я стала на пороге с вами здороваться!

Сохрани меня боже!

Она попятилась назад.

- Точно, матушка, точно, на пороге нехорошо! - прохрипел помещик, - я сам не люблю этого... Ну, а теперь пожалуйста-ка вашу ручку...

Андрей Петрович поцеловал протянутую ему ручку и, продолжая держать ее в своей руке, обратился к Петру Александрычу.

- Вот ручка-то была в свое время, - сказал он, - черт возьми! пухленькая, беленькая... да

еще и теперь прелесть, ей-богу... Надобно вам знать сударь, что я волочусь за вашей маменькой, просто волочусь...

Эти слова очень приятно подействовали на Прасковью Павловну. Она нежно и с улыбкою посмотрела на деревенского любезника.

От Прасковьи Павловны Андрей Петрович обратился к дочери бедных, но благородных родителей и подошел также к ее руке.

- Анне Ивановне мое низжайшее почтение. Как поживать изволите?

Дочь бедных, но благородных родителей, украсившая себя мелкими сырцовыми буклями, бросила на вдовца-помещика взгляд чувствительный и потом, закатив, по своему обыкновению, глаза под лоб, отвечала несколько нараспев и в нос:

- Благодарю вас, слава богу.

- Мы всё с Анеточкой хозяйством занимаемся, - заметила Прасковья Павловна. -

Она, это можно смело сказать, отличнейшая хозяйка. (Прасковья Павловна вздохнула.)

Ну, Андрей Петрович, как я была обрадована приездом моих милых деточек - и сказать

не могу...

- Поздравляю вас, поздравляю, - перебил Андрей Петрович, - я с почтительнейшим-то (помещик ткнул пальцем на Петра Александрыча) имел уже удовольствие познакомиться.

А где же ваша хозяйюшка-то, Петр Александрыч? познакомьте меня, милостивый государь, с нею.

- Она у себя в комнате, - сказала Прасковья Павловна, - верно, сейчас к нам выйдет... Теперь я, Андрей Петрович, самая счастливейшая женщина в мире. Невестка моя Оленька - милая, скромная; внучек мой - настоящий херувимчик... Теперь мне остается только благодарить бога, порадоваться на ихнее счастье и потом умереть спокойно. Я уверена, что они не оставят мою сиротку... (Прасковья Павловна указала на дочь бедных, но благородных родителей.)

- Умирать! Зачем же умирать, матушка? Это вы говорите вздор.

Помещик потер ладонью желудок.

- А что, который-то час?.. Как будто эдак время и травничку выпить.

Он обратился к Петру Александрычу:

- Может, у вас там, по-столичному, и не следует этого говорить: но мы ведь деревенские дураки, всё рубим спроста. Вы сами-то употребляете ли травничек?

- Нет.

- Отчего? травник вещь целительная для желудка: а ваши ликеры и разные эти разновидности ни к черту не годятся!

Закуска и травник были принесены. Помещик налил рюмку травника и поднес ее

Петру Александрычу.

- Отведайте, каково? а?

Петр Александрыч выпил рюмку, поморщиваясь.

- Недурно, - сказал он.

- То-то же! надо войти во вкус... Поживите-ка с нами немного, да мы вас по-своему переделаем, почтеннейший.

Говоря это, Андрей Петрович наливал травник... Он поднес рюмку к своим толстым губам, высосал из нее целительный напиток, пополоскал им во рту, а потом проглотил его, крякнув раза два или три...

В эту минуту Ольга Михайловна вошла в

комнату.

Прасковья Павловна, увидев ее, вскочила со стула и закричала:

- Оленька, мое сердце, представляю тебе доброго нашего соседа, Андрея Петровича Боровикова.

Потом она обратилась к Андрею Петровичу:

- А вам, Андрей Петрович, представляю мою малую невестку. Ну, какова моя Оленька, что скажете?

Андрей Петрович, занимавшийся разжевываньем колбасы, с заметным усилием проглотил ее, вытаращил глаза на Ольгу Михайловну и с масляными губами бросился к руке ее.

- С нетерпением желал-с вами познакомиться, сударыня. Прошу извинить; мы здесь в ожидании вас занялись существенным, по желудочной части.

Ольга Михайловна ничего не нашлась сказать на эту речь помещика и ограничилась только, одним безмолвным приветствием. Вслед за тем начался общий разговор о причинах неурожая и урожая, о солении грибов и

делании наливок; Прасковья

Павловна заливалась, как соловей, когда дело дошло до приготовления последних. Андрей

Петрович, в жару разговора, потягивал травничек; Петр Алаксандрыч зевал, растянувшись в кресле; дочь бедных, но благородных родителей вздыхала, поглядывая на вдовца, и то поднимала глаза к потолку, то опускала их к полу; Ольга Михайловна глядела в окно...

Вдруг послышался шум в передней - громкое восклицание: "Э-ге!" и стук подкованных каблуков.

- Уж, никак, это Семен Никифорыч... Вот сколько неожиданных гостей у нас сегодня!

И с этими словами Прасковья Павловна бросилась в залу. Она не обманулась: перед нею стоял Семен Никифорыч, сухощавый помещик с необыкновенно длинным носом и с необыкновенно коротким лбом. Он был не первой молодости, но силен и крепок; у него висела сережка в ухе, как он говорил, от грыжи; его верхняя губа покрывалась черными усами; на нем был военный сюртук на белой

подкладке как доказательство, что он служил некогда в коннице и вышел в отставку с мундиром. К пуговице этого сюртука был привешен кожаный кисет с табаком, а из кисета торчал коротенький чубук. К довершению всего Семен Никифорыч заикался.

Увидев Прасковью Павловну, он воскликнул:

- Э-ге?

Потом они поздоровались и обменялись значительными взглядами... Семен

Никифорыч отстегнул кисет, положил его на стол и, предшествуемый Прасковьею

Павловною, явился в гостиную. Она представила его сыну и невестке... Андрей Петрович, ударил по спине Семена Никифорыча, прохрипел: "Здорово, дружище!" - и, подмигнув, указал ему на завтрак.

- Э-ге! За...куска до...брое дело, - возразил Семен Никифорыч... - Вот когда мы соберемся, бы...бы...бывало, я, эскадронный командир, еще два, три на... а...ашего эскадрона, бывало, я и говорю: э-ге!..

- Прополощи-ка, брат, рот травничком... - перебил Андрей Петрович.

Семен Никифорович налил травнику и, обратись к Петру Александровичу, сказал:

- За здоровье но... но...о...овопрiguezжих! - и выпил залпом.

- По-военному, дружище, по-военному! - вскрикнул Андрей Петрович, - а мы, гражданские, любим посмаковать прежде...

Выпив травничку, Семен Никифорович вышел в залу, набил методически, с ученым видом знатокa, свою трубку и сел возле Петра Александровича.

Он посмотрел на него и, пустив дым из носа, сказал:

- Вы табак не ку...у...у...рите-с?

- Нет, я курю сигарки.

- Э-ге! это все немцы ввели в моду сигарки, а у нас, зна...ете, в полку и не зна...а...ли, что такое сигарки, а уж курилы-мученики были... Верхом, а трубка в зубах... А что, я думаю, хороши лошади-с в конной гвардии?

- Чудесные, мастерски подобраны, как смоль черные, ни одного пятнышка нет, - отвечал Петр Александрович.

- Э-ге! - Семен Никифорович выпустил опять дым из носу.

Прасковья Павловна, казалось, была очень довольна, что у Семена Никифору́ча с сыном ее завязался разговор, и она не сводила с них глаз.

- А где же Оленька? - спросила она вполголоса у дочери бедных, но благородных родителей,

- Она, кажется, в сад пошла.

- В сад?.. - Прасковья Павловна сделала невольную гримасу. - Очень странно! кажется, ей следовало бы гостей занимать; я полагаю, что это дело хозяйки. Стало быть, душенька, мы, деревенские, лучше столичных приличие знаем.

- Она, верно, ищет уединения!.. - Дочь бедных, но благородных родителей иронически улыбнулась.

- А что, милостивый государь, - сказал Андрей Петрович, подойдя к Петру

Александрычу и подбоченившись фертом, - играете ли вы в бильярд?

- И очень. - Петр Александрыч небрежно приложил голову к спинке дивана. - Я в

Петербурге всегда играл в клубе; там первый бильярд...

- Бесподобно! бесподобно!.. Не угодно ли со мною сразиться? а? Ну, конечно, куда ж нам, деревенским, за вами... вы ведь уничтожите нас.

Петр Александрыч принял не без удовольствия предложение толстого помещика, и все отправились в бильярдную. Исполнин Федька, бывший маркёром при старом барине, явился к исполнению своей должности и, мрачный, прислонился к замавленной стенке.

- Ничего и никого! - прокричал он страшным голосом.

- Этот бильярд, я вам скажу, скуповат, - заметил Андрей Петрович, подтачивая кий, - дьявольски скуповат.

Он выставил шар.

- Малый! считай вернее да подмели-ка мне кий хорошенько или уж перемени его... этот что-то легок, канальство! Нет ли потяжеле?

Между тем Петр Александрыч срезал желтого в среднюю лузу.

- Э-ге! - сказал Семен Никифорыч, не выпуская изо рта своего коротенького чубука.

Игра завязалась интересная. Андрей Пет-

рович горячился и, несмотря на все свои усилия, проиграл сряду две партии.

- Вот как нас, деревенских дураков, столичные-то изволят обыгрывать! - сказал

Андрей Петрович, прищелкивая языком. - Впрочем, милостивый государь, надо вам сказать, что я сегодня не в ударе; вы мастер играть, - а я все-таки не уступлю вам, воля ваша! Иной раз как и наш брат пойдет записывать, так только лузы трещат.

Победитель, улыбаясь, посмотрел на побежденного и сказал, зевая:

- Так скучно. Не хотите ли играть в деньги? В Петербурге я играл рублей по сто а la guerre, а так, обыкновенную игру, - рублей по двести и больше.

У Андрея Петровича запрыгали глаза. Он положил кий на бильярд с особенною торжественностью и обратился к Петру Александрычу, сложив свои коротенькие, ручки понаполеоновски.

- Конечно! куда же нам, дуракам-провинциалам, гоняться за столичными! - сказал он, потряхивая ногою, - Впрочем, и мы за себя стоим. Я, милостивый государь, игрывал тоже

в свой век, и не на изюмчик, смею уверить вас...

Андрей Петрович вынул из-за пазухи огромный красный засалившийся портфель, туго набитый ассигнациями, и бросил его на бильярд.

- Я не прочь сделать вам, милостивый государь, удовольствие и не только двести, но и пятьсот выставляю чистоганом, хоть сию минуту... Почему разок, другой не пошалить? Я не скопидом какой - нет, прошу извинить, - я не похож на любезнейшего моего братца Илью Петровича, не стану дрожать над каждой полушкой. Деньги - нажитое дело, а вот ум - это другая статья.

Андрей Петрович посмотрел самодовольно на всех и положил портфель в карман.

Его энергическая выходка произвела сильное впечатление на Петра Александрыча.

Петр Александрыч сделался к нему после этого несравненно внимательнее, посадил его возле себя и беспрестанно подливал ему в стакан мадеру. И Андрей Петрович во время стола, по-видимому, совершенно примирился с Петром Александрычем.

- Чокнемся, любезный сосед, - говорил он, поднимая кверху свой стакан, - чокнемся; соседи должны жить дружно, мирно, на охоту вместе ходить, и всё заодно!

Теперь гордиться нечего, - Андрей Петрович обратился к Ольге Михайловне, - не правда ли, сударыня? Ведь он - ваш муженек-то, был столичный, а теперь стал наш брат деревенский!

Андрей Петрович в продолжение целого обеда говорил без умолку, а Семен

Никифорыч все кушал и только два раза произнес: "Э-ге!.." Когда Прасковья Павловна начала объясняться о том, как она обожает детей и какое утешение доставляет ей внучек,

Андрей Петрович перебил ее:

- Дети! гм! конечно, оно весело, когда они болтаются, покуда так, до ученья, а там как до этого пункта дойдет, так и почешешь в затылке. Хорошо, коли наскочишь на хорошего учителя, как я. А молодец у меня учитель, могу сказать, молодец! Недели две, как я его выписал из Москвы через одного приятеля, и еще, признаюсь, ничего дурного за ним до

сих пор не заметил, - и должен быть - у-у! голова. Серьезный такой, мало говорит, и черт знает как у него терпенья достаёт: целый день читает или на фортепьянах бренчит.

Из себя красавчик, белокурый, курчавый, лет двадцати семи, в университете обучался, и из благородных: отец его был дворянин... А когда же вы ко мне, любезный соседка, а?

Сами-то вы приедете, - это не в счёт, нет - с супругою, с матушкой, с Анной Ивановной...

На длинном лице Анны Ивановны блеснула светлая улыбка надежды, и она скромно потупила взор, когда Прасковья Павловна взглянула на нее значительно.

- Я даром что вдовец, а ко мне таки жалуют и девицы и дамы... спросите у

Прасковьи Павловны... Прасковья Павловна, что, ведь угощать умею, кажется?

- Уж мастер, мастер на угощение, что и говорить! - сказала Прасковья Павловна.

- Мой повар Игнашка, милостивый государь (Андрей Петрович потрепал по плечу

Петра Александрыча), в Москве на первой кухне обучался, кулебяки и расстегаи так делает, что просто сами во рту тают. Я люблю

хорошо поесть; желудочная часть, по- моему, дело важное в жизни, что ни говорите... А моя Степанида Алексеевна не дождалась Игнашки! Он еще был при ней в ученье, а то бы она на него порадовалась...

Такой хозяйки уж не наживешь - нет! варенье ли варить, грибы ли солить, за девками ли присмотреть - на все была мастерица... Бывало, при ней дом как заведенная машина...

Андрей Петрович тяжело вздохнул и махнул рукой. На глазах -его показались слезы.

- Что, впрочем, говорить об этом!.. Видно, так нужно... Бог лучше нас знает, что делает... Когда же вы ко мне, Прасковья Павловна, с невестушкой? Вот в следующую пятницу бы... на целый денек, с утра... И. ты, Семен Никифориц, изволь-ка являться. Ведь, я думаю, с неделю-то проживешь еще здесь?

Семен Никифориц разинул рот, чтоб ответить, но Прасковья Павловна предупредила его:

- Разумеется, проживет; что ему дома делать?

- Ко мне еще, - продолжал Андрей Петрович, - кое-кто из соседей обещался быть - и

славно промаячим день. Бильярд же у меня, Петр Александрыч, важнейший; а уж на своем бильярде я вам не позволю обыграть себя, милостивый государь, нет! Еще, коли хотите, десять очков вперед дам... По рукам же, в пятницу?

- Непременно!

- Чокнемся же, любезнейший! - закричал Андрей Петрович, - а я, может статься, для новоприезжих-то небольшой сюрпризец устрою. Понимаете, Прасковья Павловна?

Андрей Петрович мигнул левым глазом.

Прасковья Павловна улыбнулась и кивнула головой.

- Да смотрите же, матушка Прасковья Павловна, ни гугу о том...

По окончании стола Андрей Петрович, опускаясь на диван с полузакрытыми глазами, прохрипел: "Нет, черт возьми! русскому человеку тяжело после обеда", - и, по его собственному выражению, всхрапнул изряднохонько. Петр Александрыч также предался искусительному сну; Семен Никифорыч, позевывая и покуривая из своего коротенького чубучка, разговаривал с Прасковьей Павловной.

Так прошло около полутора часа; потом се- ли играть в вист и проиграли до позднего ве- чера. Андрей Петрович, уезжая домой и са- дясь в свою висящую лодку, кричал стоявше- му на крыльце Петру Александрычу:

- Смотрите же, я вас жду к себе, любезный соседушка, - да ну же, скот, Антипка! и подса- дить-то не умеет... Не забудьте, милостивый государь, пятницы; супругу-то непременно привезите... слышите?.. А ты, олух, опять не задень за столб в воротах. А в пятницу куле- бяка будет, такая, мой любезнейший, что пальчики оближете, - отвечаю вам.

Андрей Петрович бухнулся в коляску... Ко- ляска двинулась.

- До свиданья!. - закричал Петр Алексан- дрыч.

- Прощайте, любезнейший!

"Славный малый этот толстяк, - подумал Петр Александрыч, вернувшись в комнаты, - и какое ему счастье в карты везет, если б этак по большой играть!.. Ну а все- таки деревен- щина".

В то время как Петр Александрыч, Праско- вья Павловна и гости занимались вистом,

Ольга Михайловна сидела у окна в своей комнате, выходящей в сад. Вечер был прекрасный; потухавший закат обливал розовым светом ее комнату. Душа ее была полна звуков. Они пробуждали в ней святые воспоминания, и перед нею являлся знакомый образ в заманчивой отдаленности. Она подошла к роялю и, послушная вдохновенной настроенности своего духа, запела серенаду Шуберта*: * *Leise flühen meine Lieder* и пр.

Песнь моя летит с мольбою -
Тихо в час ночной...
В рощу легкою стопою
Ты приди, друг мой!
При луне шумят уныло
Листья в поздний час -
И никто, о друг мой милый,
Не увидит нас.
Слышишь? - В роще зазвучали
Песни соловья;
Звуки их полны печали,
Молят за меня.
В них понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводят умиленье

На душу они.

Дай же доступ их признанью

Ты в душе своей -

И на тайное свиданье

Приходи скорей...

Вдруг она вздрогнула, голос ее прервался, дверь со скрипом повернулась на заржавленных петлях и... дочь бедных, но благородных родителей, в сырцовых буклях, вошла в комнату.

- Ах, как вы мило поете! прелесть! - сказала она. - Какой бесподобный романс! Он, верно, в моде... Какая у вас прелестная метода в пении!

- Вы находите? - сказала Ольга Михайловна.

- Я хоть и не музыкантша, а когда вы поете, нельзя не чувствовать; но простите меня, я помешала вам. Мне, право, так совестно... - Дочь бедных, но благородных родителей, расправив свое платье, расположилась на стуле.

- Я совсем не вовремя вошла к вам, - продолжала она. - Там внизу такая скука, и, признаюсь вам, я ужасно не люблю этого Семена Никифорыча; он без всякого образования, - а

ваше общество мне так приятно. Вы такая образованная.

И, без умолку разговаривая, она более часу просидела у Ольги Михайловны. Ольга

Михайловна вовсе не была намерена поддерживать разговор и почти все молчала или отвечала по необходимости на вопросы очень коротко и неудовлетворительно. Наконец, почувствовав неловкость своего положения, дочь бедных, но благородных родителей отправилась к Прасковье Павловне.

Она со слезами на глазах объяснила своей покровительнице, что, исполняя ее волю, она употребляла все старания, чтоб сблизиться с Ольгой Михайловной, но что Ольга

Михайловна будто бы обращается с ней постоянно сухо и холодно, смеется над провинциею, называет Семена Никифоруича необразованным и проч. В заключение своей жалобы она принялась целовать руки своей благодетельницы.

Прасковья Павловна, наделенная от природы чувствительным сердцем, не могла никогда видеть равнодушно слезы, по ее собственному признанию.

- Бедная моя Анеточка! - сказала она, целуя дочь бедных, но благородных родителей, - полно, милая... Как тебе не стыдно огорчаться такими пустяками; что тебе на нее смотреть!.. Ну, бог с ней, коли она важничает! Оставь ее в покое. Уж я давно замечаю, что ее как ни ласкаешь, а она все в лес смотрит... И про Семена Никифорыча сказала, что он необразованный?

Прасковья Павловна в волнении начала прохаживаться по комнате и заговорила прерывающимся от досады голосом:

- Видите, образованная какая!.. А и с гостями заняться не умеет... Слова не может сказать... Экое прекрасное образование! Да и отец-то ее, говорят, не генерал, а полковник... Ну, обманулась я в ней, нечего сказать, обманулась!.. И заметила ли ты, дружок, как она холодна с мужем? Я не видала ни разу, чтоб она его приласкала и поцеловала... Нищую взял - а она этак важничает! Она и волоска-то Петенькиного не стоит... и он, кажется, уж понимает ее... я это заметила по многому...

Прасковья Павловна проницательно улыбнулась.

На следующее утро, за чаем, она встретила свою невестку с холодной вежливостью, отпустила несколько колкостей насчет воспитания столичных девиц и очень тонко заметила, что ничего нет хуже, когда молодые богатые люди женятся на бедных.

Ольга Михайловна была отчасти рада внезапной перемене в обращении с нею, потому что она не могла отвечать на беспрестанную ласку - ласкою, на беспрестанную любезность - любезностью. Она большую часть дня проводила одна - или в саду с книгою, или в своей комнате за роялем, или у кровати своего малютки, вместе с старухой нянею, которая почти не выходила из детской. Ильинишна вязала чулок, посматривая в очки на столичную нянюшку, качала головой и ворчала:

- Ох-ох-ох! то-то вы, модницы, и за ребенком хорошенько присмотреть не умеете...

За вами надо глаза да и глаза... Оту грех, вот и петлю спустила!

- Позвольте, я подниму, Настасья Ильинишна, - восклицала столичная нянюшка.

- Подними, подними, родная; у тебя глаза-то молодые... Ольга Михайловна всегда с

особенным удовольствием смотрела на старуху няню, когда она ласкала ее сына.

- Ты его очень любишь? - однажды спросила у нее Ольга Михайловна.

- Ах ты, проказница-барыня! - отвечала, смеясь, Ильинишна, - да как же мне не любить его, моего крошечку? Разве он мне чужой?..

При этом ответе Ольга Михайловна вздрогнула. Она ухаживала за своим дитятею со всею заботливостью матери; по целым часам проводила у его кровати: но и здесь не оставляло ее то грустное чувство, которое выражалось в каждом ее движении... Она иногда взглядывала на спящего малютку и вдруг, как будто пораженная какою-то мыслию, вся изменялась в лице.

Петр Александрыч виделся с женою только во время завтрака, обеда, чаю и ужина... Остальное время он стрелял на гумне воробьев вместе с Семенем Никифoryчем, ездил верхом по окрестностям, от нечего делать расхаживал на псовом дворе, изредка появлялся в прачечной и непременно раза три в день посещал конюшню.

- Красавец-то наш во все сам вникать изво-
лит, - говорила няня. - Ну, барское ли это де-
ло? Слава богу, кажется, есть кому служить...
Да и то сказать (няня вздыхала), нынче двор-
ня-то, без старого барина, уж совсем переба-
ловалась...

ГЛАВА IV

В пятницу, с раннего утра, к Андрею Петровичу начинали съезжаться гости.

Солнце сияло во всем блеске. Андрей Петрович сидел на галерее, выходящей в сад, и с спокойным веселием смотрел на своих слуг, посыпавших песком дорожки сада. Возле него по правую сторону сидел лысый старичок небольшого роста, опершись подбородком на серебряный набалдашник старинной трости. Он смотрел исподлобья, кашлял и всякий раз, когда с ним заговаривал Андрей Петрович, отвечал ему с величайшим подобострастием. На старичке был истертый фрак покроя семидесятых годов, застегивавшийся спереди двумя пуговицами величиною со старинный пятак, а на фраке длинная владимирская лента с дворянскою медалью; сухощавые ножки его, в черных атласных панталонах с стразовыми пряжками у колен, воткнуты были в широкие гусарские сапоги грубой работы. Этот старичок холостяк, один из самых богатейших по-

мещиков***ской губернии, неистощимый предмет губернских анекдотов, - был необходимое лицо на всех помещичьих праздниках. Ему все оказывали по-своему особенное внимание, не исключая и самого губернатора, и все, начиная с губернатора, исподтишка подсмеивались над ним. Но такое внимание к нему целой губернии не возбуждало ни малейшей гордости в богатом старичке. Однажды он давал обед губернатору и, несмотря на убедительнейшие просьбы его превосходительства, ни за что не решился сесть в его присутствии и кушал в этот день за другим столом стоя...

- Однако отчего же вы не хотите сесть с нами, любезнейший мой Прокофий

Евдокимыч? - сказал ему губернатор, улыбаясь и посматривая на гостей, которые также решились улыбнуться, поощряемые его превосходительством.

- Приличие не дозволяет, ваше превосходительство, - отвечал старичок с благоговейно потупленными глазами и низко кланяясь.

Носились также слухи, что у Прокофья Евдокимыча зарыты были в землю двести ты-

сяч ассигнациями прежней формы, и когда он решился вырыть их, для перемены в казначействе на новые, - они от прикосновения его обратились в пыль...

- А что, каков у меня, смею спросить, садик, Прокофий Евдокимыч? - воскликнул вдруг Андрей Петрович. - А? что скажете, милостивый государь?

- Кому же и иметь все, как не вам, Андрей Петрович? - почтительно заметил старичок, отделяя свой подбородок от набалдашника трости, - вас бог благословил всем...

- Такого сада нет в целой губернии, - пропищал господин, сидевший по левую руку от хозяина дома, - у вас в оранжерее персики совершенно необыкновенного вкуса-с.

Андрей Петрович захохотал.

- Вот врет-то чепуху, - закричал он. - Ну какого же вкуса? Персики как персики.

- Нет, право, этак, не то слаще, не то...

- Не то горче? Ах ты, шут гороховый!..

Тот, к кому относились эти слова, был помещик семи душ, Илья Иваныч Сурков, отец многочисленного семейства, пользовавшийся некоторое время милостями Андрея

Петровича.

Андрей Петрович назначил бедняку от себя небольшое содержание. Вследствие этого, как благодетель, он начал обращаться с благодетельствованным без всякой церемонии и скоро обратил его в своего домашнего шута.

- Да, - продолжал Андрей Петрович, смотря на бедного помещика, - шут ты гороховый, что ты ни скажешь, так вот как обухом, братец, по лбу... Да что наши гости не собираются... Кажется бы, черт возьми, пора... Петербургский соседущка-то мой не думает ли приехать по-своему, по-столичному... Кажется, я ему строго наказывал, чтоб он с раннего утра явился ко мне.

- А кто это, смею спросить, петербургский? - спросил старичок.

- Петр Александрыч Разнатовский, новоприезжий, долговский помещик.

- Да, да, да! так это о них вы изволите говорить? А какого они чина?

- Чина-то, кажется, ой не важного, а лихой малый; есть в нем немножко столичной дури, да это пройдет со временем...

- Что они, смею спросить, женатые или хо-

лостые?

- Женат, женат, да еще, говорят, на генеральской дочке.

При слове "генеральская" старичок повернулся на своем стуле.

- Вот что-с, - сказал он, подумав несколько. - Генеральская дочка... Имение богатейшее... Чего же еще в этой жизни? Слава богу, слава богу... И дяденька ихний прекрасный человек был... Сколько он изволил тратить на одни обеды... Впрочем, коли есть из чего, почему же и не тратить?

- Ну, любезный Прокофий Евдокимыч, ведь и вас не обидел господь состояньем-то,

- а ведь уж не поистратится, знаю... Ведь у вас денег-то, я чай, только куры не клюют.

Андрей Петрович засмеялся.

На лице старика обнаружилось судорожное движение.

- Куры не клюют! - повторил он, тяжело вздыхая. - Эх, почтенный Андрей

Петрович! чужая душа и чужой карман потемки.

Он отер губы пестрым бумажным платком и, после нескольких минут молчания, произ-

нес:

- С собой в могилу ничего не возьмешь! ничего!

- Кажется, что так, - возразил Андрей Петрович. - Ох, Прокофий Евдокимыч, много, бабюшка, за вами грешков водится. Я правду люблю говорить в глаза, вы это знаете... "Помни час смертный" - сказано в писании; пора покаяться; там ведь нас всех на чистую выведут, ей-богу, так. Перед богом запираяться не будешь...

Старичок закашлялся.

- Все мы грешны... - отвечал он. - Ох, грешны! Я другое воскресенье сряду у обедни не был... Захирел, совсем захирел...

Андрей Петрович приготовлялся сделать еще какое-то возражение Прокофию

Евдокимычу; он уже разинул рот, но вдруг в комнате, соседней с галереею, раздался страшный крик.

- Где? что?.. вишь какой? На галерее?.. а? Хорош хозяин! Погоди, вот я его! Кто с ним? Прасковья Павловна здесь? Что? Да говори громче?.. а? нету?

- Фекла Ниловна! матушка, Фекла Нилов-

на!.. - воскликнул Андрей Петрович, бросившись навстречу к новоприезжей барыне.

- Хорош, хорош, сударь, нечего сказать!.. Этак-то гостей принимаешь?.. Забился сам бог знает куда?.. Что... Не оправдывайся, кругом виноват.

- Да как же вы это так подъехали, матушка, что мы не слышали?.. Эй, Антипка!

Васька!.. Дармоеды проклятые! никто мне и сказать не пришел!

Андрей Петрович обратился к помещику семи душ.

- Ну, и ты хорош, Илья Иваныч! Просил тебя, братец, дать знать, кто приедет, а ты тут разиня рот слушаешь наши разговоры с Прокофьем Евдокимычем... Это, братец, совсем не твое дело... Виноват, матушка Фекла Ниловна... Ручку: не сердитесь! впредь этого не случится... Оплошал, что делать!

- Что? винишься? То-то же! Прокофий Евдокимыч... здравствуйте! сколько лет, сколько зим не видались... Знать меня совсем не хочет, забыл совсем. Здравствуй, Илья

Иваныч! что детки? а? Сколько у тебя лет большенькому-то?.. а?

- Тринадцатый годок пошел-с; вот уж крестнице-то вашей пятый с Ильина дни пойдут.

- Что? Пятый?.. Наська! Наська! подай картонку-то!.. Слышишь?.. Извините, мой батюшка! Сейчас приду к вам, вот только чепец надену!.. Наська! Вели, Илья Иваныч, послать ко мне мою Наську... Ведь у тебя, Андрей Петрович, будет петербургская модница, так надо же немножко принарядиться; а то ведь еще, пожалуй, осмеет, чего доброго... Да что Прасковьи-то Павловны до сих пор нет?.. Наська! Наська! Где ты, бестия, была?.. Знаешь, что барыне надо одеваться!..

Фекла Ниловна отправилась с своей горничной в гостиную и минут через десять явилась во всей красе, в чепце с крылышками и с бантиками. Фекла Ниловна была женщина лет под пятьдесят, плотная, с приемами мужественными, повелительными, с голосом пронзительным. Она обладала большими хозяйственными дарованиями и страдала золотухой, отчего была несколько глуховата на правое ухо.

- Что, Андрей Петрович, много ли нынеш-

ний год яблонь купил? - сказала она, садясь в кресло, поставленное ей Ильей Иванычем. - А? сколько?..

- Да штук до пятидесяти, матушка; теперь у меня фруктовый-то садик будет - я вам скажу!..

- Что, почему? Белый налив? Садовник-то у тебя перестал пить?.. а? Сердита, батюшка, на твоего брата; ужасно сердита... Перекупил у меня лес... Я торговала у Ивана

Астафьича; бревна толстые, задаром почти отдавали, хотела баню у себя новую выстроить, а он и под сунься тут - хоть бы предупредил... О, плут какой!.. Что?.. Плут! так на даровщинку и лезет. И на что ему лес? чего ему строить? Завидливые глаза: только бы дешевенькое другому не досталось...

- А, да что об нем говорить! - с досадой заметил Андрей Петрович, - он надоел мне, чтоб ему...

- Надоел? что? А знаешь ли, батюшка, что он на прошедшей неделе, кажется, в четверг, - да, так и есть, в четверг, - в твои Холмищи заезжал и старосту вызывал, долго говорил с ним... Уж я это наверно знаю.

- Как?..

Андрей Петрович вскочил со стула, глаза его налились кровью, и он топнул ногой.

- Что такое? С моим старостой говорил? Полноте, матушка Фекла Ниловна, этого быть не может!..

- Что ж я, лгунья какая, что ли? У меня, кажется, язык-то все один: что в будни, что в праздник, лгать не привыкла. Быть не может! С детства не лгала, батюшка; извини, и сплеток смерть не люблю, а ссорить вас еще пуще мне нет никакой прибыли: я христианка... Даром что братец твой плут, а мне обоих вас жалко... Из одной утробы вышли, а живете хуже, чем кошка с собакой... А? не правда ли? Я бы рада была помирить вас.

Андрей Петрович стал перед Феклой Ниловной, заложив руки назад и нахмутив брови.

- Помирить? - закричал он. - Чтоб я с ним помирился? Я - с этим Иудой

Искаротским?.. В своем ли вы уме, матушка Фекла Ниловна?

- Что? В своем ли уме? Я? Спасибо тебе, батюшка, сумасшедшую из меня хочешь сде-

ать?.. а? С вами не сговоришь! Как хотите, так и живите... Лучше скажи-ка мне о петербургской-то, о жене соседа-то своего. Какова?.. а? Нос-то, я чай, подымает? важничает?.. а? Белокурая или черноволосая? Что? одета как-нибудь особенно?.. а?

- Соседи приехали-с, господа из Долговки! - проревел вошедший Антипка.

Андрей Петрович произнес длинное "а!" и пошел навстречу к гостям. Фекла

Ниловна вся впилась в дверь, в которую должны были войти гости, и беспрестанно повертывалась на стуле от нетерпеливого ожидания.

Через минуту Прасковья Павловна бросилась в объятия Феклы Ниловны и потом подвела к ней свою милую невестку.

- Имею честь рекомендовать себя! - закричала Фекла Ниловна, пожирая глазами

Ольгу Михайловну. - Прошу любить меня. Я, по правде сказать, тоже петербургская, я ведь родилась в Петербурге, матушка.

Дочь бедных, но благородных родителей нежно посматривала то на богатого старичка, то на хозяина дома.

- Батюшка Петр Александрыч! узнаешь ли меня? - продолжала Фекла Ниловна, бросаясь от Ольги Михайловны к ее мужу. - Еще маленького вас знала, вот такого... а? что? Помните, я вас на руках носила?

Петр Александрыч улыбался и раскланивался.

Среди этой суматохи приехало еще несколько гостей - барыня с четырьмя дородными воспитанницами, в венках на голове и в белых платьях с розовыми поясами; помещик в милиционном камлотовом сюртуке; заседатель, лекарь и еще два-три безмолвные лица.

Петр Александрыч познакомился со всеми. Ему было очень приятно, что он и жена его сделались предметом всеобщего внимания. Развалясь на диване, рассказывал он о своих петербургских подвигах; о своих друзьях князьях, графах и генералах. Около него составился кружок слушателей. Илья Иваныч и заседатель молча и значительно поглядывали друг на друга при каждом его слове, а богатый старичок каждый раз привставал, когда Петр Александрыч обращался к нему.

Хозяин суетился и бегал, угощал гостей завтраком, кричал на своих лакеев, бранил Илью Иваныча и потягивал помаленьку травничек.

В половине второго обед был готов.

Едва гости уселись за стол, как крепостные музыканты Андрей Петровича, скрытые в соседней комнате, заиграли увертюру из "Калифа багдадского". Андрей

Петрович, разливавший суп, взглянул торжественно на Петра Александрыча и его супругу.

- Что скажете, сударыня? - закричал он. - Признайтесь, вы не ожидали, я думаю, чтоб у нас, у деревенских дураков, могли быть сюрпризы такого рода? И знал, что для вас уж лучше такого сюрприза не выдумать. Ведь вы сами славно, говорят, на фортепьянах играете... Послушайте-ка, послушайте-ка; вот пассаж чудесный...

- Ну, матушка! - продолжал Андрей Петрович, обращаясь к Прасковье Павловне, - невестушка ваша, точно, должна быть дока в музыке: посмотрите, вся изменилась в лице, как мои молодцы-то грянули.

В самом деле, на бледном лице Ольги Михайловны кровь вдруг выступила пятнами, но совсем не от знаменитой увертюры "Калифа багдадского". В конце стола, между заседателем и Ильею Ивановичем, она увидела молодого человека, давно знакомого ей; но теперь я должен на минуту обратиться к прошедшему.

Этот молодой человек, еще будучи студентом университета в Москве, довольно часто ходил в дом тетки Ольги Михайловны, у которой она воспитывалась, и даже некоторое время преподавал Ольге Михайловне уроки в русской словесности.

Тетушка ласкала студента и, любя музыку, ободряла его музыкальные дарования. Он имел довольно приятный голос, и она часто просила его петь, заставляя свою племянницу аккомпанировать ему на фортепьянах. Отец Ольги Михайловны, добрый кавалерийский полковник со всеми претензиями старинного русского дворянина, был, впрочем, гораздо проникательнее тетушки. Он объявил наотрез, что все высшие науки, к которым он причислял и русскую словесность, считает со-

вершенно бесполезными для своей

Оленьки, что она должна быть не гувернанткой, а доброй, послушной дочерью, хорошей хозяйкой и женою. Вследствие этого он запретил ей не только брать уроки у студента и аккомпанировать ему на фортепьянах, но даже и говорить с ним. "Терпеть не люблю этих семинаристов, - повторял полковник, - и считаю неприличным, черт возьми! чтоб дочь старого рубаки имела какие-нибудь фамильярные сношения с этим народом!" Напрасно тетушка уверяла полковника, что молодой человек, читавший лекции его Оленьке, совсем не семинарист, а студент, что отец его был бедный дворянин и хорошо знакомый ей человек. Полковник ничего не хотел слушать. Несмотря на это, тетушка Ольги

Михайловны по-прежнему принимала молодого человека в своем доме. Он иногда приносил Ольге Михайловне ноты и книги. Ему обязана она была своим музыкальным развитием. Он познакомил ее с Шубертом. Для нее он перевел его "Серенаду", для нее набросал он свои мысли о нем и даже однажды, пересилив свою робость, решился все это отдать ей.

Этот любопытный документ, случайно потом доставшийся мне, я кстати приведу здесь, не изменяя ни одного слова, чтобы ближе познакомить читателя с бывшим учителем Ольги Михайловны, которого она встретила так неожиданно. Прочтя его строки, я невольно повторял про себя:

Так он писал темно и вяло,

Что романтизмом мы зовем... и проч.

"Давно, - писал он ей, - давно я хотел передать вам несколько слов о Шуберте; но при воспоминании о гармонических мелодиях его так переполняется все внутри, что мысли и слова теряются в хаосе невыразимых ощущений. Шуберт гениальный художник нашего времени; им некогда станет гордиться XIX век. И однако ж Шуберт не писал ничего, кроме песен. Но здесь-то и проявилась гениальность его. Он вывел этот род музыкальных произведений из его прежней тесной сферы: он возвысил простые песни до той высочайшей художественности, которая не зависит ни от духа времени, ни от местности, ни от направления века, - которая равна для всех веков, для всех образованных народов. Они -

эти песни его - полны проявленья той глубочайшей, сокровенной внутренности души человеческой, которая невыговариваема. Он воплотил в звуки то невыразимое состояние души, когда она, погруженная в полноту своего чувства, разливается во что-то таинственное, бесконечное, неопределенное, и с невыразимой отрадой тонет в глубине ощущений, и упивается ими. Такое состояние души можно только назвать музыкальным. И оно, как вдохновение, не зависит от воли нашей.

Благодатное, неожиданно сходит оно на человека, озарит душу его и исчезнет, ничем не удержимое, ничем не выразимое. И это-то таинственное чувство Шуберт уловил в его бездонных глубинах, извлек его из его священного сумрака, окристаллизовал и явил свету. Да, самая музыка, - вы понимаете это, - есть только форма, тело того невыразимого состояния души, когда она, переполнившись, охватывает весь организм человека и преображает его в одно чувство, блаженное в самой скорби своей. Если создания

Бетховена можно уподобить тем великим явлениям исторического духа, в которых он

выходит из своей внутренности чувства и предстоит уже словом и делом, - то песни

Шуберта исчерпывают ту таинственную сторону духа человеческого, которая остается скрытою для истории. Бетховен всегда торжествует как победитель; его творения - песнь вечной радости и могущества, светлая, праздничная сторона жизни, неотразимая победоносность идеи, торжество света над мраком. В Шуберте выразилась трагическая сторона жизни человеческой, мир ее сокровенной, внутренней сердечности. Если, наконец, симфонии Бетховена можно сравнить с гимном преображенного и вдохновенного человечества, то в песнях Шуберта предстоит не только человек со всею своею уединенною жизнию сердца, подверженный ударам судьбы и случайности, скорбящий, полный неудовлетворенных стремлений, любви, одиноких, тихих печалей, горьких укоров и утрат, - но вместе с тем и глубочайший внутренний мир с его священными видениями.

Впрочем, это лишь одна из сторон гения Шубертова. Преобладающий характер его песен почерпнут из того состояния души, кото-

рое я не сумел назвать иначе, как музыкальным состоянием. Это ощущение всегда слито с меланхолией. Чувство радостное, пронесшись по душе человека, не погружает его в себя; оно имеет всегда внешнее выражение и улетучивается в нем. Оно, кажется, не столько сродно душе человека, чтоб могло долго оставаться в ней: душа выбрасывает из себя эти яркие, но минутные цветы и с любовью хранит в себе цветы туманные, бледные, более сродные ее влажной почве, - цветы меланхолии. Чувство радостное всегда ищет места и воздуха. В нем есть всегда какое-то самозабвение; но, с полнотою охватывая человека и быстро потрясая все струны души, оно извлекает из них не гармонический аккорд, а унисон.

Радость исключительна - радость любит только радость. Грусть, напротив, растет вовнутрь своей почвы: это - подземный мир. Питаясь струями Стикса, она любит беспрестанно орошать себя его тихими струями. Это та влажная почва духа, из которой поднимаются бесконечные стремления и порывания души, на которой восстают лучшие, благород-

нейшие идеалы человека... В грусти человек всегда сильнее и глубже все ощущает, живее всему сочувствует; в грусти он все благословляет... Вы, верно, помните глубокий смысл Гетева "Теките, теките, слезы вечной любви" и слова безумной Офелии, что "горе есть праздник человеку". Меланхолия есть высшая, идеальная сторона грусти - это грусть, лишенная уже всего жгучего, тяжелого и темного, - а преобразившаяся в одно благоухание. Меланхолия - это эфир, внутренний элемент музыкального состояния души.

И все создания Шуберта дышат меланхолией. Редко отдается он ясным, наивным ощущениям, как в "Alinde", или блаженствующему порыву сердца, как в "Серенаде". Он редко симпатизирует с стремлениями счастливой любви. Он любит погружаться в те туманные недра духа человеческого, где цветет память об исчезнувшем счастье, о потере людей, сросшихся с сердцем, где накапливается скорбь от противоречий жизни; он нисходит в те тайники, где разражается трагическая судьба, постигающая человека, где лежат печальные развалины существования, потря-

сенного горьким жребием..." и проч. и проч.

Так он писал темно и вяло, а Ольга Михайловна жадно перечитывала эти строки, пропитанные туманностию, в которой ей грезилось что-то поэтическое... Но мир скорби и страдания таинственно, еще как предчувствие, начинал уже разворачиваться перед нею... И в эти-то минуты Шуберт звуками своими открывал для нее сокровенную внутренность души человеческой, не выговариваемую словами... Эти звуки сливались с настроением ее духа, - и что-то родственное чувствовала она к человеку, который, объясняя ей Шуберта, объяснил ей многое в ней самой. С этих пор между им и ею уже существовала неразрывная духовная связь...

Тяжелые предчувствия ее начинали сбываться: тетка ее умерла; отец увез ее в

Петербург, говоря, что "Оленьке пора пристроиться" и что в Москве "на женихов плоха надежда". С тех пор она не видала своего учителя, но как святыню берегла воспоминания минувшего и это письмо о Шуберте.

Неожиданная встреча с ним, которого она, может быть, никогда уже не надеялась встре-

тить, заставила кровь выступить пятнами на лице ее, но она тотчас же затушила в себе это внутреннее волнение и с лицом спокойным обратилась к Андрею Петровичу, предложившему ей какой-то вопрос по хозяйственной части. Появление старого знакомого Ольги Михайловны в доме помещика Боровикова не было ни мало удивительно. Лишась единственной своей покровительницы, он года четыре провел в

Москве в звании учителя, перенося всевозможные муки. С утра до вечера бегал он из одного конца Москвы в другой для добывания себе насущного хлеба и не видел конца этой мучительной жизни. Силы его ослабевали в тяжкой и бесплодной борьбе с внешними обстоятельствами; дух упал; измученный своими уроками, к которым он начинал чувствовать отвращение, оскорбляемый на каждом шагу барскою спесью и невежеством, - не имея ни часа времени для себя, он иногда был близок к отчаянию. Мера терпения его переполнилась; он решился во что бы то ни стало бросить Москву и тотчас, воспользовавшись предложением своего знакомого, отправился

в учителя к детям Андрея

Петровича за весьма ничтожную цену, с тою мыслию, что в деревне он будет иметь хоть несколько свободных часов в день. Об Ольге Михайловне он почти ничего не слышал в продолжение нескольких лет, кроме того, что она в Петербурге и замужем.

Он сначала долго вглядывался в нее, как бы не узнавая ее, - так несбыточна показалась ему мысль встретиться с нею в сельце Покровке, Новоселовке тож; но когда он услышал ее голос, тогда уже не оставалось для него ни малейшего сомнения. Эти тихие звуки были так знакомы его сердцу!..

После обеда музыканты перешли на галерею, выходящую в сад. Андрей Петрович приказал им грянуть плясовую, усадил гостей в комнате близ галереи и торжественно вывел на середину комнаты Илью Иваныча, который уже был немножко под хмельком.

- Ну-ка, сердечный, позабавь гостей! - вскрикнул ему Андрей Петрович повелительным голосом.

Илья Иваныч пустился вприсядку. Андрей Петрович стоял, подбочась фертом, и хохотал

диким голосом, глядя на своего забавника; ему вторила большая часть гостей; от поры до времени он приговаривал: "Молодчина! право, молодчина!" Вслед за пляской одна из четырех воспитанниц с венком, по просьбе хозяина дома, жеманясь и отнекиваясь, села за фортепьяно и пропищала "Соловья". Андрей Петрович начал ей аплодировать.

Барыня воспитанницы вскрикнула:

- Ведь Раисочка-то у меня самоучкой дошла до этого; никто ей не показывал, как петь!

- Что, матушка? - сказала Фекла Ниловна. - Я на это ухо, вы знаете, недослышу...

Что?.. а?.. самоучкой? голосок хоть куда...

Дочь бедных, но благородных родителей, насмешливо улыбаясь, взглянула на

Ольгу Михайловну.

Затем музыканты заиграли русскую, и два сына Андрея Петровича в красных рубашках явились на сцену. Их встретил в зале прием оглушительный... По окончании пляски гости обнимали, целовали и гладили их по головке.

Андрей Петрович повел своих гостей в новоразведенный им сад, образовавший пра-

вильный четверугольник, разделенный дорожками на квадраты. В этом саду липы и березки были рассажены симметрически и чрезвычайно хитро подстрижены шапками, вазами и другими фигурами, а на самой середине его, на каменном пьедестале, поставлены были солнечные часы. К этому саду примыкал другой, фруктовый, с оранжереями, которыми в особенности гордился Андрей Петрович. Дамы остались в фруктовом саду, а хозяин дома с Петром Александрычем отправился играть в бильярд. В этот раз Петр Александрыч остался побежденным, и Андрей Петрович, восхищенный своею победою, потирая руки, беспрестанно повторял:

- Что, батюшка Петр Александрыч, и мы, деревенские дураки, дали себя почувствовать! Каков был последний-то ударец, как я желтого-то в угольную записал с треском?.. а?

Учитель после сцены с Ильею Иванычем не показывался; остальной вечер был проведен за картами... Играли на двух столах: дамы составляли свою партию, мужчины свою... Ольга Михайловна, как неиграющая, осталась в обществе дочери бедных, но благородных

родителей и четырех девиц с венками на голове. Дочь бедных, но благородных родителей занимала всех своими разговорами. Ольга Михайловна и четыре девицы с венками молчали... Фекла Ниловна проигрывала и очень сердилась...

- Ну, матушка, - говорила она Прасковье Павловне, вытирая пот с лица и оканчивая игру, - экая игрища к тебе сегодня шла... а? что? признаюсь, с тобой играть нельзя - и всё жлуди на вскрыше!.. - Фекла Ниловна отвела Прасковью Павловну к стороне: - Я от невестки твоей совсем другое ожидала... Да что она, матушка, ничего не говорит, а коли заговорит, так ничего не слышишь... что?.. Это в моде, что ли, под нос себе говорить?.. а?

Ты знаешь, что я люблю откровенность, родная... Мы с тобой свои люди, говорить все можем. Прасковья Павловна вздохнула.

- Ах, друг мой Фекла Ниловна, - уж между нами сказать, и я ожидала от нее совсем другого... Говорили бог знает что... и в столице воспитывалась, и генеральская дочка, а этого совсем ничего и не видно...

- А? что? не видно?.. Правда... Жаль сын-

ка-то твоего: мог бы сделать лучше партию... а? Он такой из себя видный... Жаль... жаль...

- Фекла Ниловна, надо нам расчесться, - сказала одна из игравших барынь.

- Что, матушка? а? Недослышу... что такое?

- Расчесться надо, - закричала барыня.

- Ах, матушка, что это вы так кричите над самым ухом!

При расчете барыни начали спорить и горячиться. Расчет продолжался с полчаса и окончился только с помощью хозяина дома... Оказалось, что Фекла Ниловна проиграла два рубля двадцать пять копеек.

- Андрей Петрович, - закричала Фекла Ниловна, - заплати, батюшка, за меня

Прасковье Павловне эти деньги... а? что? Заплатишь? Позабыла положить в ридикюль деньги... запиши на меня... а? Я, матушка Прасковья Павловна, еще, кажется, тебе должна что-то... а?.. Сколько? Ну, после сочтемся.

Перед ужином Андрей Петрович подошел к Ольге Михайловне и просил ее пропеть какой-нибудь романсик; но она отговорила тем, что чувствует себя нездоровою.

Помещица, привезшая с собою четырех воспитанниц, сказала Фекле Ниловне:

- Вишь, какая важная!.. Считает нас, видно, незнающими в музыке, а Раисочка, верно, не хуже ее поет, - изволите видеть! не хочет, ломается...

- Bravo! - воскликнул вдруг Андрей Петрович, как бы озаренный внезапным вдохновением и ударяя себя в лоб. - Да я вас удивлю сейчас... отличного музыканта вам выпишу... Мой детский учитель на все руки, просто клад!.. играет и поет мастерски, детей моих взялся добровольно учить музыке без всякой прибавки... Андрей Петрович обвел глазами комнату.

- Да где он?.. Антипка! эй, малый! попроси сюда учителя.

Учитель явился.

- Ну-ка, любезный, - сказал Андрей Петрович, ударяя его по плечу, - утешьте-ко публику-то, покажите-ко свой талантец, сыграйте нам этакую какую-нибудь штучку, да и спойте уж кстати.

Учитель покраснел и приготовлялся, кажется, отговариваться. Он поднял голову и

взглянул на гостей, ожидавших от него ответа... Глаза его встретились с глазами Ольги

Михайловны... Ему показалось, что и она просит его... Сердце его сильно забилося... Дом на Арбате, его первое свидание с нею, музыкальные вечера, Шуберт, его серенада - все это промелькнуло в голове молодого человека; он, не произнося ни слова, сел за фортепьяно и запел:

Песнь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной,
В рощу легкою стопою
Ты приди, друг мой...

Ольга Михайловна неслышно встала со стула и отошла к окну... На дворе было темно; облака быстро неслись по небу; месяц изредка проглядывал из-за облаков, бросая мгновенный, фантастический свет на предметы... Она приклонилась головой к стеклу, и долго удерживаемые слезы хлынули горячим потоком из глаз ее...

При окончании последнего куплета серенады Андрей Петрович закричал:

- Славно, славно, - только, черт возьми! печально немножко.

- Очень недурно, - заметил Петр Александрыч тоном знатока. Он подошел к учителю.

- У вас чрезвычайно приятный голос, - продолжал он, - и знаете, это любимый романс моей жены; она его поет беспрестанно... Olga, Olga! Где ты? У-э-тель?..

Но Ольги Михайловны уже не было в комнате... После ужина ближайшие соседи

Андрея Петровича собирались домой, остальные гости расположились ночевать у него и провести еще несколько дней. Начались сборы... Экипажи стояли у подъезда; нетерпеливые и раскормленные деревенские кони рыли копытами землю. Лакеи Андрея

Петровича обступили одного кучера, внезапно свалившегося с козел и оказавшегося мертвецки пьяным... Его должны были заметить другим... На дворе был крик, шум, ругательства, споры, смех.

Ольга Михайловна собралась в путь прежде всех... В ожидании своего мужа, который потягивал мадеру с Андреем Петровичем, и Прасковьи Павловны, которая, одеваясь, разговаривала с своей приятельницей Феклой Ниловной, Ольга Михайловна в сало-

пе и шляпке вышла на галерею, из которой был спуск в сад... Она прислонилась к колонне. С этой стороны дома все было тихо; только ветер шумел, качая ветви деревьев...

Ей послышались чьи-то шаги в саду у самой галереи... Она уже сделала шаг, чтоб войти в комнату, - и вдруг остановилась, как бы приросшая к месту.

Перед нею стоял учитель.

Он робко поклонился ей; она в ответ на его поклон наклонила голову. Они долго стояли друг против друга, не будучи в состоянии произнести ни одного слова...

- Я никогда бы не думала увидеть вас здесь, - наконец сказала она.

- Моя встреча с вами так же неожиданна, - отвечал он.

- А вы не забыли старинного нашего друга Шуберта? - снова заговорила она.

- И вы - говорят... говорят, будто и вы иногда вспоминаете его!

Она вздрогнула.

- Кто вам сказал это?

- Ваш муж...

Голова ее упала на грудь, и длинные воло-

сы, выходявшие из-под шляпки и совершенно развившиеся от сырости, скатились на ее бледное лицо, полуосвещенное светом из окон, выходявших на галерею.

- Вы очень изменились! - произнес он голосом более смелым и глядя на нее.

Она ничего не отвечала; но из груди ее вырвался звук тихий, едва слышный, что-то похожее на подавленный вздох...

- Здесь сыро... - сказала она, - меня ждут... - Она отвела от лица волосы - и рука ее заметно дрожала.

В эту минуту дверь из комнаты на галерею отворилась... Дочь бедных, но благородных родителей высунула свою голову в дверь и закричала:

- Ах, ма-шер Ольга Михайловна, вы здесь, - а мы вас ищем везде. Прасковья

Павловна уж совсем готова и только ждет вас.

Сказав это, она искоса взглянула на учителя...

Ольга Михайловна рассказала дорогою своему мужу и Прасковье Павловне о неожиданной встрече с своим старым знакомцем.

На Петра Александрыча этот рассказ не произвел никакого особенного впечатления, а Прасковья Павловна воскликнула:

- Что ж, матушка, мудреного? гора с горой только не сходятся, а человеку с человеком всегда можно сойтись.

- Он такой интересный, - заметила дочь бедных, но благородных родителей.

- А я, признаюсь, и не обратила на него внимания, - сказала Прасковья Павловна.

- О... он мило по...оет, - проговорил Семен Никифоруич, - то...олько заунывное, а вот у нас в полку был о...офицер, то... он все пел: "Бра...а-атцы, дружно веселую".

После этого замечания водворилась тишина, прерывавшаяся только порой храпением Петра Александрыча. Ольга Михайловна прислонилась в угол кареты и закрыла глаза. И во всю дорогу молчание было нарушено только однажды вопросом

Прасковьи Павловны:

- А что, покойно ли вам сидеть, Семен Никифоруич?..

ГЛАВА V

Преобразование Петра Александрыча из петербургского франта в помещика совершилось очень скоро, как и должно было ожидать. Переход от бестолковой суеты, от внешней, одуряющей деятельности столичной к животной неге и к блаженству бездействия - необыкновенно легок. Деревенская жизнь, над которою он забавлялся и на бале г-жи Горбачевой, и в кондитерской Амбиеля, и в зале Дюме, теперь нимало не казалось ему смешною. Он начал вполне понимать различные удобства этой жизни и хотя еще не причислял себя к провинциалам, но между тем день от дня все более пристращался к провинциальной жизни. Он стал пить вместо ликера - травник и ерофеич; кушал после обеда вместо желе и фруктов - оладьи, блины, ватрушки и дроблену; перестал носить черепаховый лорнет на ниточке; отрастил себе брюшко, отчего модные и узкие сюртучки свои и фраки приказал перешить губернскому порт-

ному; несколько отек в лице, сделался немного сутуловат, почему казался ростом ниже прежнего и, прикрывая лысину, которая начинала сиять на голове его, стал зачесывать свои редкие волосы кверху в виде небольшого рожка. Все это делало его удивительно похожим на жучка, называющегося актеоном, подробное описание которого заимствовано мною из русского перевода

Блуменбаха и выставлено эпитафией к этой повести. Актеон (я буду его иногда называть этим именем для сокращения) начал не шутя входить в домашнее хозяйство. Он уж по целым часам проводил на псовом дворе и в конюшнях; даже сам вздумал лечить своих лошадей по "Конскому лечебнику", найденному им в небольшой библиотеке почтенного своего дяденьки, и очень сердился на старшего своего конюха за то, что четыре лучшие лошади его окозели одна вслед за другою.

День в деревне проходил для Петра Александрыча незаметнее, чем в Петербурге, потому что он почти все кушал, - а еда, как известно, чрезвычайно сокращает время.

Погреб дядюшкин служил для него также

большою утехою. В управление своими деревнями он вмешивался только так, как обыкновенно вмешиваются настоящие господа, то есть требовал доходов от управляющего. Назар Яковлич вел себя в отношении к нему довольно искусно и всегда льстил его маленьким слабостям. Узнав, например, что Петр

Александрыч пристрастился к новеньким, цветным ассигнациям и блестящим монетам, которые хранились у него в особом ящике с прехитрым замком, Назар Яковлич беспрестанно доставлял ему такие ассигнации и монеты; когда же владелец заводил речь о счетах по имению, спрашивая о употреблении доходных сумм, управляющий отделивался общими местами, заговаривал о планах своих касательно увеличения доходов, о надеждах на будущее, о том, что под его управлением мужички начинают поправляться, и проч.

Последнее, впрочем, было несправедливо. Неурожаи, продолжавшиеся несколько годов сряду, и, главное, двухлетнее управление Назара Яковлича, как замечали окружные помещики, довело долговских крестьян до жалкого состояния. Назар Яковлич, видя, что

Прасковья Павловна имеет большое влияние над своим сыном и намерена навсегда поселиться в его доме, уладил так, что она приняла на себя бразды правления над женским полом и над ткачами в селе Долговке. Управляющий низко кланялся ей и говорил: "Ах, сударыня, с тех пор как вы изволите хозяйничать, ей-богу, любо-дорого смотреть на наших баб и на ткачей... так все идет бесподобно... Ну куда ж было моей жене соваться не в свое дело? Она дура, просто дура, сударыня!"

Таким образом управляющий вошел в милость к Прасковье Павловне и в лице ее приобрел для себя значительную покровительницу. Но всесильный и самый надежный покровитель управляющего - был Дмитрий Васильич Бобынин, опутывавший невидимыми и неразрываемыми сетями долговского помещика. В руках у Дмитрия

Васильича находилась доверенность Петра Александрыча на залог его деревень и все его заемные письма. Дмитрий Васильич писал к нему:

"Любезнейший друг, - будьте совершенно

спокойны касательно ваших долгов. Я почти все ваши заемные письма скупил, единственно с тою целию, чтоб избавить вас от докучных кредиторов. Теперь вы будете иметь дело с человеком, душевно вам преданным, а не с ростовщиками. Напрасно, живя в Петербурге, вы не были со мной откровенны и таили от меня некоторые долги ваши. Признаюсь вам, непонятно, как в такое короткое время вы успели сделать столько долгов. Главною причиною этого - конечно, карты. Большие игры надо вести осторожно и умеючи. Впрочем, ваш долг мне, - ибо вы уже никому, кроме меня, не должны, - отчасти может быть уплачен тою суммою, которая досталась вам после покойного вашего дядюшки. Сумма сия отдана мною, по желанию вашему, в верные руки, и я могу, когда захочу, взять ее. Прилагаю при сем записку одного долга мне с расчислением процентов. Положитесь на меня, почтеннейший

Петр Александрыч: я устрою ваши дела самым выгоднейшим для вас образом. Я с детства привык любить вас, как родного, и потому как мне не принять участия в вас? Я стран-

ный человек: всегда дела близких мне людей озабочивают меня более, нежели мои собственные. Для своих дел я как-то ленив и неповоротлив; все собираюсь купить небольшое именье в ваших местах и до сих пор не соберусь, а хорошо припасти себе уголок, чтоб со временем успокоиться от служебных трудов и пожить на свободе в свое удовольствие. Я завидую здесь вашей деревенской жизни. Истинно хорошо вы сделали, что решились ехать в деревню. Третьего дня заходил ко мне его превосходительство

Антон Сергеич. Мы разговорились о том, о сем; зашла речь о сельских удовольствиях. Он вздохнул и сказал: "Эх, Дмитрий Васильич, лучше не говори об этом. Что наша за жизнь здесь? иной раз и в картишки некогда перекинуть: так завален бумагами! Кабы начальство не имело ко мне особой аттенции, словом сказать, кабы так не везло мне по службе, да кто, скажи на милость, принудил бы меня жить здесь? Деревня - это, братец, рай земной, там и воздух другой, да и люди совсем не те, патриархальность такая во всем..." Это совершенно справедливо. Кстати о деревне: пре-

красно сделали вы, что прислали мне доверенность на залог ваших имений. С большими деньгами можно в сию минуту сделать превосходнейший оборот. Один опытный фабрикант, Карл Карлыч Гольц, устраивает на берегу Невы в огромных размерах бумагопрядильную фабрику на акциях. По самому верному расчислению, фабрика эта должна приносить огромный доход: двадцать и двадцать пять процентов. Прилагаю у сего расчисление: рассмотрите его внимательнее. За честность, благородство и знание дела фабриканта - я ручаюсь. Капитал на учреждение этой фабрики почти собран; недостает только 600000. Вы знаете, как его превосходительство Антон Сергеич осторожен: вслед за ним закрыв глаза можно пускаться во все предприятия, а он, когда узнал о намерении Карла Карлыча, тотчас же выложил на стол 200000 руб. и сказал: "Вот вам, батюшка Карл Карлыч, возьмите 200 тысяч чистоганом, - прибавлю к этому, что в ваши руки я миллиона не побоялся бы отдать, если б имел". Заложив 1800 душ, вы получите 380000 (считая по 200 руб. на душу). Я за вас почти обещал эти день-

ги; поспешите же подтвердить вашим согласием мое обещание,

- иначе вы упустите превосходный случай - улучшить свое дело, а это будет грех и стыдно. Вы отец семейства. Наш век положительный - мануфактурный, так сказать.

Только те и получают деньги, у кого есть фабрики или заводы. Надо сделаться производителем, а потребителей, слава богу, много и без нас. С имения же, вы сами знаете, какие нынче доходы: год от года хуже. Хорошо еще, что у вас управитель малый честный и знающий. Я его всегда имел в виду для себя, - это не человек, а клад, и я ни за что не уступил бы его никому, если б у меня было большое имение. Придержитесь его: он вам будет полезен. Бога ради, отвечайте мне поскорей на это письмо, а то, чего доброго, если позамешкаетесь решением, - будет поздно... В Петербурге много охотников наживать деньги, и все они так и сторожат выгодного случая для помещения своих капиталов.

Нынче все помешались на спекуляциях...

Новостей у нас много... об них когда-нибудь после. Максим Иваныч получил еще

чин. Невероятное счастье! Впрочем, он человек вполне достойный... дай бог ему и еще больше. Вообразите, он на прошедшей неделе задал нам шлем. Я играл с Федором

Маркычем, а он с генералом Косолаповым... У Косолапова была игра посредственная, а у него просто неслыханная: туз, король, дама, валет, десятка (пять онеров), восьмерка, семерка козырей, туз, король червей, а остальное всё старшие пиковки. Жена моя и я свидетельствуем наше искреннее почтение вашей матушке и супруге. Еще раз прошу о скорейшем ответе - и остаюсь неизменно преданный вам

Дм. Бобынин".

Актеон был очень доволен этим письмом. "Дмитрий Васильич славнейший человек, - думал он, перечитывая письмо, - чудесная душа!.. Бумагопрядильная фабрика, да это бесподобно!.. - Он зевнул и подумал: - Вот тогда у меня будет новеньких-то ассигнаций, синеньких и красненьких... У!"

Он подошел к окну.

Поперек двора протянуты были на козлах веревки, а на веревках было развешано белье,

которое ветер срывал и разносил по двору... Дворовые девки беспрестанно бегали из одного конца двора в другой, поднимая его и снова развешивая. Между ними прохаживалась и Агашка. На Агашке было прекрасное ситцевое платье; талия ее стягивалась шнуровкой; ноги украшались тонкими чулками и козловыми башмаками. Она кричала на девок. Девки величали ее Агафьей Васильевной и поглядывали на нее с подобострастием; Антон, прислонясь к крыльцу людской и пощелкивая по тавлинке, вздыхал:

- Чего так разохался? - спросила его Агашка.

- Разохался! Ах, Агафья Васильевна!.. Уж вы знаете, что я имею к вам всякое уважение... - Антон почесал в голове... - Кабы вы попросили у старой барыни холстинки для моей старушонки и для деток. Совсем обносились, ей-богу. А вам барыня не откажет.

Агашка посмотрела на Антона, улыбаясь.

- Пожалуй, Наумыч, - отвечала она, - пусть Настасьюшка придет завтра ко мне. Я дам ей холстины, сколько она хочет.

- Ай да Агафья Васильевна! вот душа, мож-

но сказать! На вас и смотреть-то любо, точно червонная краля.

Этот комплимент был заглушен криком гусей, которые поднялись с мест своих, хлопая крыльями.

Петр Александрыч долго стоял у окна и смотрел на эту картину. Он продолжал думать:

"Очень милая талия у Агаши... Сегодня же напишу ответ Дмитрию Васильичу... а у

Маши глаза недурны... Непременно надо отдать капитал на филатуру... Андрей Петрович хороший человек и живет так себе, ничего - барином... Илья Иваныч презабавный... когда мне будет скучно, я пошлю за ним... Выпишу "Земледельческую газету" и "Журнал для оводоводов"...

Он отошел от окна и засвистал, - но это уже не был свист долгий и пронзительный, каким он оглашал свою холостую квартиру в Петербурге... Голос его потерял звонкость, движения потеряли резкость.

- Друг мой, - сказала ему Прасковья Павловна, входя в комнату... - я хочу поговорить с тобой.

- Поговорить? Хорошо, маменька.

- Сядем сюда, на диван.

Сын повиновался.

- Друг мой, ты знаешь, что вся моя жизнь в тебе, мой ангел.

- Знаю-с.

- Ну, поцелуй же меня... Давно я собиралась поговорить с тобой о жене твоей... Она добрая, тихая... но... позволь мне сказать тебе, мое сердце, что ты имеешь над нею мало влияния... Посмотри на нее, что у нее за манеры - ни малейшей приветливости... такая неласковая... Мне, например, хотелось, чтоб она подружилась с Анеточкой, - а Анеточка моя премоумная и преобразованная девушка, ты сам видишь... Что ж? Ольга Михайловна совершенно оттолкнула ее от себя своею холодно-стью... Кажется, в столице получила образование, такого отца дочь, а не знает первых приличий... Гости приезжают, она, вместо того чтоб занять гостей, бежит от них... Помнишь, когда ты в первый раз обедал у

Андрея Петровича? Фекла Ниловна так интересовалась ею, подседа к ней, завела с ней разговор. А она, поверишь ли? - я сама была

свидетельница (другим бы я не поверила) - хоть бы какое-нибудь внимание показала ей. Ну, все-таки она старшая летами и к тому же уважаемая у нас целой губернией. Та спрашивает ее о чем-то, а она едва отвечает; потом собираемся ехать домой, ищем ее, а она на галерее с учителем...

Прасковья Павловна остановилась на секунду и внимательно посмотрела на сына.

- Прилично ли это, мой друг, я тебя спрашиваю? Она говорит, что он учил ее там чему-то, ходил в дом ее тетки, - прекрасно: так со всеми учителями после этого и позволять себе фамильярное обращение; не нашла она, что ли, равных себе, с кем разговаривать? Вот Семен Никифорович, например, гостил здесь, - во все это время хоть бы она малейшее приветствие ему оказала... Я знаю, он бы и дольше прогостил, - да говорит: что ж? я вижу, что хозяйке дома неприятно мое присутствие, - и уехал... Если она будет так отталкивать хороших людей и знаться с какими-нибудь учителями, бог знает, что из этого выйдет...

Петр Александрович слушал свою маменьку довольно равнодушно. На лице его не замет-

но было ни малейшего волнения; оловянные глаза его бессмысленно упирались в стену. Беззлобный и тихий, он инстинктивно понимал превосходство жены своей над собою, предоставляя ей всегда полную свободу. Он был очень доволен ею, потому что она также нисколько не вмешивалась в его времяпровождение; безбоязненно проигрывал он в карты, волочился и хвастал. В первые месяцы брака многое, впрочем, казалось ему странным в ней: он не понимал, отчего не отвечала она на его ласки и как будто старалась избегать их; отчего, живя в полном довольстве, скучала и не хотела выезжать и отчего не гуляла с ним по Невскому в отличном бархатном капоте, который, по мнению его, долженствовал произвести величайший эффект. Но впоследствии он привык ко всему этому. В Петербурге никто не вмешивался в семейные дела их: отец Ольги Михайловны, казалось, начинавший раскаиваться в том, что выдал дочь свою против ее воли, щадил ее грусть. И тоскливая тишина постоянно царствовала в доме Петра Александрыча до приезда его в деревню.

Но уже нетрудно было предвидеть, какая участь ожидала здесь Ольгу Михайловну.

Она должна была возбудить против себя и сплетни, и клеветы, и оскорбления, и участие - все эти орудия раздражительного и злобного невежества, которое тяжело и беспощадно мстит тем, кто выходит из-под его уровня...

Прасковья Павловна была поражена спокойствием, с каким Петр Александрыч выслушал ее речь.

- Что ж ты, Петенька, молчишь? - снова начала она изменяющимся голосом, - или, может быть, ты недоволен, что я начала с тобой разговор об этом предмете?.. По крайней мере я считала долгом, любя тебя, посоветовать...

- Да я, признаюсь вам, маменька, - перебил Петр Александрыч, - не понимаю, как же вы говорите, что жена моя не знает приличия... Она получила отличное воспитание, это в Петербурге все находили. Одному музыкальному учителю ее платили, кажется, рублей двадцать за урок... ей-богу. А у нее уж такой характер, знаете, мрачный. Эта ничего; что ж!

Прасковья Павловна изменилась в лице.

- Друг мой, я не стану говорить тебе, как я тебя люблю... сколько жертв я принесла для тебя в жизни...

На глазах Прасковьи Павловны показались слезы.

- Я до сих пор молчала об этом... (Это не совсем справедливо, потому что о своих жертвах Прасковья Павловна непременно упоминала в каждом письме своем к сыну.)

Любовью своей к тебе я не хвастаю: смешно было бы мне не любить единственное мое сокровище, оставшееся мне после покойного... дитя, которое я носила под сердцем...

Прасковья Павловна зарыдала.

- Но если, милый мой, я не заслужила любви твоей, если я не стою твоего внимания, если ты променял меня на жену свою, если она дороже тебе, бог с тобой... Я покорюсь своей горькой участи, уеду отсюда, найму себе маленькую избушечку возле

Воздвиженского монастыря... мне ни прислуги не нужно - никого, никого, кроме девки - без девки уж я не могу... надо же будет кому-нибудь накормить меня, питье подать... посвящу себя богу, - это, впрочем, мое дав-

нишнее намерение... там же живет одна моя знакомая старушка - истинно добродетельной жизни, - она закрывает мне глаза.

На лице Петра Александрыча показалось беспокойство.

- Помилуйте, маменька, да что это значит? что это с вами сегодня?

Прасковья Павловна тяжело вздохнула и закачала головой.

- Не сегодня, мой ангел, - нет; ты только ничего не замечаешь, а я многое, к сожалению, вижу.

Прасковья Павловна махнула с огорчением рукой.

- Ну, да что говорить!.. Я далека от того, чтоб заводить в доме неприятности, ссору... Это не в моем характере, сохрани господи! Но Ольга Михайловна явно невзлюбила меня - и не понимаю, не могу себе отдать отчета - за что. Я, ты знаешь, умею любить; ты сам видел, как я за ней ухаживала, просто, можно сказать, в глаза ей смотрела, как будто я невестка, а она свекровь... И какая же мне награда за это? Видно, уж моя доля такая!.. Кому ни оказывала в своей жизни внимания, кому

ни делала благодеяний, никто не чувствовал этого. Вот, слава богу, вы здесь, кажется, более трех месяцев, - ласкового взгляда от нее не видала, поверишь ли? А по всему, кажется, она бы должна была во мне искать, а не я в ней: так по крайней мере я рассуждаю по-деревенски. Что делать? Я не получила модного воспитания, моим учителям не давали по двадцати рублей за урок, а, слава богу, до сих пор не уронила себя нигде, умела всегда чувствовать свое достоинство.

Прасковья Павловна встала с дивана и остановилась против сына.

- У меня есть до тебя просьба, мое сердце, - уверена, что ты мне в ней не откажешь, успокой меня, ради бога, успокой!.. Может быть, после этого я уж не стану ничем тревожить тебя. Кажется, жена твоя сердита на меня за то, что я взяла на себя хозяйство в твоём доме, а может, и за другое за что-нибудь... до поры до времени я молчу. Может, она хочет сама всем распоряжаться - и прекрасно, очень рада, - отдай ей все, пусть ее будет полной хозяйкой в доме... Мне бы и не следовало вмешиваться не в свое дело - глупо поступила,

признаюсь. Я, впрочем, думала, что она еще женщина неопытная, не привыкла к деревенскому хозяйству; что я, взяв все заботы на себя, помаленьку буду приучать ее ко всему; что она ко мне, как к матери, будет приходить во всем спрашивать советов...

Ошиблась, сама винюсь, что делать!.. Так ты избавишь меня, друг мой, от всяких хлопот, не правда ли?

- Помилуйте, маменька: как это можно? - возразил Петр Александрыч, - ни за что в свете... Я очень рад, что вы взяли на себя хозяйство. Вы на это мастерица, и управляющий говорил мне, что уж такой хозяйки трудно сыскать, как вы...

- Нет, нет - и не говори мне лучше об этом и не проси... Я, чтоб избежать всех сплетен, твердо решилась предоставить все Ольге Михайловне. Пусть она как хочет, так и распоряжается. А мне уж трудно на старости переносить огорчения - да еще при моем слабом здоровье! Мне немного и жить остается. Назначу Анеточке в духовном завещании двадцать тысяч, она за мной и за больной ходила, как дочь, и всегда была при мне, - ты, верно, про-

тив этого ничего не скажешь... Остальное, голубчик, ведь все тебе достанется, с собой в гроб ничего не возьму. Поплачешь и об матери, когда она на столе будет лежать; узнаешь тогда и мне цену!

Слезы катились по щекам Прасковьи Павловны, и голос ее дрожал, когда она произносила последние слова. Петр Александрыч также прослезился. Ему стало жаль ее, и в первый раз неудовольствие и подозрения зародились в нем против жены. Он поцеловал ручку Прасковьи Павловны и сказал:

- Успокойтесь, маменька; уж я вас ни на кого не променяю.

Она крепко прижала его к своему сердцу. И таким образом минуты с четыре мать и сын пробыли в объятиях друг друга. Прасковья Павловна после долгих и неотступных просьб его решилась оставить под своим заведованием хозяйство и вышла от него торжествующая.

Дочь бедных, но благородных родителей ожидала ее в своей комнате.

- Ну что, Прасковья Павловна?.. - спрашивала она, бросаясь к ней навстречу, - ах, как

вы расстроены, вы плакали... Не хотите ли помочить виски одеколоном?

Она сделала жалостную гримасу.

- Ничего не нужно, мой друг... Благодарю моего бога, я еще не потеряла сына. Она еще не успела искоренить в нем чувства, а уж старалась, как старалась! Сначала он очень неприятно выслушал, когда я заговорила об ней, потом немного тронулся моим горем и слезами... Ну, Ольга Михайловна! признаюсь - хороша штука!.. Ты проницательнее меня,

Анеточка! Ты ее угадала с первого раза... Вот в тихом-то омуте черти водятся, правду говорит пословица. Я ему ничего не говорила, знаешь, о том, что ты мне рассказала...

Погожу еще немножко; посмотрю, что будет; да и к чему теперь говорить? может, еще и получше что-нибудь узнаем... Перехитрить думает нас, столичная барыня! Нет, мы хоть и деревенские, а не поддадимся в обман.

С этого дня Прасковья Павловна начала решительнее обнаруживать власть свою в доме сына. Она выписала из своей деревни несколько дворовых семейств и этим еще более увеличила и без того многочисленную

долговскую дворню; уговорила сына, чтоб он целое семейство подарил Семену Никифору-чу, и ему же в подарок приказала выткать шесть дюжин тонких салфеток и четыре скатерти. Звонкий голос Прасковьи Павловны раздавался по всему дому. Она целый день была в хлопотах и занятиях, мерила холстину, надзирала за девками, сама изволила ходить за грибами с Анеточкой; сердилась, кричала на неповоротливую прислугу; для возбуждения ее деятельности употребляла иногда меры более действительные, чем брань и крики; по вечерам же посылала для своего развлечения за попадьею. Дьяконицу она не любила и называла "сплетницей". С Ольгой

Михайловной виделась только во время чая, обеда и ужина; говорила ей вы и нарочно при ней еще более обыкновенного оказывала нежности своей Анеточке. Дочь бедных, но благородных родителей вела себя довольно хитро и осторожно. Она, как всегда, оказывала всевозможное внимание Ольге Михайловне, старалась даже угождать ей, и между тем была душою заговора, составившегося против нее. Прасковья Павловна играла в нем роль

второстепенную и руководствовалась во всем советами своей Анеточки. В тайны этого заговора были допущены - Агашка, Антон и Гришка, которые должны были следить за малейшим движением Ольги Михайловны и обо всем доносить Прасковье Павловне.

Антон, питавший прежде зависть к своему собрату, приехавшему из столицы, у которого все платье было из тонкого сукна, совершенно примирился с ним с тех пор, как Агашка приняла Гришку под свое покровительство. Прасковья Павловна, деспотически обращавшая со всеми дворовыми бабами и девками, - оказывала беспредельную благосклонность одной Агашке.

ГЛАВА VI

Однако ни Прасковья Павловна, ни дочь обедных, но благородных родителей (при всей проницательности) не могли заметить перемены, совершившейся в Ольге

Михайловне с того дня, в который Андрей Петрович угощал своих новых соседей обедом и увертюрой из "Калифа багдадского". Эта перемена в ней не могла быть уловима для их глаз: она совершалась внутри ее. Ольга Михайловна реже ощущала эту страшную пустоту, это беспредельное, мучительное сознание одиночества, которое три бесконечные года не оставляло ее. И хотя она после еще видела его только один раз и в этот раз не поменялась с ним ни одним словом, но мысль, что недалеко от нее есть человек, понимавший ее, близкий ее сердцу, - эта мысль действовала на нее успокоительно. Ее страдания иногда утишались и переходили в тихую грусть - в то эфирное чувство меланхолии, о котором он писал ей некогда, объясняя Шуберта. Душа

ее чаще открывалась для звуков великого композитора, и она глубже воспринимала их в себе и отраднее упивалась ими. Под влиянием этого вдохновенного, музыкального состояния души она смотрела и на природу, окружавшую ее. И тогда все представлялось ей в другом свете, все получало для нее жизнь и значение - листья, падающие с деревьев, озеро, лениво приподнимавшее свою свинцовую грудь, над которым лентою тянулось стадо диких уток, необозримые нивы, щетинившиеся жнивою, и огонек отдаленной деревни, то ярко вспыхивавший, то потухавший... Она терпеливо сносила насмешливые взгляды Прасковьи

Павловны, рассеянно выслушивала ее колкости, вполнину понимала ее тонкие намеки; не видела перемены в обращении с нею мужа и не подозревала, какими сетями приготавливались опутывать ее. Она как будто забылась на минуту в уединенной жизни сердца. А отношения к ней Прасковьи Павловны и Петра Александрыча делались так очевидны, что скоро вся дворня перестала смотреть на свою молодую барыню с тою робкою бояз-

нию, с какою обыкновенно смотрят лакеи на своих господ. Все наперерыв старались показать свои услуги барину, старой барыне и дочери бедных, но благородных родителей, а об Ольге Михайловне никто не думал и не заботился. Только из всей дворни одна старуха няня своим бессознательным, но сильным чувством привязалась к ней: няня по-своему понимала ее тоску - и, как умела, старалась показать ей свое участие.

- Полно тебе скучать, моя родимая, - говорила она ей, устремляя на нее свои глаза, помутившиеся от старости, и сжимая ее руку своей костлявой и дрожащей рукой, - полно, моя матушка... Бог даст, все пройдет, все переменится. Вот здесь твоё сокровище (она указывала на спящего малютку), - посмотри на него, порассейся немножко, авось у тебя будет на сердце полегче. Ох-ох, моя сердечная! и я потерпела много горя на свой век, - а вот дожила себе до старости.

Однажды после обеда (это было в исходе сентября) Ольга Михайловна собралась гулять. Она гуляла всегда одна и отходила довольно далеко от деревни, невольно возбуж-

дая этим подозрения Прасковьи Павловны и тайные насмешки дочери бедных, но благородных родителей. В этот раз Ольга Михайловна вздумала идти по дороге, которая вела к сельцу Андрея Петровича. Дорога эта была несравненно живописнее других: она шла извилинами, то возвышаясь, то понижаясь. С правой стороны далеко раскидывались пажити, и только у самого горизонта виднелись горы, издали более походившие на облака. С левой некогда поднимался большой лес, принадлежавший к селу Долговке и вырубленный в разные времена и на разные потребности его владельцами. Остатки этого леса заметны были и теперь; еще кое-где торчали огромные пни и чернели остовы столетних деревьев, а около них начинала подниматься роща дубков и кленов... Между селом Долговкою и деревней Новоселовской, ровно на полдороге, находился глубокий овраг, поросший кустарниками, всегда полный водою и пересыхавший только в самое жаркое лето, а за ним возвышался холм, с вершины которого представлялся отличный вид на окрестности.

Ольга Михайловна незаметно дошла до

оврага и поднялась на холм. Воздух дышал осеннею свежестию, гряды облаков тянулись от запада, постепенно бледнея; роща была облита багрецом и золотом; вода глухо журчала, лениво перебираясь между камнями на дне оврага. Деревенская кляча едва тащила воз, тяжело нагруженный хворостом, взбираясь на гору. Близ воза шел мужичок и затягивал зауныльную песню... Она вспоминала такой же осенний вечер в подмосковной деревне своей тетки, вспомнила мысли и надежды, одушевлявшие ее тогда.

Она остановилась на холме, любуясь прощальной красотой природы, великолепным убранством ее накануне смерти... Песня мужика замирала в отдалении, все стихало; огонь в облаках потухал; все предметы сивели и становились неопределеннее...

Ей стало страшно одной... Она сбежала с холма и скорыми шагами пошла по знакомой ей тропинке домой. В эту самую минуту из рощи вышел человек среднего роста с ружьем на плече. Дорога отделялась от рощи небольшой канавкой, прорытой для стока дождевой воды. Он перескочил эту канавку и остано-

вился перед Ольгой Михайловной, которая от испуга отшатнулась назад.

- Простите меня, - сказал он ей, - я испугал вас. Это был учитель.

- Да, в самом деле, - отвечала она, улыбаясь и смотря на него, - вы испугали меня...

Вы с ружьем? Давно ли вы сделались охотником?

- С тех пор как приехал сюда. Но отчего, - продолжал он, несколько понижая голос,

- отчего вы здесь - и одни?.. Не случилось ли чего с вами?

- Ничего. Я гуляла и слишком далеко отошла от деревни...

- Но прежде чем вы дойдете до нее, смеркнетя... В сумерках вас может испугать все - и лист, падающий с дерева... Позвольте мне проводить вас до вашей деревни.

Она отвечала ему наклонением головы, ускорила шаги и закуталась в свою теплую мантилью, потому что воздух становился резок.

Несколько минут они шли, не говоря ни слова.

- Я столько лет не видалась с вами, - сказа-

ла она, выходя из задумчивости, - с тех пор изменилось так многое... Зачем вы оставили Москву? зачем вы здесь?

- Ради бога, не спрашивайте меня о моей жизни, - отвечал он грустно.

Разговор прекратился. На его и на ее лице выразалось сильное волнение. Вдруг она остановилась на том месте, где оканчивалась роща. Они были уже в нескольких шагах от деревни... Наступили сумерки... В избах замелькали огни... В речке заблестели лунные лучи...

- Благодарю вас, - сказала она, - я теперь почти дома; но, может быть, вы сделаете нам удовольствие - зайдете к нам... Мой муж...

- Мне очень жаль, - отвечал он, - что я не могу воспользоваться вашим предложением... Я и без того немножко запоздал. Я думаю, Андрей Петрович разослал всех своих гончих для отыскания меня... Но как бы то ни было, я очень обязан случаю, который позволил мне несколько минут провести с вами...

- Это бывает редко, - продолжал он после минуты молчания, - а мне хотелось бы еще раз, только один раз в жизни услышать от вас

звуки Шуберта... Наши московские вечера уже не возвратятся; но в душе моей сохранились каждый звук ваш, каждое слово, и только эти звуки, эти слова и примиряют меня с моею жалкою жизнью...

- Прощайте, добрый друг мой, - перебила она, - протягивая ему руку, которую он жадно схватил и целовал. - До свидания... Когда-нибудь я исполню ваше желание...

Лицо ее горело.

- Еще одно слово! - вдруг вырвалось у него, - вы несчастливы?

На губах ее показался едва заметный судорожный трепет...

- Прощайте, - повторила она, вырывая свою руку из его руки, - прощайте...

Он долго смотрел ей вслед и потом тихо пошел домой, беспрестанно оглядываясь...

Вдруг в кустах возле самой дороги послышался шорох... Из-за куста поднялся какой-то неуклюжий исполин и закричал сиповатым голосом:

- Что... попался, молодец! в чужих лесах дичь стрелять... да еще за барынями ухаживать, ручки целовать, вот мы те сорвем шею-

го, погоди...

И с этими словами исполин, вооруженный дубиной, бросился на учителя. Учитель, однако, не оробел. Он схватил одной рукой исполина за горло, а другой занес ружье над головой его...

- Что ты за человек? что тебе нужно?

Исполин, вероятно, не ожидал такого отпора, оробел и выронил из руки свою дубину.

- Ах, ваше высокоблагородие! извините! - сказал он прерывающим голосом, - ей-богу, ошибся... я думал, что это так какой-нибудь тут прохаживается... Сами знаете, след ли здесь с ружьем ходить всякому... а если б я знал, что это ваше высокоблагородие, да как бы я осмелился подступить к вам... Известное дело - барин, куда же тут нашему брату холопу соваться?.. Ваше высокоблагородие, отпустите...

- Что ты за человек? - повторил учитель.

- Ах, батюшки светы!.. да здешний, вот те крест, здешний, долговский, Петра

Александрыча-с... Ихнему дяденьке служил тридцать лет, ей-богу. Меня зовут Антоном.

Спросите у кого угодно: все Антона знают...
Ваше высокоблагородие, не погубите...

Дети... жена...

- Хорошо, я отпущу тебя; но если ты осмелишься кому-нибудь, хоть двухлетнему ребенку, пикнуть о том, что ты видел меня здесь... тогда, брат, - уж пеняй на себя. Я тебя везде найду!

- Ваше высокоблагородие... ваше высокородие! да что я за злосчастный такой, чтоб стал рассказывать?.. И какая же прибыль из того?.. Я ничего и не видал; вот хоть провалиться сквозь землю, чтоб язык отсохнул у меня, если я...

- Ну, смотри же!

Учитель выпустил Антона, и Антон без оглядки во всю прыть пустился в деревню.

Через минуту раздался страшный лай...
Стая собак кинулась вслед за бежавшим Антоном...

Ольга Михайловна возвратилась домой к самому чаю.

- Где это вы были, Ольга Михайловна? - спросила ее Прасковья Павловна.

- Я гуляла... - отвечала она. - Виновата... мо-

жет быть, я заставила вас дожидаться...

- Помилуйте, нисколько... Так вы до сих пор гуляли? Прасковья Павловна значительно взглянула на своего сына и на Анеточку, которая разливала чай.

Петр Александрыч молчал, но посматривал на жену искоса. Прасковья Павловна начала бить такт ложечкой по своей чашке...

- Сегодня был прелестный вечер, - сказала дочь бедных, но благородных родителей... - Вы далеко гуляли, милая Ольга Михайловна?

- Довольно далеко.

- Ах, как жаль, - я не знала, что вы идете, - а уж я непременно навязалась бы вам в компаньонки. Обожаю гулять в сумерки!

- Зачем же навязываться? - заметила Прасковья Павловна. - Может статься, Ольге

Михайловне неприятно было бы гулять с тобой; ты, душенька, может, помешала бы ей... мечтать.

Ольга Михайловна ничего не отвечала на это замечание. Минуты две в комнате царствовало безмолвие, нарушаемое только всхрапыванием лакея в передней. Вдруг среди этой тишины послышался отдаленный

звон дорожного колокольчика, ближе и ближе, громче и громче...

- Что это значит? - вскрикнула Прасковья Павловна.

- Ах, кто бы это? - воскликнула дочь бедных, но благородных родителей.

И Петр Александрыч оживился... Он встал с своего кресла и, начиная третий стакан чаю с ромом, сказал:

- Уж не к нам ли?

Даже у Ольги Михайловны забилося сердце при звуках этого колокольчика.

Но вот уже раздался лошадиный топот, кажется, у самого крыльца; вот колокольчик перестал заливаться, задребезжал и смолк.

Все, кроме Ольги Михайловны, бросились в переднюю.

- Здесь, братец, Петр Александрыч? - кричал кто-то на крыльце. - Дома он?

Этот голос был знаком только Петру Александрычу; Прасковья Павловна с

Анеточкой выбежали из передней.

- Возьми сальные свечи со стола да принеси поскорей восковые, - сказала

Прасковья Павловна, толкая в спину ла-

кея, - слышишь?

Из передней раздались восклицания.

- Старый приятель, узнаешь ли меня, моншер? '

- Здравствуй, братец! какими судьбами? откуда?

И Петр Александрыч ввел за руку приехавшего господина, одетого по-дорожному.

Это был давно известный читателям офицер с серебряными эполетами*. * См. повесть "Онагр".

- Маменька, вот мой хороший петербургский приятель, господин Анисьев.

Слово петербургский подействовало магически на Прасковью Павловну и на ее Анеточку.

- Очень приятно иметь честь познакомиться с вами, - произнесла Прасковья

Павловна, поправляя на себе платок, - извините, что вы нас застали по-домашнему, за просто.

- Помилуйте-с...

Офицер с серебряными эполетами поправлял свой хохол, протирал очки и расшаркивался. Увидев Ольгу Михайловну, он подле-

тел к ней с поклонами и с комплиментами.

Прасковья Павловна и Анеточка ушли и через несколько минут возвратились переодетые. Последняя навязала сырцовые букли, которыми она, всегда украшала себя в торжественные случаи.

- Ну, расскажи же, как ты здесь очутился? - спрашивал Петр Александрыч у офицера, сажая его к чайному столу.

- Неожиданно, мон-шер, совсем неожиданно. Скоро после твоего отъезда из

Петербурга папенька скончался... старик, знаешь, мон-шер, последнее время все хирел...

- Боже мой, какое несчастье! - воскликнула Прасковья Павловна, всплеснув руками.

- А не хочешь ли, брат, вместо чаю - ромашки? это после дороги-то лучше, я полагаю...

- Как! ромашки? - спросила удивленная Прасковья Павловна...

- Да-с, - это у нас, маменька, технический термин; так мы называем ром с чаем.

Офицер с серебряными эполетами засмеялся, закрутил усы и сказал:

- Спасибо, мон-шер; это недурно... Mesdames, - продолжал он, - вы позволите мне закурить сигарку... Не будет ли табачный дым беспокоить вас?..

- О нет, - проговорила дочь бедных, но благородных родителей, закатывая глаза под лоб, - мы все привыкли к табачному дыму.

- Но ты все еще мне не сказал, каким образом ты здесь? - спросил Актеон, дотрогиваясь до плеча офицера.

Офицер хлебнул ромашки, пустил изо рта клуб дыма и растянулся на стуле.

- Очень просто, мон-шер, - сказал он. - Мне досталось наследство после папеньки...

Надо же все осмотреть самому, принять все от управляющего... Я взял отпуск, да и катнул сюда... почти мимо тебя пришлось, мон-шер, ехать, немного в сторону; я думаю себе, как же не побывать у приятеля?.. И я бы давно у тебя был, да в Москву белокаменную, знаешь, как попадешь, - беда; с балу на бал, с обеда на обед, кавалеров-то нет, так наш брат петербургский там как сыр в масле катается... Меня на руках там носили, во всех аристократических домах принят был, мон-шер, ей-бо-

гу, как родной... Там же случился

Костя... Ведь *charmant jeune homme*, надо отдать ему справедливость... с ним полтора месяца прожил, как один день!

- Вот что!

Актеон призадумался... Слова офицера пахнули на него былою жизнью, тем временем, когда еще он блаженствовал в коже Онагра...

- И в Москве, - продолжал офицер, - хорошеньких бездна. Я, знаешь, мон-шер, приволокнулся там за одной княжной... Она известна везде: юнъ боте... глаза такие живые, так и бегают... и она была ко мне очень благосклонна; взяла с меня честное слово на возвратном пути непременно заехать к ним.

Офицер затянулся.

- Ну, а ты что поделываешь здесь, мон-шер? а? хозяйничаешь? Славная деревенька у тебя... Офицер осмотрел кругом комнату.

- Се тре жоли... разумеется, в деревне для чего убирать великолепно комнаты?.. А говорят, в моем селе дом такой каменный, славный...

- Много, братец, тебе душ досталось?

- Душ-то немного, мон-шер; кажется, около

трехсот, что-то этак, но денег бездна - это главное, папеньке все были должны; у него такие капиталы, что ужас! Хочу выйти в отставку. Съезжу в чужие края. Надо же, мон-шер, свет посмотреть, - нельзя без этого.

Какие устрицы были нынешней весной в Петербурге - чудо!.. А тебе, мон-шер, все наши кланяются...

Чай был собран... Офицер понемногу прихлебывал ромашку и болтал без умолку.

- А что, мон-шер, не вспомнить ли старинку? - вскрикнул он, вскакивая со стула, - не сыграть ли в банчик?

- Пожалуй.

- Если у тебя нет карт, то я свои достану. У меня всегда есть в шкатулке на всякий случай.

- Что ж ты, братец, думаешь, что мы здесь и в карты не играем? - спросил Актеон с чувством оскорбленного достоинства.

- Нет, мон-шер, я только так сказал... Вели же все устроить, как следует... Я, мон-шер, и усталости никакой после дороги не чувствую.

- А ты надолго ли ко мне приехал?

- Дня на два, на три, мон-шер, если позво-

лит мне Ольга Михайловна и твоя маменька.

Офицер поклонился той и другой.

- Отчего же на такое короткое время? - сказала Прасковья Павловна, - погостите у нас подольше. Вы нас одушевите своим присутствием.

- Никак не могу дольше, при всем моем желании. В Москве и без того зажился, а меня ждут в деревне... Кто же, мон-шер, мечет? Хочешь, я буду метать... Человек, вели принести мою шкатулку.

Шкатулку принесли. Она обратила на себя всеобщее внимание своим изяществом...

Офицер выкинул на стол пачку новеньких ассигнаций, синеньких и красненьких, от которых у Петра Александрыча разгорелись глаза...

- Вот тысяча рублей, - сказал офицер, - покуда довольно... А здесь, мон-шер, наберется еще несколько таких пачек.

Он указал на шкатулку, самодовольно улыбаясь.

Игра началась.

- Ах, как мил, как любезен!.. - шептала дочь бедных, но благородных родителей, отводя

Прасковью Павловну к окну и невольно вздыхая. - Он может очаровать своей беседой... Вот что значит быть всегда в большом свете... Не мудрено, что в него княжны влюбляются. Я этому очень верю.

- Ну, признаюсь тебе, Анеточка, - отвечала ей Прасковья Павловна, - такого светского человека я редко встречала; а я таки жила в свете... так и льется, как река, - хоть бы в одном слове споткнулся. А наше-то сокровище не нашлась ему ничего сказать: сидит себе да молчит... просто за нее стыдно! Ну, бедный мой Петенька, не думала я, чтоб на него такое ослепление нашло... Признаюсь, попался как кур во щи с этой женитьбой.

Банк продолжался до часу. В этот вечер офицер с серебряными эполетами проиграл Актеону пятьсот рублей.

На другой день Актеон, чтоб веселее провести время и показать своему столичному приятелю деревенских оригиналов, послал за помещиком семи душ. Илья

Иваныч явился. Его, по обыкновению, напоили; он плясал вприсядку, острил по-своему, прыгал на одной ножке и никогда почти

не был так забавен. Все смеялись над ним, но в особенности офицер с серебряными эполетами. Он налил в полоскательную чашку воды, посыпал туда соли и перцу и поднес ее к Илье Иванычу.

- Ну-ка, любезнейший, - сказал он, смеясь, - выпейте; славный напиток... Это пунш, особым образом приготовленный, по-петербургски.

Илья Иваныч посмотрел на офицера и на полоскательную чашку. В Илье Иваныче вдруг пробудилось что-то похожее на давно утраченное им чувство человеческого достоинства.

- Господин офицер, - сказал он, весь изменяясь в лице, - имени и отчества вашего не имею честь знать, - позвольте доложить, что я не формальный шут, - это засвидетельствует вам хозяин здешнего дома; вы ошиблись во мне... я только иногда позволяю себе подурачиться, исполняя желание моих благодетелей. Моя нищета еще не дает вам право, милостивый государь, издеваться над отцом многочисленного семейства, оскорблять человека, который старше вас летами...

На глазах Ильи Иваныча показались слезы... Впрочем, эта вспышка тотчас же и потухла в нем... Он боязливо посмотрел на хозяина дома, казалось, умоляя его глазами не гневаться за дерзкую речь, невольно сорвавшуюся у него с языка.

Офицер с серебряными эполетами отскокил от помещика семи душ, краснея, поставил полоскательную чашку на окно и, чтоб скрыть свое замешательство, обратился к

Петру Александрычу:

- Не хочешь ли, мон-шер, продолжать вчерашний банчик?

- Изволь, братец, - отвечал Петр Александрыч.

Между тем Прасковья Павловна и дочь бедных, но благородных родителей, пришедши в отчаяние оттого, что шутка офицера кончилась такою неприятностью, напали на Илью Иваныча в другой комнате. Они кричали в один голос:

- Да как вы это смеете?.. Да что вы думаете об себе?.. Вас никто в дом к себе не будет пускать... Вы с ума сошли! Знаете ли вы, что он прямо из столицы?.. Он там в первые дома ез-

дит. Он может, если захочет, раздавить вас, как червяка... И почему вам было не выпить этого питья, что он вам давал? Не велика важность! У вас не такой уж нежный желудок, не испортился бы...

Илья Иваныч низко кланялся и просил прощения.

Весь этот и следующий день офицер и Петр Александрыч не отходили от карточного стола ни на минуту. Игра у них завязалась нешуточная. Петр Александрыч в два дня проиграл шестьдесят тысяч...

Это сильно его потревожило.

- Как же, братец, - сказал он переменившимся голосом, - я не могу тебе теперь заплатить этих денег - у меня нет столько...

- Все равно, мон-шер, все равно, после: тебе я поверю... А не можешь ли ты мне теперь отдать хоть немного?..

- Тысячи три... могу.

- Ну, все равно, хоть три тысячи, а на остальные пятьдесят семь тысяч ты мне просто дай записку, мон-шер, - напиши, что взял их у меня на сохранение до первого востребования, - вот и все.

Петр Александрыч согласился на это, и офицер на четвертый день рано утром выехал из села Долговки. Восторг Прасковьи Павловны к офицеру в минуту, однако, исчез, когда ей сказали, на какую сумму обыграл он ее сына.

- Ах, Петенька, Петенька!.. - твердила она, ломая руки, - можно ли это? шутка ли шестьдесят тысяч!.. Вот разбойник какой подвернулся!

ГЛАВА VII

Этот проигрыш был последней данью, заплаченной Петром Александрычем прошлой жизни. Он навсегда простился с порывами и с сильными ощущениями. С этих пор щекотали его только мелочные страстишки и ощущеньица! "Хорошо бы сделаться какою-нибудь важною чиновною особою в уезде", - думал он, или: "Недурно бы съездить к губернатору; его превосходительство меня ласкает; пусть видят это другие помещики".

И вдруг лениво подымался он с своих кресел, в которых обыкновенно дремал после жирного обеда, приказывал готовить экипаж и отправлялся в губернский город. Он любил также поохотиться, для того чтоб пощеголять своими собаками.

Однажды так, бог знает для чего, вздумалось ему показать, что он знает толк в хозяйстве. Призвав управляющего, Петр Александрыч произнес с важностию:

- Зимний путь уж установился; отправьте

же поскорей подводы в Москву с надежным человеком - во-первых, для закупки годовой провизии, а во-вторых, для того, чтоб взять у братьев Бутеноп четырехконную молотилку, веялку, плуг и экстирпаторы.

Это все необходимо нужно иметь.

Управляющий, изумленный таким приказанием, лукаво улыбнулся и произнес:

- Слушаю-с.

Приказание Актеона было в точности выполнено. Означенные земледельческие орудия привезены и поставлены в каретные сараи, откуда они уже никогда и не выдвигались. В другой раз он призвал управляющего и изъявил ему желание присутствовать на так называемых посиделках. Это последнее желание уже нисколько не показалось странным Назару Яковличу... Все шло хорошо... Семен Никифорыч гостил в селе Долговке по неделям и по месяцам. Он, вероятно, перестал оскорбляться невнимательностью к нему Ольги Михайловны. Петр Александрыч играл с ним по маленькой в преферанс. Покуривая сигарку, лениво бросал он карты на зеленое сукно...

Это было тотчас после обеда.

Вошедший Фомка отвлек его внимание.

- Что тебе надобно? - спросил у него Петр Александрыч.

Фомка, только что возвратившийся из уездного города, подал барину письмо.

Письмо это было застраховано.

- От кого бы это?

Актеон отложил карты в сторону, распечатал и прочел письмо.

"Cher ami Петр Александрыч, - писал к нему офицер, - прости, что я беспокою тебя. Мне крайняя нужда в деньгах. Сделай одолжение, вышли мне должные тобою пятьдесят семь тысяч через две недели в Петербург (адрес мой при сем прилагаю). Если ты к сему сроку не вышлешь деньги, то не пеняй на меня, - я вынужден буду представить записку твою куда следует; а ты знаешь, что такого рода записки имеют силу. - Еще раз повторяю мою просьбу о деньгах. Не заставь меня ссориться с тобой, mon cher. - Adieu, будь здоров. Поклонись от меня жене своей и маменьке...

Твой pour toujours

Анисьев".

Откуда же взять столько денег и в такое короткое время? Управляющий говорит, что на доходы надеяться нечего, что скоро придется кормить крестьян по случаю долгих неурожаев, а большие-то доходы обещает он не прежде, как года через два.

Петр Александрыч нахмурился. - У него денег оставалось очень немного... Он уж истратил несколько новеньких ассигнаций, - нарушив честное слово, данное им самому себе, не прикасаться ни в каком случае к этим деньгам... Что делать?

"Зачем, - подумал Петр Александрыч, - я дал ему эту проклятую записку?.. Можно было бы как-нибудь отделаться от него и не заплатить... А теперь беда!.."

- За...адумались, Петр Александрыч, - сказал Семен Никифoryч, - ва...аш ход...

- Мне, признаться, не до игры, - произнес Петр Александрыч и объяснил Семену

Никифoryчу причину своего беспокойства.

- Де...е...ело не шуточное!

Семен Никифoryч выпустил изо рта и из носа тучи дыма и положил на стол свой коро-

тенький чубучок.

- У кого бы занять? - подумал вслух Петр Александрыч.

- За...нять? Мм! по...просите... у Прокофья Евдокимыча; у...у него целые по...двалы денег, в землю зарывает... ей-богу... А... а...вось даст... неровен час; он и...иным и давал...

- Маменька! - закричал Петр Александрыч, - пожалуйста к нам на совет.

- Сейчас, мой голубчик... - отвечала Прасковья Павловна, выходя из ближайшей комнаты.

- Что тебе посоветовать, мой ангел?.. Ах, Семен Никифорыч! материнскому сердцу как приятно слышать это... Он, голубчик мой (она указывала на сына), видит, что я опытнее его, желаю ему добра, он без меня ничего и не предпринимает.

- Это по...похвально, - сказал Семен Никифорыч. Петр Александрыч прочел матери письмо, полученное им, и передал ей мысль Семена Никифорыча о займе денег у

Прокофья Евдокимыча.

- Нечего делать, - произнесла Прасковья Павловна, вздыхая, - надо перепробовать, дру-

жочек, все средства... Авось этот скряга, гнусный старичишка, хоть один раз в жизни покажет себя с благородной стороны... Только советую тебе, дружок Петенька, поезжай к нему сам. Ты этим, во-первых, сделаешь ему честь, и кто знает, может, это его тронет...

- Хорошо-с; а что, маменька, правду ведь вы говорили, что в нынешнем свете трудно найти приятелей, - так и вышло по-вашему.

Петр Александрыч смял письмо офицера в комок и бросил под стол.

- Я, друг мой, никогда не говорю пустяков... Уж я все испытала в жизни: так моим словам можно верить...

На другой день рано утром Петр Александрыч облекся в дядюшкину медвежью шубу, два исполина уложили его в пошевни, Гришка присел на облучок, кучер дернул вожжами - и лихая тройка помчала барина.

Перед ним расстилались необозримые снежные равнины, среди которых изредка чернелись деревеньки, мелькали деревья, опушенные инеем, да испуганные вороны, отряхая снег с ветвей, поднимались с карканьем, тяжело махая крыльями, и исчезали в

отдалении черными точками на сером небе.

В уездном городе звонили к обедне, потому что это было воскресенье... По единственной улице города, на которой торчал неуклюжий каменный дом между разваливающимися домиками и избами, - плыли, как павы, жирные разруганные и расписанные мещанки в малиновых штофных телогрейках на лисьем меху; за ними выступали мужья их в синих сибирках, шли ямщики в засаленных тулупах да тащились две или три старушонки в порыжелых салопах... У калитки дома, украшенного елкою, стоял приказный, облизывая губы и несколько пошатываясь, а далее мальчишки скатывались на салазках с горки, устроенной возле самой проезжей дороги...

От села Долговки до села Карташева, в котором имел резиденцию богатый старичок, считалось с лишком верст сорок. Петр Александрыч завидел издалека цель своего путешествия. Село Карташево казалось в шесть раз более уездного города, через который он проехал, и украшалось двумя каменными церквями; это село, состоявшее из тысячи восьмисот душ, принадлежало разным поме-

щикам. Прокофий Евдокимович был один из главных: он владел в нем восемьюстами душами. Прокатив по узкой улице, в которой избы, как во всех старинных деревнях, тесно прилеплялись одна к другой, кучер спустился на озеро, мигом поднялся на противоположный берег, повернул налево, въехал на небольшой дворик, обнесенный развалившимся забором, и остановил лошадей у крыльца.

На крыльце небольшого домика стояли с разинутыми ртами и с выпученными глазами какие-то мальчишки в серых куртках домашнего сукна.

- Дома ваш барин? - спросил у них Гришка, спрыгивая с облучка.

Мальчишки молчали.

- Эй вы, щенки! вас спрашивают. Слышите?

- Кого вам надо? - сказал один из мальчиков, почесываясь. - Тятеньку, что ли?

- Какого тятеньку! Пошел, дурак!

Гришка помог барину своему вылезть из пошевной и взбежал в сени. В сенях у двери стоял чан с водой и несколько кадочек. Он на-

чал стучать в дверь.

- Кто там? - раздался грубый женский голос. - Чаво надо?

- Гости приехали; дома ли ваш барин?

Голос смолк, и минуты через три дверь, запертая изнутри железным засовом, заскрипела и отворилась.

- Сюда, батюшка, сюда, кормилец! - сказала баба, кланяясь Гришке. - Кто вы такие?

- Да здесь ли живет Прокофий Евдокимыч? - спросил Петр Александрыч.

- Здесь, кормилец, здесь. Палашенька, скажи барину, что гости приехали.

Баба обернулась к девочке, которая выглядывала из-за нее.

- Погоди, кормилец, погоди, вот она сейчас воротится. Барин ответ даст.

Девочка минут через пять воротилась.

- Какие гости, спрашивает барин, - запищала она.

- Какие же вы гости, батюшка? как о вас сказать? - спросила баба, смотря на Петра Александрыча и на Гришку.

- Скажи, что приехал помещик из села Долговки.

- Отколева?

- Из села Долговки, дура! - закричал Гришка.

- Долговские. Вишь!

Баба ушла.

Петр Александрыч стоял в ожидании бабы, не снимая своего медведя, потому что в передней Прокофья Евдокимыча было несравненно холоднее, чем на дворе.

- Может ли это быть?.. - слышался минут через десять слабый голос во второй комнате, - где?.. Ты врешь...

- Врешь! чаво врать? - отвечала баба. - Посмотри сам, батюшка.

Прокофий Евдокимыч в теплом, изорванном и истертом халате робко выглянул в переднюю.

- Петр Александрыч!.. - воскликнул он с видимым замешательством и замахивая полы своего халата... - Вы ли это?.. Сами беспокоились... Я не стою такой чести. Милости прошу, сударь... Извините. Лакеи мои все разбежались, а я больной... Не осудите...

Петр Александрыч снял шубу и вошел в следующую комнату.

- Сюда, сюда, - говорил старичок, пожимая одной рукой руку гостя, а другой придерживая полу своего халата. - Покорнейше прошу в гостиную... Вот так, на диванчик.

Голые бревенчатые стены этой гостиной украшались двумя пятнами в рамках, которые старичок принимал за картины, диваном и несколькими стульями, обитыми черной кожей...

Петр Александрыч смотрел на все это и не верил глазам своим.

Едва он уселся, как во всех дверных щелях засверкали глаза; двери немного раздвинулись - и обоего пола ребятишки, "полубарчонки", как обыкновенно звали их в доме, начинали высовывать из дверей свои головы.

- Чему я должен приписать честь видеть вас у себя?.. - Старичок закашлялся, исподлобья посмотрел на гостя и погрозил ребятишкам, которые мгновенно скрылись. -

Истинно не знаю, как вас благодарить.

Старичок поднялся со стула и поклонился гостю. Ребятишки снова показались у дверей...

- Я давно, признаться, собирался к вам, - ска-

зал Петр Александрыч.

- Очень благодарен... - Старичок кланялся. - Чем угостить мне вас, дорогой гость?..

Чайку не прикажете ли?.. Эй, Акулина, подай нам чаю... да и вареньица уж кстати... Не правда ли, и вареньица? - повторил он, посмотрев умильно на Петра Александрыча.

- Покорно вас благодарю... я...

- Не побрезгайте же моим угощением, дорогой гость.

Петр Александрыч не смел отказаться. Станный напиток, который старичок принимал за чай, был подан, и к нему на двух блюдечках медовое варенье, сверху посыпанное сахаром. Петр Александрыч, хлебнув немного из своей чашки и почувствовав нестерпимую горечь на языке, поморщился.

- Вареньица-то, пожалуйста, вареньица, - говорил старичок, кашляя.

- Я к вам, между прочим, с небольшой просьбой, - сказал Петр Александрыч, немного заикаясь.

Старичок вздрогнул.

- С какой, почтеннейший, с какой? Очень рад услужить, чем могу...

- Видите ли... мне крайне нужно на год или на полтора, никак не более, пятьдесят семь тысяч... Разумеется, мы сделаем заемное письмо; проценты...

- Пятьдесят семь!.. - Старичок вскочил со стула, озираясь кругом. - Боже мой!..

Он закашлялся и схватил себя за грудь. - Да отчего ж вы полагаете, что у меня есть такая огромная сумма?

- Я так думал... зная ваше состояние... Поверьте, ваши деньги будут в верных руках.

- Верного ничего нет на свете, ничего! - завопил старичок в отчаянии. - Какое состояние у меня!.. До тех пор, покуда я не продам все, что имею, до последней душонки, и не обращу всего в деньги, - я нищий, ей-богу, нищий. Неурожаи, голод...

Он опять закашлялся и начал стонать.

- Извините меня... ради бога, извините меня... Если б у меня было, например, хоть три тысячи... это я так только говорю... у меня и ста рублей в доме нет... я, чтоб угодить вам, заслужить ваше внимание, отдал бы последние; клянусь сегодняшним праздником...

- Так вы никак не можете удовлетворить

моей просьбы?..

- Для вас... я готов был бы заложить все, что имею... - Старичок осмотрел кругом свою комнату. - Да у меня и вещей-то нет никаких... Видите ли, как я живу? Седьмой год домишко для себя собираюсь выстроить, и то не на что... А чайку-то не прикажете ли еще?

- Нет-с, я до чаю не охотник. Да и к тому же мне пора ехать... Я должен еще остановиться в городе у почтмейстера.

- А вареньица-то? хоть одну ложечку...

Насилу отвязавшись от Прокофья Евдокимыча и проклиная его внутренне, бросился Актеон в свои пошевни и горестно произнес:

- Домой...

- Маменьке мое почтение, супруге! - кричал старик, высовывая в форточку голову свою, на которую был напялен вязаный колпак.

Возвратись домой, Петр Александрыч тотчас пошел в комнату к своей матери. У нее он нашел Феклу Ниловну.

- Что это? уж ты и возвратился, голубчик мой! Отчего так скоро? - спросила

Прасковья Павловна, смотря с беспокой-

ством на сына.

Петр Александрыч не хотел говорить о своем проигрыше и о горестном результате своей поездки при посторонней женщине. Прасковья Павловна сейчас поняла это.

- Ангел мой, Петенька, - сказала она, - при Фекле Ниловне ты смело можешь все говорить. Она любит тебя и принимает в тебе самое горячее участие. Феклу Ниловну я ни с кем наряду не поставлю. Это я об ней всегда скажу и за глаза. Я знаю цену людям; я, слава богу, в продолжение моей жизни умела найти себе истинных друзей, - этим я могу гордиться. От Феклы Ниловны у меня нет секретов. Я прошу тебя быть с ней, как с родной.

- Любите меня, батюшка, - закричала, в свою очередь, Фекла Ниловна, - прошу покорнейше. Уж вы мне по матери дороги; к тому ж я вас на руках носила... махонький был таковой...

- Ну, что сказал тебе этот гадкий скряга? - продолжала Прасковья Павловна, прерывая речь своей приятельницы, - говори откровенно, мое сердце. Фекла Ниловна уже все знает: я ей рассказала, куда и зачем ты ездил.

- Да что - плохо, маменька! Он уверяет, что у него и ста рублей нет в доме.

- Что? а? Недослышу, батюшка.

Прасковья Павловна повторила Фекле Ниловне слова своего сына.

- Ах он, проклятый грешник! - вскрикнула Фекла Ниловна, всплеснув руками. - На краю гроба, и лгать не боится. Да на том свете нет и такого наказания, какого он достоин, ей-богу; а? что? Прасковья Павловна, как ты думаешь?

- Правда, совершенная правда. Изверг бесчувственный! Вот небо-то копит: ни себе, ни другим добра не приносит...

Впрочем, Петру Александристу от всех этих восклицаний было не легче. Он долго думал, что ему предпринять, чтоб уплатить свой карточный долг офицеру с серебряными эполетами, и наконец решился прибегнуть опять к Дмитрию Васильичу Бобынину.

Дмитрий Васильич тотчас же по приезде офицера в Петербург узнал о проигрыше

Петра Александрыча. Как человек сметливый и умевший извлекать из всего свою пользу,

Дмитрий Васильич отправился к офицеру

и предложил ему, вместо пятидесяти семи тысяч "неверных", как говорил он, чистыми деньгами пять тысяч. Он выложил перед офицером соблазнительную грудку ассигнаций. Офицер подумал немного, посмотрел искоса на ассигнации и согласился на предложение. Тогда Дмитрий Васильич заставил офицера написать к Петру Александрычу письмо, которое привело героя моего в такое замешательство. Расчет Дмитрия Васильича был верен. Он предполагал, что Петр

Александрыч не обойдется без него, - и не ошибся. Он забрал в свои руки все состояние доверчивого Актеона, заложив его имение и отдав деньги на бумагопрядильную фабрику; он, в счет долга, присвоил себе его капитал, доставшийся ему после дяди; он взял с него новое заемное письмо в пятьдесят семь тысяч; кроме всего этого, он имел постоянные и секретные сношения с его управляющим. Петр Александрыч не мог нахвалиться благородным и добрым Дмитрием Васильичем...

Фекла Ниловна пробыла в селе Долговке более двух недель и уехала домой неохотно, потому что сама она, пять душ ее и четыре ло-

шади лишились дарового корма.

Во все время пребывания своего в гостях Фекла Ниловна вставала очень рано и всякое утро будила ленивых дворовых девок и баб Петра Александрыча, приговаривая:

- Слыхано ли дело вставать так поздно... а? Будь вы мои, я бы с вами справилась...

Это ни на что не похоже...

Потом она обращалась к Прасковье Павловне:

- Что ты, матушка, не смотришь за здешней дворней-то? а? ведь, кажется, ты хозяйка дома... что?

- Ах, милая! - возражала обыкновенно Прасковья Павловна, махая рукою, - уж я зыскиваю, зыскиваю с них, да нет - никаких сил человеческих не достанет.

Если б я была настоящая хозяйка в доме, тогда другое дело.

Фекла Ниловна в отсутствие Прасковьи Павловны показывала невестке ее величайшее внимание и однажды сказала ей, посмотрев на нее с чувством:

- Ах, родная моя, жалкая ваша участь!.. Теперь я все своими глазами видела.

Свекровь ваша заест вас, заест...

В тот же день Фекла Ниловна говорила Петру Александрычу:

- Послушайтесь моего совета, батюшка, не давайте свою матушку обижать никому; у меня вчуже сердце кровью обливается, когда я посмотрю, как жена ваша обращается с нею... а?.. что?.. Простите за откровенность, я уж такая... что делать... Мать все ближе: мать под сердцем вас носила...

Вскоре после отъезда Феклы Ниловны домой в том уезде, где находилась ее деревня, начали носиться слухи о связи жены долговского помещика с учителем Андрея

Петровича Боровикова...

Наступили святки - самое поэтическое время для русских людей. В деревне, во дворе и в барском доме все пришли в движение, все одушевились... Вечера, посвященные на переряженье и гаданье, пролетали незаметно.

Для Прасковьи Павловны и для дочери бедных, но благородных родителей беспрестанно выливали олово и воск... Они беспрестанно рассматривали на тени выливавшиеся им фигуры.

- Посмотри, Анеточка, посмотри, - говорила Прасковья Павловна, - что тебе вышло. Вишь, как много народу. А вот поодаль-то стоит фигура, точно кавалер: он обнимает девицу. Увидишь, что тебе нынешний год выйти замуж, вспомяни мое слово.

Накинув платок на голову, дочь бедных, но благородных родителей несколько вечеров сряду выбегала на большой двор, не чувствуя ни малейшего холода, хоть снег, сверкавший миллионами разноцветных звездочек, сильно хрустел под ее ногами. Она подходила к забору и с биением сердца произносила:

Залай, залай, собаченька, залай, серенький волчок.

И, как будто послушные ее зову, собаки начинали лаять у дома.

"Слава богу! - думала она, - собаки лают вблизи: это хороший знак. Я выйду замуж не на чужую сторону".

В другой раз она вышла на улицу и долго стояла в ожидании прохожего. Наконец показалась какая-то фигура в тулупе, вывороченном наизнанку. Она закричала:

- Как зовут?

- Парамон, - был ответ.

Никто деятельнее ее не принимал участия во всевозможных гаданиях. Она приказывала приносить в свою комнату кур, снятых с насести, пересчитывала балясы на крыльце, говоря: "вдовец, молодец", собирала из прутиков мостик и клала под подушку и прочее.

Вечером на Новый год старуха няня также принялась за гадание. Она налила стакан теплой воды, распустила в этой воде яичный белок и поставила его за форточку.

Наутро она явилась с этим стаканом к Ольге Михайловне...

- Поздравляю тебя, матушка моя, с Новым годом, с новым счастьем, - сказала она ей, низко кланяясь. - Вот я, признаться, вечер загадала на тебя, родимая; посмотри, как хорошо тебе вышло.

И старуха, весело улыбаясь, показала Ольге Михайловне стакан.

- Спасибо тебе, няня. Что же значат эти фигуры?

- Участь твоя переменится, матушка. Ты скоро будешь жить в радости.

И старуха начала по-своему толковать изображения в стакане.

- А мне кажется, няня, фигура эта похожа на церковь. Может быть, я умру нынешний год?

- Ах, сударыня, сударыня! не стыдно ли тебе говорить этакое? Сегодня не годится иметь такие мысли; выкинь их, кормилица моя, из головы. Постой-ка, мне давно хотелось кое-что шепнуть тебе на ушко. Послушай моих советов...

Старуха отвела Ольгу Михайловну в угол комнаты и осмотрелась кругом.

- Что такое, няня?

- А вот что, матушка; не пей ты ни чаю, ни кофею, когда разливает Прасковья

Павловна или эта старая барышня...

- Отчего же? - спросила Ольга Михайловна, изумленная загадочным тоном старухи.

- Да так, моя голубушка, ты не бойся; они вреда тебе не сделают, а я все-таки тебе скажу к слову. У нас в деревне есть одна старушонка: вишь, толкуют, будто бы она водится с нечистою силою, - кто ее, проклятую, знает; она принесла Прасковье Павловне какое-то

заговоренное питье, для того чтоб ты совсем опротивела мужу. Они и хотят подливать тебе потихоньку этого питья в чай. Он-то, мой голубчик, ничего не знает; не вини его, ма-тушка... Он любит тебя, да его, знаешь, сбили с толку; а все эта барышня... ох, змея подко-лодная! Она и Прасковью-то Павловну совсем опутала. Ведь ты его любишь, родная?

Няня тяжело вздохнула.

- Ведь ты на него не сердишься?

- Нет, нет; будь спокойна, няня.

Когда старуха вышла из комнаты, в голове Ольги Михайловны мелькнула темная мысль, от которой она невольно вздрогнула.

ГЛАВА VIII

2 июня Фекла Ниловна праздновала день своего рождения. Она хотела задать пир на славу. Еще накануне прислал к ней Андрей Петрович своих музыкантов. С утра начали наезжать к ней в дом губернские щеголи и щеголихи. Здесь были все наши старые знакомые, не исключая помещика семи душ и учителя. Здесь была и Ольга Михайловна.

Она не могла не приехать, потому что Фекла Ниловна, приглашая ее, сказала:

- Покажите, мать моя, что вы нами, провинциалами, не пренебрегаете; сделайте мне честь своим посещением... а? что? недослышу... Будете? Вашим присутствием я особенно интересуюсь.

Ольга Михайловна в последние пять месяцев очень похудела. В ее лице было что-то болезненное, и дочь бедных, но благородных родителей, смотря на нее, думала:

"Видно, столичным-то красавицам деревенская жизнь не по нутру: как она постаре-

ла! Да я по крайней мере пятью годами кажусь моложе ее!"

За обедом, перед самой водянкой, которая заменяла шампанское, Илья Иваныч встал с своего места и, обращаясь к хозяйке, произнес:

С днем рождения вас поздравляю.

Счастья вам на многие лета желаю.

Все гости за мною следом

Благодарят вас за угощение отличным обедом, -

В особенности хороши были пироги;

А вы не забудьте вашего нижайшего слуги...

К сему прибавляю, не тратя много слов,

Что все благодеяния ваши вполне чувствует

Илья Сурков.

Всеобщие одобрения, выразившиеся восклицаниями, смехом, рукоплесканиями, приветствовали стихотворца. Фекла Ниловна послала ему бокал водянки, который налила собственноручно.

После обеда барышни начали приготовляться к балу. Часов в восемь в столовой, на-

значенной для танцев, спустили шторы, зажгли две лампы и шесть свечей. Музыканты строили инструменты и потягивали пенник, смешанный с водой, которым приказано было угощать их. Разряженные барышни начинали появляться одна за другой. Дочь бедных, но благородных родителей давно сидела в столовой в ожидании бала, в ярко-пунцовом платье, с двумя белыми перьями на голове, воткнутыми в косу, и в сырцовых буклях. Из кавалеров отличался более всех заседатель, с хохлом, во фраке цвета адского пламени с блестящими пуговицами. Взоры всех впились в Ольгу Михайловну, когда она вошла в танцевальную столовую. На ней было белое кисейное платье без всяких украшений; черные волосы ее, как всегда, падали длинными локонами до груди; в руке она держала букет из белых роз.

Резко отделялась она от этого пестрого общества и должна была оскорблять собою самолюбие каждого из его членов. Все эти барышни, барыни и кавалеры чувствовали при ней какую-то неловкость, старались скрывать ее - и оттого казались еще неловче. Они поче-

му-то боялись Ольги Михайловны, несмотря на то, что никогда не видали ее насмешливой улыбки. Им тяжело было ее присутствие, и они мстили ей за это по-своему.

Все глаза от нее обратились к учителю, который до сей минуты стоял у дверей, никем не замеченный. Они хотели привести и ее и его в замешательство; но он скрылся в толпе, а она так смело, так спокойно, так благородно-гордо смотрела на них, что невольно заставила самых смелых барышень, самых дерзких барынь потупить глаза.

Бал открылся "полонезом". Музыка загремела. Фекла Ниловна выступила в первой паре с Петром Александрычем; за нею шли Прасковья Павловна с Семеном

Никифорычем, Андрей Петрович с Ольгой Михайловной, дочь бедных, но благородных родителей с франтом-заседателем и так далее.

- Наша Ольга-то Михайловна и одеться не умеет прилично, - говорила Прасковья

Павловна своему кавалеру, - на бале в простом платьишке; хоть бы пришилила к груди брошку или что-нибудь этакое. Другой подумает, что ей нечего надеть; а поверите ли,

шкапов шесть заняты ее гардеробом. И какие богатейшие вещи есть! Все это даром гниет: вот не в коня-то корм!

После "полонеза" та самая барышня-воспитанница, которая пела у Андрея

Петровича "Среди долины ровныя", выступила на середину столовой с полосатым платком, повязанным через плечо, и протанцевала "цыганскую".

Засим заиграли французский кадрили.

Франт-заседатель бросился к дочери бедных, но благородных родителей.

- Позвольте иметь честь ангажировать вас на кадрэль? - сказал он.

- С удовольствием. Мы станем напротив Ольги Михайловны.

- Это совершенно зависит от вашего произвола-с.

- Ма-шер Ольга Михайловна, - закричала она, - позвольте мне танцевать против вас?

- Очень рада, - отвечала Ольга Михайловна, которую только ангажировал какой-то кирасирский офицер с рыжими усами - дальний родственник Феклы Ниловны, находившийся в отпуску и проживавший у нее в деревне.

- Скучаете по Петербургу-с? - сказал кирасир Ольге Михайловне, начиная фигуру и прищелкивая шпорами.

- Очень, - отвечала она.

- Натуральное чувство, весьма натуральное! - продолжал кирасир, закручивая ус. -

Я хоть один раз был в Петербурге, да, признаюсь, зато навеселился! У меня там много приятелей гвардейцев, и образцовых, так они меня всё таскали по балам и по театрам. Вы охотницы до театров?

- Большая-с.

- Какой там отличнейший актер Воротников; представляет, чудо!

Кирасир, не умолкая, любезничал и по окончании кадрили вышел в сени. В сенях стоял Семен Никифoryч и покуривал из своего коротенького чубучка. Семен Никифoryч обратился к офицеру, обтер рукой янтарик и протянул к нему чубучок.

- Не хотите ли ку...ку...рнуть?

- Спасибо вам. Смерть хочется, - отвечал кирасир. Он наскоро затынулся и побежал опять танцевать.

Бал блеснул во всей красе. В десять часов

по аллеям довольно большого сада расставили десять плашек и зажгли щит, на котором были изображены две буквы: Ф. Н.

Танцующие и играющие бросились из комнаты посмотреть этот щит и, полюбовавшись им, возвратились назад к своим занятиям. На крыльце остались только Ольга Михайловна и учитель. Она задумчиво обрывала листки своего букета и вдруг, обернувшись к нему, сказала:

- Пройдемтесь по саду.

Он, несколько удивленный, не говоря ни слова, последовал за нею.

Они отошли довольно далеко от дома; площадки кой-где, и то едва-едва, освещали густые и мрачные аллеи.

- Не воротиться ли нам? - сказал он, боязливо смотря на нее.

- Зачем? - спросила она.

- Разве вы не заметили, с какою дурно скрытою ненавистью все эти люди смотрят на вас? Они ищут только удобного случая, какого-нибудь малейшего предлога, чтоб с ожесточением броситься на вас...

Она остановилась у одной из площадок, про-

тив которой стояла скамейка.

Красноватый свет освещал лицо ее. Она улыбнулась.

- Разве вы думаете, - сказала она, - что я дорожу их мнением, боюсь их злобы?..

Разве вы думаете, что у меня неостанет столько силы, чтобы презирать судом их? столько чувства человеческого достоинства, чтоб не оскорбляться их клеветами?

- Но вы живете между ними, - возразил он, - и они могут жестоко отплатить вам за ваше явное презрение... они будут отравлять вас рассчитанно, медленным ядом. Ведь они составляют общественное мнение, а женщине трудно бороться с ним.

- Не бойтесь за меня... Пусть это мнение подавит меня... Одним днем раньше, одним днем позже - все равно.

- Думал ли я когда-нибудь встретить вас, окруженную такими людьми, быть свидетелем ваших страданий?

- Мне редко удается видеть вас... - начала она тихим и трепетным голосом. - Кто знает, когда еще я увижу вас; а мне хотелось бы поговорить с вами... Мне очень тяжело - и нет

образа человеческого вокруг меня, никого, кто бы хоть сколько-нибудь понял, как мне тяжело и горько.

Она схватила его за руку.

- Сядьте здесь, - продолжала она, - возле меня. Да, я очень несчастлива!

Букет выпал из рук ее. Она закрыла лицо руками; потом приподняла голову и, как будто собираясь с мыслями, сказала:

- К чему мне скрываться от вас? Я замужем за человеком, за которого мне приказали выйти и с которым у меня нет ничего общего, которого я никогда не могла видеть без отворачивания... Я должна сносить ежедневные, ежеминутные оскорбления, насмешки, дерзкие взгляды его матери, его любимиц, его дворни... Я вам не говорю о тех невольных оскорблениях, которые эти люди наносят мне, сами того не подозревая... Но слушайте; все это ничего, я перенесла бы все это...

Она остановилась; руки ее дрожали. Она несколько раз хотела сказать что-то и не могла. Наконец после долгого усилия едва проговорила задышавшимся голосом:

- Не презирайте меня... Бог свидетель, я

недостойна презрения... но поймите меня и пожалейте обо мне... Я - мать, и не люблю, не могу любить дитя свое... оно напоминает мне его!.. Я молилась я плакала у колыбели этого несчастного ребенка... и просила бога смягчить мое сердце... я мать, и во мне нет искры материнского чувства... этого святого чувства, которое дало бы мне силу перенести все бедствия.

Она замолчала и как будто ожидала его слова; но он смотрел на нее с участием безмолвным, невыговариваемым, - глаза его были полны слез...

С заметным усилием она встала, взяла его руку, крепко пожала ее и скорыми шагами пошла по аллее к дому. Белое платье ее мелькнуло вдали между темными кустами.

Он оставался на том же месте, вперив глаза во мрак и ожидая, не мелькнет ли оно еще хоть один раз... но уже ничего не было видно. Плошка, поставленная против скамейки, с треском догорала, освещая букет, оставленный ею.

Он поднял его и скрылся в глубине сада.

- Где же учитель-то? - кричала Фекла Ни-

ловна, бегая по столовой, раскрасневшись и запыхавшись... - Где же он? Зачем же я его пригласила? а? что?.. Сколько девиц не танцует... кавалеров мало... Не видал ли его кто? а?

- И ее здесь нет, - сказала на ухо Фекле Ниловне дочь бедных, но благородных родителей, многозначительно улыбаясь.

- Что? а? ее нет? Мм! Видно, не на шутку завелись у них шуры-муры... И стыда нет, - еще ни слова бы не сказала, если б там где-нибудь втихомолку... а то при гостях, на бале так изволит вести себя... Бедный муж!..

ГЛАВА IX

Праздник Феклы Ниловны имел важные последствия... Во-первых, на этом празднике фронт-заседатель по уши влюбился в дочь бедных, но благородных родителей, узнав от глухой помещицы, что за нею дадут сорок тысяч приданого (Фекла Ниловна всегда прибавляла вдвое). Во-вторых, после этого праздника уже не один уезд, а целая губерния заговорила о связи Ольги Михайловны с учителем. Все кричали:

- Этакого у нас еще и примера не бывало... Добро бы завести связь благородную, а то с кем!.. Убила бобра!

- Да что-с? я сам был очевидным свидетелем-с, как они в саду целовались.

- Неужели?

- Точно-с; а она ему сказала: клянусь, говорит, тебе в вечной любви... Это я слышал своими ушами-с.

- А мне так рассказывали, что Антон, дворовый человек Петра Александрыча, - он еще

при покойнике был камердинером, такой славный и верный слуга, - подкараулил их в леску... знаете, лесок-то, возле самой Долговки. Вот, знаете, и подкараулил... да вдруг и выскочил из-за куста. Она бежать, а Антон на молодчика-то с дубиной, да таки препорядочно отвалял его.

- Удивления достойно, как держит Андрей Петрович у себя в учителях такое, можно сказать, безнравственное существо...

- Добру научит детей его!

- А я наверно знаю, что учитель-то хотел ее увезти на бале у Феклы Ниловны, и тройка стояла у въезда в деревню; уж он, знаете, и в телегу ее посадил, - мой человек это видел и первый поднял шум; тут прибежали, их схватили, да и назад привели.

- Не так изволите говорить... Тройку-то имел он неосторожность поставить у самого дома и побежал за своей возлюбленной, у них заранее было все решено. А она вдруг заупрямилась. "Не хочу", - говорит, а он, не говоря ни слова, вынул пистолет из кармана, да и говорит: "Застрелюсь!" Она испугалась и вскрикнула. А на крик-то прибежали люди, и

все узнали, в чем дело.

- Она нанесла бесчестие всему уезду.

- Нет-с - целой губернии.

- Скажите, батюшка, лучше - всему женскому полу...

Около года Ольга Михайловна была предметом постоянного и всеобщего внимания. Только что и говорили об ней, как будто целой губернии решительно нечем и нечем было заняться, кроме ее.

Только Прокофий Евдокимыч отвлек на минуту от нее всеобщее внимание: сначала продажею всех своих деревень за необычайно дорогую цену и потом своею смертию...

- Господи боже мой!.. и кому он оставил свой несметный капитал?

- Кому! - и сказать стыдно!

- Вот в чьи руки переходят дворянские денежки!

- А сколько у него, батюшки мои, щенков-то было?

- Видимо-невидимо!

- Я чай, и умер-то, греховодник, без покаяния... Говорят, у него зарыты были мешки с золотом и с серебром под избой, где он жил...

- И все это пошло прахом. А копил целую жизнь!..

- А знаете ли, что на бедной Прасковье Павловне лица нет - так мучится.

От кого?.. От чего?.. Что такое?

- Разумеется, от кого, от своей невестушки. Ей ведь известно, что все мы знаем, как та отличается. Каково же ей это сносить? Ведь она ей не чужая. Сердце-то болит!

- Как же? ведь невестка... Жаль! потеряла себя, совсем потеряла, и в таких молодых годах! Худо без правил жить...

- Нечего и жалеть об ней, признаться...

- Отчего же?

- Она всегда важничала: так и показывала всем, что из столицы приехала.

- Я прошлый год ее встретил - кланяюсь, а она хоть бы для смеху головой кивнула.

- А я спросила у нее месяца три назад: "Почем у вас, милая Ольга Михайловна, материя на платье?" Она самым сухим образом отвечала: "Не знаю-с". Уж поверю ли я, чтоб она не знала почему? Просто: не хотела отвечать.

- А меня хоть бы когда-нибудь пригласила к себе...

- Правда, что не стоит и жалеть ее!

И все решили, чтоб Ольгу Михайловну и не принимать, и не приглашать, и не говорить с ней, и не подходить к ней...

- Твое имя страдает, голубчик! - кричала Прасковья Павловна сыну. - Что ж ты не примешь никаких мер? отчего же не призовешь ее и не объяснишься с нею. Я не хочу ей ни полслова говорить... Мне сказали верные люди, что она и без того всем кричит, будто я притесняю ее, убиваю... Я ее притесняю!

Прасковья Павловна упала на стул с криком и воплем.

- Ах она, злодейка! Моя репутация ничем не запятнана... Я вот сколько лет вдовой, да про меня никто дурного слова не скажет... Я и до старости лет дожила, имя свое сохранила... А она... Да что! Я не хочу и говорить про нее... ребенок болен, плачет, а она и не заглянет к нему... Экое каменное сердце! Да если б не я, он, моя крошечка, давно б умер!..

Однако, несмотря на крики, советы и даже обмороки своей матушки, Актеон почему-то не решался говорить с своей женою, хоть явно и при всяком случае старался показывать

ей свое неудовольствие. Они, впрочем, виделись редко. Он проводил целые дни с Ильею Иванычем, который забавлял его, или с Семеном Никифоровичем, который играл с ним в карты, пил и ездил на охоту. Она часто по целым неделям не выходила никуда из своей комнаты. Здоровье ее незаметно, но быстро разрушалось. Она уже постоянно кашляла и чувствовала боль в груди... Крики и брань Прасковьи Павловны, раздававшиеся по всему дому, так сильно действовали на ее нервы, что в эти минуты она бросалась к своей постели и прятала голову под подушки. Только старушка няня навещала ее и приводила к ней сына.

- Что ты не лечишься, моя кормилица? - говорила няня. - Посмотри на себя, ведь ты, как свечка, таешь... Не послать ли, матушка, за лекаркою Фоминишной в село

Кривухино? Я вашим лекарям-то не верю, - а она простыми травами лучше всяких лекарей ваших вылечивает от всех болезней.

Но Ольга Михайловна не хотела слышать ни о лекарках, ни о лекарях и уверяла няню, что чувствует себя совершенно здоровою.

Между тем как жена худела, муж толстел с каждым днем. Любо было смотреть на него за ужином (ужин он предпочитал обед), когда, усевшись в кожаные дедовские кресла с высокой спинкой и с длинными ушами, он снял салфетку с своего прибора и, сладко улыбаясь и предвкушая ожидавшие его наслаждения, торопливо засовывал ее за галстук. Против него обыкновенно садилась Прасковья Павловна, с правого боку - дочь бедных, но благородных родителей, а с левого Семен Никифорыч.

- А что, сегодня будет няня? - спрашивал Актеон, облизывая губы.

- Будет, дружочек, будет, - ответствовала маменька с нежностью. - Я сама ходила на кухню присмотреть, чтоб хорошенько приготовили ее. Ведь я знаю, мой ангел, чем тебе угодить...

Няня являлась на столе. Актеон накладывал себе полную тарелку няни и, опорожнив ее, приступал к жареному поросенку.

Удовлетворив свой аппетит и выкушав стакан мадеры, Петр Александрыч обыкновенно прислонялся к спинке кресел и отды-

хал минут с пять, а иногда и более, смотря по надобности; потом он обращался к исполителям:

- А что на дворе, братцы?

И в одно время раздавалось несколько басистых голосов:

- Сиверко-с.

- Вызвездило.

- Замолаживает.

И опять наступала тишина... и Актеон приступал ко второму стакану мадеры.

При окончании одного из таких ужинов, не знаю после которого стакана мадеры,

Прасковья Павловна, поменявшись сначала взглядами с Семеном Никифорычем, обратилась к сыну:

- Вот я, дружок, - начала она, - все хотела, да как-то позабыла сказать тебе... Ты знаешь, мое сердце, что у тебя чересполосное владение по Завидовскому имению с

Семеном Никифорычем? Еще покойник братец говаривал, - я как теперь помню (уж я, ты знаешь, милый мой, лгать не стану), - что он владеет совсем неправильно пятьюстами десятинами в Шмелевской даче... эта земля

совсем отдельная, и по всему следует ей принадлежать Семену Никифору. Братец хотел и укрепить за ним эту землю...

- Точно-с, - возразил Антон, стоявший за стулом Петра Александрыча, - об этом несколько раз и при мне дяденька изволили проговаривать-с.

- Видишь ли, дружок. И единственно только смерть помешала ему это сделать.

Ты, Петенька, даром что мой сын, я могу сказать, благороднейший человек, и к тому же не захочешь тревожить дяденькина праха; ты, - я в этом уверена, - не заспоришь об этой земле с Семеном Никифору, да и он вовсе не такой человек, чтоб действовать обманами; ты его знаешь... У вас есть с собой план?

Прасковья Павловна обратилась к Семену Никифору.

- Пл...план у меня в кармане, - сказал Семен Никифору с сверкающими глазами.

- И прекрасно! Вот вы сами и растолкуете Петеньке, как и почему этой землей следует владеть вам.

Семен Никифору развернул перед Пет-

ром Александрычем трехсаженный план и, вода по нем указательным пальцем, начал объяснять, заикаясь, свои права.

Актеон долго слушал, ничего не понимая, и смотрел на план, ничего не видя.

- Да что ж, - сказал он, - пожалуй, возьмите себе эту землю...

- Ну, вот и прекрасно!.. - воскликнула Прасковья Павловна. - У тебя там, голубчик, в Завидовке столько земли, что уж половина так брошена, не обрабатывается, рук недостает... Поскорей бы и купчую сделать...

- Пожалуй, - сказал Петр Александрыч.

- Т...т...т...ак вы у...у...уступаете мне эту землю? - спросил Семен Никифорыч, вытаращив глаза и еще не совсем веря своему счастью.

- Неужели ж, - отвечала Прасковья Павловна, несколько обидясь, - могли вы сомневаться в благородстве моего сына?

- Не...не...нет. Не...не... знаю, как и благодарить вас... Пе...Пе...Петр Александрыч...

- Поздравляю вас, Семен Никифорыч, с приобретением, - сказала Прасковья Павловна.

- Поздравлять надо шампанским, - заметил Петр Александрыч. - А кстати, я уж давно не пил шампанского... вкус в нем потерял. Выпьем-ка, Семен Никифоруыч, бутылочку.

- Э...это наше гу...гусарское вино, - произнес Семен Никифоруыч, - к...как не выпить?

На другой день Актеон сообщил своему управляющему о том, что он уступил пятьсот десятин земли Шмелевской дачи Семену Никифоруычу.

- Помилуйте-с, - сказал Назар Яковлич, нахмутив брови, - да как это можно-с? У нас в Завидовке на сто душ останется всего двести десятин... Крестьянам-то умирать с голода придется. Нет уж, воля ваша! После этого какие же вы хотите доходы от меня требовать?

- Так что ж? не отступить-ся ли мне от своего слова! - отвечал Актеон. - Я вчера уж и бутылку шампанского распил по этому случаю с Семеном Никифоруычем...

- Ах, Петр Александрыч! Одна деревенька оставалась незаложенная, да и ту.вы хотите разорить.

- Вздор какой!..

- Нет-с, не вздор; да и земля-то, уступлен-

ная вами, самая лучшая, хлебородная...

- Вы мне и без того никаких доходов не дали во все ваше управление, да еще, говорят, хотите требовать денег на прокорм крестьян...

- Так что же, сударь, - возразил управляющий недовольным голосом, - коли хлеб не родится, ведь это не моя воля, а божья...

- Отчего же другие помещики все-таки получают кой-какие доходы?

- Да уж я давно, Петр Александрыч, замечаю, что я вам не нужен. Что ж? я готов хоть сейчас отойти: я место себе всегда найду.

Прасковья Павловна подслушала этот разговор и вбежала в комнату с гневом.

- Что ж, друг мой, неужели ты после этих грубостей станешь держать его у себя?

Господи боже мой! разве он один только и умеет управлять имениями? Вот какое сокровище!..

- Не горячитесь, сударыня, - сказал управляющий, посмотрев прямо в глаза

Прасковье Павловне, - я, во-первых, обижать себя никому не позволю, потому что я чиновник, а во-вторых... Ну, а во-вторых-то...

Я, так и быть, промолчу, а уж вы сами знаете.

Он поклонился Петру Александрычу и вышел из комнаты.

- Экий грубиян! - закричала Прасковья Павловна, притворяя дверь, в которую вышел управляющий. - Отпусти его поскорей, другой мой. Бог с ним! он только разорял крестьян... Я знаю за ним такие плутни, такие... ну, да я тебе все после расскажу. Семен

Никифорыч у нас свой человек в доме, душевно привязанный к тебе, да он с охотой возьмется управлять твоими имениями. Молчи только, дружок, до времени... Я все это тебе устрою самым лучшим образом.

Через две недели Назар Яковлич выехал из села Долговки и все счета и расчеты по своему управлению сдал, по приказанию Актеона, Семену Никифорычу. Назар Яковлич давно искал только предлога, чтоб отойти от Петра Александрыча. В продолжение своего четырехлетнего управления он нажил себе порядочный капиталец и захотел сам сделаться помещиком. Он вскоре купил за 200 верст от села Долговки 60 душ с усадьбой.

Состояние Актеона близилось к разруше-

нию. С капитала, отданного им на бумагопрядильную фабрику, он еще не получил ни гроша. Дмитрий Васильич Бобынин написал к нему оскорбительное письмо за увольнение управляющего и настоятельно требовал или немедленной высылки денег, которые Петр Александрыч был должен ему, или немедленной уступки за этот долг деревни Бекеевки; в противном случае угрожал, что начнет действовать по законам. А деревня Бекеевка была хоть и небольшая, но лучшая и выгоднейшая деревня Петра Александрыча! Чтоб развязаться с Дмитрием Васильичем, он должен был согласиться на уступку ему Бекеевки.

- Знаете, маменька, - говорил он, - я уж от Дмитрия Васильича ни за что в свете не ожидал такого подлого поступка.

- Что, мой голубчик? - возражала Прасковья Павловна, - моя правда и вышла... Я всегда говорила тебе, что Дмитрию Васильичу пальца в рот нельзя класть, что этакое тонкого обманщика и вообразить нельзя... Видишь ли, как твоя маменька знает людей?..

- Да. Как вы их так научились разбирать? Это удивительно!

- А сказать ли тебе приятную новость, мое сердце?

- Какую?

- Парамон Астафьич, заседатель наш, просит руки моей Анеточки; он написал ко мне премилое письмо по этому случаю.

- Так у нас будет скоро свадьба, маменька?

- Надеюсь, душа моя...

Через несколько времени Петр Александрыч, по настоянию Прасковьи Павловны, занял 20 000 рублей ассигнациями у Семена Никифоруича под залог 40 душ - и отдал эти деньги от имени своей матери в приданое дочери бедных, но благородных родителей.

- Не беспокойся, Петенька, - говорила Прасковья Павловна, - эти двадцать тысяч я тебе отдам... Уж ты, мое сердце, положишь в этом случае на мою совесть...

- Хорошо, маменька-с; а когда же свадьба-то?

- В начале сентября, друг мой, непременно.

И вот сентябрь приближался... Только еще третью осень встречал Петр

Александрыч в деревне, а ему казалось, что он живет в ней с самого младенчества.

Иногда, в год раз или два, мерещились ему петербургские лица, Невский проспект,

Александрейский театр, офицеры, устрицы... и г-жа Бобынина и г-жа Горбачева - эти две жемчужины среднего петербургскогословия... Но он тотчас же отгонял от себя все эти воспоминания.

"Да и что такое Невский проспект? - мыслил он однажды, - совершенный вздор... И что эти красавицы? так только, блестят, и больше ничего... Спрашивается: чем здесь хуже? Здесь и Агафья Васильевна в козловых башмаках, и Маша, у которой щечки алее зари утренней, и Настя..." и проч. Вдруг на дворе послышался крик.

"Что это значит?" - подумал Петр Александрыч.

Он поднялся с своего дивана и взглянул в окно. У подъезда дома стояли три подводы, и на эти подводы укладывали сундуки с приданным дочери бедных, но благородных родителей. Мужики и лакеи, стоявшие у подвод, во все горло смеялись, глядя на какого-то мальчика, которого Антон торжественно вел через двор за ухо.

Мальчик тщетно пытался вырваться от Антона и кричал.

- Что это, Наумыч? - спросили в один голос Дормидошка, Фомка и Филька. - За что это ты, брат, его теребишь? Ведь это Петька покровский.

- Не ваше дело, - отвечал Антон с глубочайшей важностью, - будете знать все, скоро состареетесь...

"Что это за мальчишка? - подумал Петр Александрыч. - Странно!"

Через полчаса после этого Прасковья Павловна вбежала к своему сыну.

- Ну, Петенька, - вскрикнула она, - приготовься, мой друг!.. Не на радость я пришла к тебе... да что делать? Супруга твоя забывает все приличия, всякую благопристойность...

Она... она... ну, как бы ты думал... ну, вообрази, что может быть хуже... завела переписку с учителем!.. Я молчала, все молчала... да наконец уж, извини... не могу... не могу... Я не говорила тебе до сих пор, что она с ним прогуливается в роще, что уж однажды Антон подкараулил их и, кажется, учителю-то от него досталось... Уж об этом, батюшка, посторон-

ние говорят, все, все... Я щадила только твое здоровье, потому молчала... и думала, признаюсь, что она очувствуется... Наконец надо же положить этому преграду...

Переписка!.. Бесподобно!

- Где ж вы видели ее переписку? - спросил Петр Александрыч, встав с дивана и пройдясь по комнате...

- Где?.. где?.. А вот где!

Прасковья Павловна подала сыну с особенною торжественностию какую-то записочку.

Он открыл ее, пробежал глазами и нахмурился.

- Да читай вслух, мой друг. У меня, знаешь, глаза слабые; я не разобрала и половины. Поняла только, что любовная записка.

"Мне открывается случай ехать в чужие край, и не позже, как через месяц. Об этом я получил третьего дня письмо из Москвы... Я еду; мне должно уехать отсюда... Но чувствую, что у меня не достало бы сил уехать, не простясь с вами. В моей горькой жизни есть несколько светлых дней. Этими днями я обязан вам. Желание вас видеть в последний раз пересилило мою боязнь писать к вам. Прости-

те меня за это... Мысль, что я могу подать повод этой запиской к сплетням, которые составляют, кажется, весь интерес здешних жителей, эта мысль мучит меня... С моим посланным напишите мне одно слово в ответ, где и когда я могу вас видеть".

Прочитав это письмо, Петр Александрыч положил его в карман.

- Каково покажется? - закричала Прасковья Павловна. - Сплетни! ай да молодчик!..

Пожаловал нас в сплетницы... О каких-то минутах, видишь ли, напоминает ей и просит, чтоб она назначила ему рандеву... Прекрасно!

Петр Александрыч покачал головой.

- Нехорошо; однако он уезжает отсюда, маменька...

- И ты веришь ему, голубчик? Это все обман, хитрость! им только хочется иметь свидание. Нет, этого пропустить нельзя... и посланного-то надо отвадить отсюда...

- А как же эта записка попала к вам?

- Спасибо Антону. Мальчишка-то посланный, видно, дуралей; он встретил Антона, да и спрашивает, как видеть вашу молодую ба-

рыню. А тот догадался, спрашивает - зачем тебе? - Так, говорит... Он погрозил ему; мальчишка-то туда, сюда, да и признался, что у него записка есть к ней от учителя... Антон взял его за ухо и привел ко мне... Впрочем, ты с Ольгой Михайловной сам как хочешь, так и делайся. Мой долг был только обнаружить ее шашни, показать ее неблагодарность к тебе, которому она всем обязана, - а там не мое дело. Тебе известно, что я все сношения с ней прекратила, а уж что касается до этого негодяя мальчишки, их любовного почтальона, я велю его порядочно проучить.

Мальчик, точно, был высечен Антоном по приказанию Прасковьи Павловны и выпровожен за деревню.

Антон, донеся ей о точном исполнении ее приказания, стоял в ее комнате, как будто ожидая чего-то.

- Хорошо, Антон, спасибо! - сказала Прасковья Павловна.

Антон все не двигался с места.

- Что? тебе нужно что-нибудь? Антон поклонился ей в пояс.

- Матушка Прасковья Павловна, - сказал

он, - осмелюсь утруждать вас... Я, кажется, служил вам верой и правдой, и то есть, коли доподлинно сказать-то, считал вас всегда своей барыней... ей-богу... Не оставьте же меня, старика... сами изволите знать...

Жена, дети...

- Что ж тебе, на волю хочется, Антон? - спросила Прасковья Павловна.

- И, матушка, какая воля!.. Да что я, старик, пойду теперь на волю, да еще с этакой обузой, с женой, с детьми? Беда!.. Только добрых людей насмешить... Да и куда идти мне?.. А вот если б ваша милость была (Антон почесал затылок), если б вы пожаловали мне, примерно, сколько-нибудь рублишек. Недавно, матушка, околела у нас дойная, важнейшая была корова, просто всю семью кормила. Заставьте за себя вечно бога молить...

- Хорошо, Антон, изволь.

Прасковья Павловна вынула из своего ридикюля десять рублей.

- Вот возьми покуда, а после я тебе дам еще. Антон поклонился и вышел.

- После! - ворчал он себе под нос, идя по двору. - Вот тебе и раз! За все мое усердие

отблагодарила краснухой. Уж, видно, моя такая доля горемычная! Хоть бы холстинки кусочек прибавила. Все бы отраднее было. Эх, горькая участь!

И Антон, махнув рукой, отправился в домик, украшенный елкою.

ГЛАВА X

В то самое время, как Антон явился с докладом к Прасковье Павловне, Петр

Александрыч вошел в комнату к жене своей. Эта комната, в которой он давно не был, поразила его, - так резко отделялась она от остальных комнат в его доме. Он с странным любопытством смотрел на все - и на рояль, на котором лежала груда нот, и на столы, на которых разбросаны были книги, и на письменный стол ее, на котором стоял портрет ее матери.

Ольга Михайловна сидела на диване, закутавшись в шаль и прислонив голову к спинке дивана. Она вздрогнула при скрипе отворившейся двери и с изумлением посмотрела на мужа.

Он поклонился ей, нахмурил брови и сделал несколько шагов. Он явно хотел говорить, потому что губы его зашевелились; но слова не сходили с языка... Он еще немного прошелся по комнате, остановился, посмотрел на нее

и сказал:

- Вы очень похудели.
- Может быть, - отвечала она.
- Вы больны?
- Нет, я здорова...

Петр Александрии замолчал, открыл одну из книг, перевернул страницу и потом кашлянул.

- А мне нужно объясниться с вами.
- Что вам угодно?..

- Вот видите ли, я ничего вам не говорил до сих пор, а мне все известно... По целой губернии ходят об этом слухи. Я не хочу, чтоб вы имели какие-нибудь сношения с этим учителем... Этого и приличие не позволяет... и мое имя тут страдает... Уж, может, и губернатор и губернаторша об этом знают... сами посудите, хорошо ли это?.. Я ведь ваш муж... ведь на меня пальцами будут показывать... Ну, если губернатор станет надо мной смеяться, что вы тогда скажете?

Ольга Михайловна грустно посмотрела на мужа и ничего не отвечала.

- И переписку завести, - продолжал Петр Александрыч, - да ведь это что же такое нако-

нец?

- Какую переписку? Она подняла голову.

- А вот...

Он вынул из кармана записку учителя.

- Он к вам пишет записки... Ведь у вас еще, кажется, муж не умер, живой перед вами.

Ольга Михайловна вскочила с дивана.

- Кто ко мне пишет? Какая записка? Покажите.

- Извольте...

Она схватила записку дрожащей рукой и пробежала ее.

Лицо ее вспыхнуло от негодования.

- И вы перехватили эту записку и распечатали ее?

- Нет-с, не я, а маменька.

- Что же вам угодно еще от меня?

- Больше ничего, как только все высказать вам это... Я надеюсь, что вы отвечать ему не будете.

- Нет, буду, - сказала она, смотря ему прямо в глаза.

- Как?.. На что же это похоже? Что вы будете отвечать?

- То, что я хочу проститься с ним, видеть

его в последний раз.

- И вы мне, вашему мужу, в глаза признаётесь, что любите другого?

- Да, я люблю его, люблю, - повторила она спокойным и твердым голосом, - только не так, как думаете вы и ваша маменька. Я увижусь и прощусь с ним, хотя бы после этого и клеветы, и оскорбление, и презрение всей вашей губернии обрушились надо мною и подавили меня...

Петр Александрыч посмотрел на жену и подумал: "Да она помешалась!"

В эту минуту вошла горничная.

- Нянюшка, - сказала она, - просит вас к себе, сударыня; ей сделалось очень худо.

Ольга Михайловна вышла из комнаты, оставив своего супруга в страшном раздумье.

- Просто, - ворчал он сквозь зубы, - помешалась!..

Старуха няня была уже больна недели две, и в продолжение всей ее болезни Ольга

Михайловна почти не отходила от ее постели.

- Что же нейдет моя голубушка-то Ольга Михайловна? Послали ль за ней? - повторяла

больная.

Ольга Михайловна неслышными шагами подошла к ней.

- Что с тобой, няня? Тебе хуже?

- Ах, это вы, моя кормилица... Дай мне твою ручку... Плохо, матушка, плохо...

Кажется, мой последний час пришел... Да и то сказать, зажилась, родимая; пора домой...

Пошли, кормилица, за священником, да вели привести ко мне, матушка, Сашеньку-то...

Последний раз посмотреть на него...

Дитя было приведено; вскоре за ним явился и Петр Александрыч.

- Спасибо тебе, кормилец, - сказала ему старуха, - что не забыл меня...

Через минуту она обратилась к Ольге Михайловне.

- Послушай, матушка... ты здесь... Наклонись ко мне... Не препоручай ничего, родимая, Антону, - шептала она, - сохрани тебя бог... и никому из дворни... кроме Петра...

А где же мой Сашенька-то?..

- Вот он, няня.

Ольга Михайловна приподняла своего сына и посадила на кровать к больной.

- Голубчик мой, милое мое дитятко... - говорила старуха, смотря на него.

- Благослови его, благослови его, няня! - сказала Ольга Михайловна голосом, задушаемым слезами.

Старуха просила, чтобы ее приподняли. В комнате было как в сумерках. Сероватый осенний день едва проходил сквозь окно в комнату умиравшей, и только слабый свет лампы, теплившейся перед двумя образами, стоявшими у ее изголовья, освещал ее морщинистое лицо, исхудавшее от болезни.

- Во имя отца и сына и святого духа! - сказала старуха, осеня дитя своей дрожащей рукой, - будь счастлив, расти, голубчик, отцу и матери на утешение.

Няня поцеловала его и заплакала.

И у Петра Александрыча показались на глазах слезы.

Священник пришел и причастил умирающую. После причастия старуха улыбнулась и как будто с большею живостью посмотрела на всех.

- Поздравьте же меня, - сказала она, - господь сподобил меня, грешную, причаститься святых тайн.

Она несколько минут отдохнула и потом начала говорить, беспрестанно останавливаясь и совсем ослабевшим голосом:

- У меня под кроватью два сундучка стоят да две скриночки... Там вещи, которые я собирала, берегла... разные вещи... Родных у меня никого нет... я была одна, как перст...

Это, матушка Ольга Михайловна, я тебе оставляю... Слышишь?

- Слышу, няня... Благодарю тебя.

- Петенька! подойди же ко мне... Петр Александрыч подошел к няне.

Она собрала все свои силы, крепко ухватила его за голову и начала целовать.

- Исполни просьбу твоей старухи, батюшка, последнюю просьбу... береги жену свою... береги ее, Петенька...

Не давай ее никому в обиду, кормилец... У нее нет здесь ни отца, ни матери... Она на чужой стороне... Она добрая, она все за твоей больной няней ходила... А где ты? ты здесь, моя кормилица... Дай, я тебя перекрещу, - ска-

зала няня Ольге Михайловне. -

Прощайте все, добрые люди... А где же Прасковья Павловна?..

Голос старухи постепенно замирал; она прошептала еще несколько невнятных слов, раза два простонала - и стихла.

Когда Ольга Михайловна вышла из комнаты няни, в сенях навстречу ей попалась

Прасковья Павловна и дочь бедных, но благородных родителей.

- Что наша старушка? - спросила последняя с участием.

- Она скончалась, - отвечала Ольга Михайловна.

- Неужели?..

Дочь бедных, но благородных родителей поднесла платок к глазам.

- А нам даже и не дали знать, что она в таком трудном положении! - сказала

Прасковья Павловна, искоса посматривая на свою невестку, - да и зачем? мы ходить с

Анеточкой за больными не умеем, где же нам? Мы добродетельными прикидываться также не можем... В притворстве уроков не брали... Учителей у нас знакомых нет; настав-

лений давать нам некому...

Прасковья Павловна выходила из себя. Дочь бедных, но благородных родителей посмотрела выразительно на свою благодетельницу и едва заметно покачала головой.

- Пойдемте, дружочек Анеточка, простимся с покойницей... дай ей бог вечную память! - Прасковья Павловна перекрестилась. - Не забудьте же, душенька Анеточка, вписать в моем поминанье рабу божию Федосью...

ГЛАВА XI

Андрей Петрович, узнав, что его мальчик, посланный учителем в село Долговку, был наказан, пришел в ужасную ярость.

- На моего человека осмелиться руку занести! - кричал он, ходя по комнате и обращаясь к одному из гостивших у него помещиков, - хорошо же! это не пройдет даром...

Нет, любезный соседка, извините... Ну, уж этот Петр Александрыч, суцая баба, признаюсь... Этого я от него не ожидал. Как позволить себя опутать до такой степени!..

"Мать!" - говорит... Имей он уважение к матери - против этого ни слова, да на что же у человека царь-то в голове? как же не жить своим умом?.. Притеснили эту бедную Ольгу

Михайловну так, что ни на что не похоже... выводят сплетни по целой губернии, расславили ее на всех перекрестках... да и меня вмешали в эту историю... А учитель мой человек отличный, тихий, благородный... я бы с ним целый век не расстался... Ну, да уж зато

какой же я аттестат ему дам, черт возьми! в золотую рамку может повесить просто!..

Вишь, злоба какая! Осмелиться наказать чужого человека!.. Погоди, вот я все их ухищрения обнаружу; я заставлю замолчать целую губернию! Да, я таков... со мной не шути.

Андрей Петрович, который в продолжение всей своей жизни брал только перо для того, чтоб подписывать свое имя, - схватил лист почтовой бумаги и в один присест написал к Петру Александрычу следующее:

"Милостивый государь мой после таких поступков с вашей стороны каков был последний поступок с моим человеком, который принес письмо от учителя к вашей супруги, я не вхожу в рассмотрение по приказанию Вашему или вашей Матушки сделано то, а имею только честь объявить вам, что буде кто из ваших крестьян либо дворовых после сего покажется в моей деревне покровке новоселовке тож то не применет с ним последовать такоеже наказание коему у вас подвергся мой человек. - Засим имею честь быть ваш слуга Андрей Боровиков".

Письмо это не произвело сильного дей-

ствия на Петра Александрыча; он даже жалел втайне о нечаянной вражде своей с Андреем Петровичем; зато оно чрезвычайно раздражило Прасковью Павловну.

- Ах он, бесовестная душа! низкий человек! - восклицала она. - Уж недаром у меня всегда на сердце было что-то против него!.. Правда, говорят, что все к лучшему, теперь я верю этому... Ну, если бы я выдала Анеточку за него, ведь он погубил бы ее, совсем погубил!.. У кого же нам теперь взять музыкантов для сговору и для свадьбы?.. Вот беда!..

Сговор и свадьба должны были совершиться в губернском городе, где пламенный жених нетерпеливо ожидал избранницу своего сердца. Прасковья Павловна целые дни проводила в сборах и приготовлениях к 26-му сентября: этот день назначался для выезда из села Долговки. Петр Александрыч приглашен был посаженным отцом, а Фекла Ниловна посаженою матерью со стороны невесты.

Дочь бедных, но благородных родителей с тех пор, как торжественно была объявлена невестой, находилась в меланхолическом состоянии. Она беспрестанно вздыхала. Ее

несколько тревожило, что жениха ее зовут Парамоном, но зато это окончательно утвердило ее веру в святочные гаданья. Имя Парамона, как известно читателю, впервые услышала она полтора года пред сим, в один из рождественских вечеров, когда робко и трепетно выбегала на улицу вопрошать судьбу о своей участи.

26 сентября утром, перед самым выездом своим из деревни, невеста пришла к Ольге Михайловне.

- Ма-шер Ольга Михайловна, - сказала она, - я должна проститься с вами и поблагодарить вас за внимание ваше ко мне в продолжение всего времени, которое я жила здесь. Меня только убивает мысль, что болезнь мешает вам осчастливить своим присутствием мою свадьбу.

Произнеся это, дочь бедных, но благородных родителей скромно потупила глаза.

- Вы не сердитесь на меня, душенька? - спросила она после минутного молчания, взглянув с чувством на Ольгу Михайловну.

- За что же-с?

- Вы могли думать, что я была отчасти при-

чиною неприятностей, которые последнее время терпели вы от Прасковьи Павловны, а я, клянусь вам, всегда еще удерживала ее, сколько могла, хвалила ей вас...

- Очень вам благодарна.

- Мне всегда так жалко было на вас смотреть; я всегда самое искреннее участие принимала в вас... Позвольте мне быть уверенной, что мы расстаемся с вами без всяких неприятностей?

- Совершенно. Желаю вам всякого счастья.

Дочь бедных, но благородных родителей поцеловала Ольгу Михайловну и заплакала.

Все было готово к отъезду. Прасковья Павловна, Семен Никифорыч, Петр

Александрыч и невеста, в салопах и шинелях, присели минуты на две, как это обыкновенно водится; потом помолились; потом Прасковья Павловна начала рыдать и благословлять свою Анеточку; потом все пошли к карете, где ожидали их мрачный Антон и вечно цветущая Агафья.

В эту самую минуту Илья Иваныч, приехавший в тележечке на одной лошадке, подбежал к отъезжающим.

- Ах, Илья Иваныч! - закричал Актеон.

- Эге! Илья Иваныч, - произнес Семен Никифорович.

- Илья Иваныч! Илья Иваныч! - пропищала Прасковья Павловна с Анеточкой.

- Мое почтение-с. А я привез вам новость-с. Село Козмо-Демьянское графа

Воротынцева продано совсем, с померанцевыми деревьями-с, с фабрикой, с домом и со всеми угодьями за миллион двести тысяч-с.

- Кому? кому? - закричали все в один голос.

- Дмитрию Васильичу Бобынину.

- Вздор! - вскрикнула Прасковья Павловна, обомлев.

- Ей-богу-с. Уж и купчая, говорят, совершенна-с... Да в городе вы всё сами узнаете.

Прасковья Павловна бросила значительный взгляд на сына.

- А вы куда-с едете? - спросил Илья Иваныч.

- Ах, батюшка, да разве ты не знаешь? Везу отдавать замуж Анеточку.

- Поедемте-ка с нами, - сказал Актеон, - как будет весело, какие будут обеды, ужины!.. - Он

подумал: "Ай да Дмитрий Васильич! Как-то я, выручу от него деньги, отданные на филатуру?"

- Вы, Илья Иваныч, сядете там сзади, в тарантасе, с Настей и с Машей, - заметила Прасковья Павловна.

- Как же, я жене и детям ничего не сказал-с! Разве с моим мужичком послать их уведомить, что я, дескать, с вами в город поехал?

- И прекрасно. Так решились?

- Решился-с.

На свадьбе будем мы отлично пировать
И молодым всех благ и счастья желать.

Проговорив это двустишие, Илья Иваныч бросился к своей тележке, вынул из нее свой чемоданчик, отдал приказ своему мужичку и расположился в тарантасе.

В карету села, кроме четырех господ, Агафья Васильевна. Антон взгромоздился на козлы. Гришка стал на запятки. Карета двинулась, и за нею два тарантаса, нагруженные перинами, подушками и девками.

В этот же вечер Ольга Михайловна написала к учителю:

"Завтра утром я ожидаю вас к себе. Вы ни-

кого не встретите. Я одна, все уехали в город".

Но с кем послать эту записку?

Ольга Михайловна задумалась: вдруг ей пришло на память, что умирающая няня говорила о Петре. Этот Петр находился под опалой у Прасковьи Павловны и редко приходил в комнаты. Ольга Михайловна велела позвать его к себе. Он явился.

- Возьмешься ли ты доставить эту записку учителю, который живет у Андрея

Петровича? - спросила она.

- Почему же нет-с? Да лучше всего, сударыня, отдать ее покровскому крестьянину, который здесь проездом у нашего мужичка Ермолая.

- И он доставит ее?

- Как же-с, непременно; наказать только ему строже.

- Так возьми же эту записку и попроси его, чтоб он доставил ее сегодня же, если может.

- Слушаю-с. - Петр ушел.

На следующее утро она встала рано и вышла в сад. Погода была пасмурная; серые тучи кругом обложили небо. Резкий ветер, поднявшийся с поля, со стоном качал полуобна-

женные деревья; желтые листья горами лежали на земле, утки лениво ныряли в пруде; на полусгнившем и почерневшем заборе висело белье; по крыше разваливающегося дома лепился мох; ставни у многих окон сорвались с петель и качались со скрипом...

Она возвратилась в свою комнату и села в тревожном ожидании у окна, прислушиваясь к однообразному стуку и шипенью старинных настенных часов. Сердце ее ныло и замирало от грусти. На ней было белое платье - такое же, как в тот день, когда она увидела его в первый раз. Осунувшееся лицо ее было покрыто ярким румянцем; глаза блестели; грудь подымалась тяжело и неровно.

Вдруг раздались чьи-то шаги в тишине. Кто-то всходил на лестницу. Она начала слушать. "Это он!" - прошептала она и пошла к нему навстречу.

- Я издали узнала ваши шаги, - сказала она, улыбаясь и протягивая ему руку. -

Видите ли, как старые друзья ваши помнят вас?..

Она села на диван и указала ему место возле себя.

- Я думал, что уж более не увижусь с вами.

- О нет, нет! вы не должны были уезжать, не простясь со мною... А вы скоро едете?

- спросила она немного изменившимся голосом...

- Через два дня, - отвечал он.

- Через два дня! - повторила она, задумываясь. - Наконец ваше всегдашнее желанье исполняется...

- И странно! в эту минуту, - сказал он, - я считал бы величайшим счастьем, если б мне навсегда можно было остаться здесь...

Несколько минут они молчали.

- Куда же вы едете? - спросила она.

- В Италию.

- Поезжайте, поезжайте! вам будет лучше там... Я рада за вас. - Она опять задумалась. - И я когда-то думала быть в Италии... только это очень давно.

Она улыбнулась.

- И я вижу вас в последний раз? - произнес он голосом, вырвавшимся из глубины болящей души.

- В последний!

На глазах ее показались слезы...

- Да... я теперь начинаю вспоминать... вы когда-то желали услышать от меня еще раз - Шуберта... Теперь я могу исполнить ваше желание. - Она села к роялю и с минуту как будто припоминала что-то... Легкий, едва заметный трепет пробежал по ее телу... руки прикоснулись к клавишам, и раздались печально-медленные аккорды "Странника"*. * "Der Wanderer".

Она пела:

... "Тихо и грустно странствую я по жизненному пути, и вздохи беспрестанно спрашивают: где же, где?"

"Здесь солнце светит на меня так холодно... цвет жизни моей вянет, речи их - для меня звуки пустые..."

"О, где же ты, где ты, моя возлюбленная страна, так мной любимая, предчувствуемая и никогда мной не знаемая? Страна, столь полная надежды, - страна, где цветут мои розы, где живут друзья мои, где восстают мои мертвые, - страна, где говорят моим языком, - о, где же ты, где ты?"

"Тихо и грустно странствую я по жизненному пути, и вздохи беспрестанно спрашивают:

ют - где она, где она?

"Мне слышится, словно в дуновении ветра прозвучал таинственный голос: там, где нет тебя, - там твое счастье..."

Она смолкла, голова ее болезненно склонилась к груди... Это была ее лебединая песнь. Он смотрел на нее, и по бледному лицу его ручьями лились слезы...

Отдохнув, она долго еще разговаривала с ним о своей жизни в Москве, о чужих краях... Наконец он встал со стула и взялся за шляпу.

- Вы уж идете? - сказала она, сжимая его руку. - Прощайте; да благословит вас бог!.. Благодарю вас... за все... Вам я обязана лучшими минутами моей жизни... - Она едва могла договорить последнее слово; силы оставили ее, и голова ее упала к нему на грудь.

Минуты две она была в каком-то забытьи; вдруг приподняла голову, отвела от глаз свои волосы и смотрела на него долго и пристально, будто стараясь еще более напечатлеть в своей памяти черты его.

- Прощайте! - повторила она, - если когда-нибудь случится вам быть в этих местах, зайдите на мою могилу...

Она улыбнулась.

Он ничего не мог говорить: слезы задушили его, он только жадно прильнул к ее рукам в упоении отчаяния...

Она проводила его до другой комнаты... потому что силы не позволяли ей идти далее, и села у окна, которое выходило на улицу.

Он давно скрылся, но она все еще сидела у окна...

У Полицейского моста, часу в 3-м утра, офицер с серебряными эполетами и с черным султаном остановил офицера с золотыми эполетами и с белым султаном.

- Бон-жур, мон-шер, - кричал офицер с черным султаном, хватая почти насильно за руку офицера с белым султаном, - куда идешь? что ты сегодня делаешь? отчего так бледен? - Слышал новости, мон-шер?

- Какие?

- Сюда две француженки приехали, прехорошенькие, прямо из Парижа; я за одной из них волочусь... она подарила мне колечко с изумрудом... я тебе после покажу... Как она мило говорит: "Je vous adore!", ты не поверишь... А кстати, ты ведь знал Петра

Александрыча Разнатовского?.. Пьер, такой славный малый? Я у него шафером на свадьбе был. Мы еще вместе с ним кутили... я у него сто тысяч выиграл последний раз, как ездил к себе в деревню, знаешь?

- Да как, братец, не знать?.. Ну, что же?

- И помнишь его жену, мон-шер? Она к Горбачевым ездила, шармант персонь была!.. Она всегда такие длинные черные локоны носила и славно вальсировала...

- Да, знаю, братец, что же дальше?

- Умерла с год назад тому... я только недавно узнал об этом, мон-шер.

- Так, по-твоему, это тоже новость?

- Еще бы! ведь ты не знал этого! А Петр Александрыч, говорят, недавно женился, и знаешь, на ком? - трудно поверить... На своей горничной Агашке... Мне пишут об этом из тех мест, мон-шер, где его деревня, - ей-богу!

- Неужели?..

- У него, говорят, всего осталось пятьдесят душ. Дмитрий Васильич Бобынин чудно обработал его! А мы сегодня, мон-шер, кутим напропалую с Костей и с Петрушей. У

Дюме особый обед заказали по пятнадцать

рублей с персоны, без вина... У него новый чудесный повар... 0-плезир, мон-шер.

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
20.06.2008**